

НОВАЯ ПОЛЬША 10/2016

Выпуск изображений

Ханна Кралль родилась в Варшаве (1935), в еврейской семье. Во время войны скрывалась, потеряла родственников, сама чудом избежала смерти. Закончив журналистику в Варшавском университете (1955), стала работать сначала в газете «Życie Warszawy», потом в еженедельнике «Polityka», считавшемся тогда лучшим польским еженедельным изданием.

В 1966–1969 гг. она путешествовала по СССР. Написанные тогда репортажи вошли в книгу «На восток от Арбата» («Na wschód od Arbatu», 1972) – ее дебют. В предисловии к новому изданию книги Мариуш Щигел писал: «Эта книга напоминает, что Ханна Краль промышляла контрабандой. И что контрабанду она доставляла из Советского Союза! Ибо ее репортажи иначе как контрабандой, не назовешь». (См.: «Родился новый театр», 10/2016)

Из журнала «Polityka» она ушла в декабре 1981 г., после введения военного положения. Работала в кино. С начала девяностых годов сотрудничала с изданием «Gazeta Wyborcza», преподавала журналистику. Самая известная книга Ханны Краль это «Опередить Господа Бога» (1976) – запись цикла бесед с Марекком Эдельманом, врачом, командиром восстания в варшавском гетто в 1943 году. Память о холокосте это важная тема произведений Ханны Краль, в которых она также пытается разобраться в современном мире.

Книги Ханны Краль переведены на многие языки, в том числе, английский, немецкий, шведский, венгерский, иврит, финский, голландский. По-русски известны: «Опередить Господа Бога», «Королю червонному - дорога дальняя», «Белая Мария», «Синдром уцелевших». Фрагмент книги «Так это ты – Даниил» читайте на наших страницах (5/2003).

Содержание

1. Давайте строить новую модель капитализма
2. У польских фирм есть потенциал: лидеры инноваций
3. Мы добьемся энергитической независимости
4. Мы отравляем Европу углем
5. Семья 3500 плюс
6. Хроника (некоторых) текущих событий
7. Фонд «Семейные фирмы» поддерживает предпринимателей
8. Выписки из культурной периодики
9. Красную армию в Червонный Бор
10. Стихотворения
11. Поэзия внутреннего монолога
12. Культурная хроника
13. Родился новый театр
14. Самый человечный из наших писателей
15. Собор сэндвичей
16. Мышеловка на Земовита
17. Магда Польковская: странствующая сказочница
18. Эндорфин, адреналин и кое-что еще

Давайте строить новую модель капитализма

С профессором Михалом Клейбером
беседует Кшиштоф Пилавский

Профессор Михал Клейбер. Фото: Agencja Gazeta

— Профессор, мы разговариваем с вами 18 июля, пять дней тому назад я попросил вас дать интервью на тему, должна ли Польша готовиться к прыжку в мир современности и благоденствия или же нам следует искать спасения от надвигающейся катастрофы. За эти несколько дней в Ницце террорист уничтожил более 80 человек, а в Турции произошла кровавая попытка государственного переворота. Сегодня катастрофа выглядит более реальной, чем счастливое будущее.

— Действительно, под влиянием недавних трагических событий трудно думать о чем-либо ином кроме безопасности. Однако если попытаться заглянуть в будущее, окажется, что между стремлением к устойчивому, быстрому развитию и обеспечением безопасности нет противоречий, более того — обе эти цели можно и нужно реализовывать одновременно. Не имея сильной, гармонически развивающейся экономики и не проводя надлежащей социальной политики, мы рискуем столкнуться с гораздо большей опасностью. Следовательно, все

планы, связанные с Польшей как со страной творческих людей и инновационных предприятий, эффективно преодолевающей проявления социальной маргинализации, вполне согласуются с потребностью в безопасности.

Во-первых — знания

— Тогда перейдем к современности. «Наука в наше время стала непосредственной производительной силой, источником прогресса и экономического роста. Как доказывает практика ряда развитых стран, две трети и даже три четверти прироста национального дохода получается в результате внедрения научно-технических достижений и организационных улучшений». Знаете, кто и когда это сказал?

— Не исключено, что это мои слова...

— Это фрагмент выступления Владислава Гомулки в 1969 году.

— Прочитанное мнение сходно с моими взглядами, да и многих других людей, за исключением, быть может, приведенных здесь конкретных оценок влияния инноваций на экономический рост, хотя и они не слишком отличаются от современных воззрений. Будущее принадлежит тем странам, которые сумеют во имя развития свести воедино несколько ключевых сфер социально-экономической жизни. Первая из них — это сектор науки, то есть системы образования (в том числе непрерывного обучения), проведения научных исследований, внедрения инноваций, тщательно согласованных с потребностями развития страны. Вторая — это мощная поддержка человеческой предприимчивости, проявления которой в Польше, к счастью, не редкость. Без последовательного и смелого облегчения предпринимательской деятельности не может быть и речи о современной, инновационной экономике. Третьим столпом является законодательство, благоприятствующее инновационности. К сожалению, у нас по-прежнему немало законов — например, о государственном заказе, государственно-частном партнерстве или т.н. офсете, т.е. инвестициях, компенсирующих закупки вооружений, — которые не способствуют началу инновационной деятельности, а порой просто делают ее невозможной. Слабость нашего законодательства заложена в способе разделения обязанностей и ответственности между заинтересованными сторонами в конкретных предприятиях — недостаточность нашего социального капитала, т.е., в частности, всеобщее отсутствие доверия, видна здесь особенно хорошо. Наконец, четвертый весьма способствующий развитию элемент — это своеобразная культура уважения к человеческой креативности, то есть продвижение людей, действительно успешных, радость

от их достижений, представление их в качестве примера для подражания. Когда мы видели по телевидению — на одном из популярных каналов в прайм-тайм — такого человека?

— *В 70-е годы героем «Студии 2» в программе Божены Вальтер и Эдварда Миколайчика был Юзеф Зелинский^[1], который каждые несколько месяцев сдавал очередной энергоблок.*

— Я говорю не о далекой истории, а о нынешних временах. Мне не хватает интервью, в которых ведущий спрашивал бы: «Принято думать, что мы в Польше можем лишь ссориться и жаловаться, а вы достигли успеха. Как вы это сделали? Что вы посоветуете жаждущим успеха молодым предприимчивым полякам?».

Недоверие вредит инновационности

— *Сегодня успешный человек выступит по телевидению, а завтра к нему явятся агенты Центрального антикоррупционного бюро.*

— Возможно, поэтому успешные люди и не стремятся к такой известности. И это проблема, которую мы сами себе создали. В результате, телевизионные студии занимают ничтожные зачастую политики, которых ведущий искусно провоцирует на низкопробный скандал. Чем сильнее они поссорятся, тем, якобы, выше рейтинг программы. Если рассуждать в серьезных, социальных категориях — это абсолютная катастрофа! Вот так мы еще больше снижаем уровень нашего социального капитала. Я недавно читал результаты опроса, из которых следовало, что лишь каждый десятый поляк кому-либо доверяет. Остальные считают свое окружение недружественным или просто враждебным. Такое настроение предопределяет многие слабости современной Польши, имеющие ключевое значение для развития.

— *«Социальный диагноз»^[2] профессора Януша Чапинского многие годы демонстрирует всеобщее недоверие. Как оно связано с инновационностью*

— То, что мы в ссоре с соседями, пытаемся подсидеть коллегу, работающего за соседним столом, не участвуем в неправительственных организациях, отражается на нашей открытости, стремлении к коллективному труду, способности к совместной выработке наилучших решений. Что прямо переносится на эффективность и инновационность нашего труда, не говоря уже об удовлетворении от чувства, что ты оказываешь влияние на принятие решения. Вместо того чтобы смотреть по телевизору склоки политиков, лучше вложить свой кирпичик в построение социального капитала, например, принять участие в собрании самоуправления или высказать свои соображения относительно использования местного

бюджета. Имея общие интересы, легче забыть о спорах и научиться находить рациональные компромиссы.

Капитал из доверия

— Это красиво звучит, но я приведу свежий пример из Подковы-Лесной, представляемой в качестве образца активности жителей. Предложения горожан, связанные с планированием местного бюджета, поступили в мэрию лишь в последний день.

— Я долго жил в Германии, США и Японии и легко заметил поразительную разницу в погруженности тамошних жителей в дела своей «малой родины» — соседей, коллег по работе, в местные инициативы. Когда я жил в Калифорнии, я принимал участие в оказании помощи больному соседу силами всего местного сообщества. Можно ли что-то подобное представить себе у нас?

— В Варшаве современность измеряется количеством высотных зданий, в Берлине — активностью жителей, которые, между прочим, протестуют против строительства новых башен.

— У меня большие претензии к СМИ, в том числе государственным, за то, что они источают яд и агрессию, которые привлекают зрителей и читателей, но одновременно убивают доверие и стремление к сотрудничеству. Увеличение социального капитала — это ключ к решению многих, наверное, почти всех наших трудностей.

— Какие могут быть улучшения, если сама власть обрушивает гром и молнии на тех, кто ее не поддерживает.

— Это черта не только нынешней власти, но и многих сменявших друг друга правительств. Ни одна из наших политических партий не ценит важности доверия, уважения, доброжелательности. Наша политика была построена на агрессии и зависти, на автоматическом отказе от консенсуса даже в делах, наиболее важных для всех.

— Раз уж правящие круги рассматривают окружающих в категориях свой-чужой, то нечего удивляться, что граждане ведут себя так же.

— Причина низкого уровня социального капитала очень глубока. В начале трансформации в Польше было сделано очень много хорошего, но при этом привито убеждение, которое по-прежнему внутри нас: каждый — кузнец своего счастья, человека мало что должно интересовать, кроме собственных дел, а забота об общем благе — это пережиток, искусственно навязывавшийся в прошедшие, к счастью, времена.

— Проблема не только в индивидуализме, эгоизме и неумении работать в коллективе, но также в организации труда, основанной на постфеодальной личной зависимости. Это касается как маленькой фирмы, так и большой политики.

— Партия, во главе которой нет сильного вождя, в нашей стране не имеет шансов. Мы дошли до того, что политические группировки получают названия по фамилии лидера: было «Движение Паликота», теперь есть «Кукиз'15». В Европейском союзе такого явления не встретишь. У меня впечатление, что в Польше обсуждаются сиюминутные вопросы, зато игнорируются стратегические темы. Мне не хватает интервью, в которых журналисты спрашивали бы у депутата, сенатора или министра, как он представляет себе Польшу через 10–20 лет, на что мы будем жить. Мы ведь видим, что все конкурентные преимущества, которые многие годы были у нас после трансформации строя, либо уже исчерпали себя, либо близки к этому. Нам нужно выстраивать нашу силу заново. Я встречаюсь с политиками разных взглядов, и мне крайне редко удается серьезно поговорить о будущем.

Партия «Право и справедливость» поставила верный диагноз

— Однако перед прошлогодними парламентскими выборами много говорилось о современности и инновационности, в дебаты было введено понятие ловушки среднего дохода, то есть негативных последствий зависимости Польши от дешевой рабочей силы.

— Действительно, тогда был поставлен правильный диагноз. Партия «Право и справедливость» выиграла выборы, потому что решительно заявила, что прежняя модель развития уже не эффективна. В эпоху глобализации, свободного торгового, финансового и человеческого обмена, а также на нашем уровне развития нельзя полагаться лишь на дешевую рабочую силу и иностранных инвесторов, руководствующихся, конечно, главным образом, собственными интересами — это уже не гарантирует долговременного экономического успеха. Однако я не уверен, что за правильным во многих аспектах диагнозом последует эффективная терапия. В польских условиях этого добиться нелегко.

— Я привел слова Владислава Гомулки, чтобы напомнить, что в прошлом мы тоже не раз пытались пробиться к современности: при правлении короля Станислава Августа, после смерти Юзефа Пилсудского, в ПНР. В 1969 году появился комитет «Польша 2000» Польской Академии наук.

— Комитет прогнозов «Польша 2000 Плюс», которым я уже несколько лет руковожу, является прямым продолжением того проекта.

— Возможен ли на этот раз, в столь нестабильном мире, модернизационный скачок?

— В ситуации интеграционного кризиса в Европейском союзе, трудностей с финансами ЕС и абсолютно не решенной проблемы беженцев оптимистические разговоры о будущем,

наверное, можно считать наивными. Однако, как внимательный наблюдатель за тем, что происходит в Польше, Европе и мире, я не вижу неустранимых причин, по которым Польша не смогла бы стать такой же успешной страной, как Финляндия, в какой-то момент Ирландия, Сингапур, Южная Корея, а еще раньше Япония. Я многие годы работал со студентами из разных стран, и у меня нет ни малейших сомнений в том, что молодые поляки — способные и готовые принять вызов люди. У нас прочное международное положение, Евросоюз по-прежнему предоставляет гигантские возможности. Ситуация довольно парадоксальная — я много езжу по миру и везде слышу, что у Польши есть все шансы стать в недалеком будущем страной настоящего социально-экономического успеха, что именно таким странам, как наша, принадлежит будущее. А когда возвращаюсь, до меня непрерывно доносится зловещее: здесь невозможно ничего сделать.

Разноцветная идентичность

— *Вы ездите по миру, а польские власти в каждой фразе повторяют прилагательное «национальный», постоянно ссылаются на «нашу историю», «наши ценности», «наши традиции».*

— В нынешней Польше всякие традиционные деления на левые и правые партии, на мой взгляд, утратили смысл. Их, скорее, нужно заменить делением на открытых, не боящихся внешнего мира сторонников широкой политической и экономической кооперации и социальные группы, не желающие таких контактов, приписывающие принципиальное значение нашей независимости и самостоятельности при принятии решений. Может быть, потому, что я провел многие годы профессиональной жизни за границей и вижу оттуда больше возможностей, чем угроз, мне определенно ближе какой-либо вариант первого направления.

— *Госпожа премьер убрала европейские флаги.*

— Принимая участие в деятельности различных структур ЕС в течение многих лет, я нисколько не сомневаюсь, к примеру, в том, что Европейский союз, хотя многие вещи в нем можно и обязательно нужно изменить, остается уникальным политическим образованием в масштабах всей мировой истории, заслуживающим нашей поддержки. Ведь Евросоюз — это идея, которая доказала свою функциональность во многих вопросах, имеющих фундаментальное значение. Это идея, без осуществления которой ни одно европейское государство не имело бы в глобализированном мире шансов на долгосрочный успех. Давайте четко скажем в этом контексте, что наша собственная, польская, идентичность бесценна, и я был бы

последним, кто призвал бы к ее маргинализации. Но, в то же время, мнение, что наше восприятие мира должно формироваться лишь за счет ощущения такой связи, с моей точки зрения, совершенно ошибочно. Есть много ценностей, с которыми мы должны себя гармонично отождествлять.

Помимо национальной идентичности, они относятся к семье, местной среде, профессиональной группе, региону, всей Европе и даже, все чаще, ко всему миру. Перед лицом угроз, связанных с климатом, энергетикой, демографией или бедностью, европейская и глобальная идентичность, то есть осознание участия каждого из нас в сообществах, выходящих далеко за рамки собственной страны, и ответственности за их судьбы, имеет значение для выживания всей нашей цивилизации.

— Как все это соединить?

— Сегодня все дело в соединении этих, столь различных, типов идентичности. В связи с этим, я считаю, что те, кто, подчеркивая свою европейскость, внушают, что Польше лучше всего полностью забыть о своих корнях и истории, совершают принципиальную ошибку. Еще и потому, что в ближайшие десятилетия ничего подобного не произойдет. С другой стороны, не меньшую ошибку совершают те, кто, во имя сохранения национальной идентичности, упускают из виду или даже пренебрегают идентичностью европейской. Я, будучи в Токио или в Нью-Йорке, чувствую себя европейцем, но, одновременно, не перестаю чувствовать себя поляком. В этом нет никакого противоречия, а из противопоставления, так или иначе, очень естественных для нас различных идентичностей не может выйти ничего хорошего.

— У самых молодых поляков другое мнение — они наиболее скептически относятся к Евросоюзу и наиболее привязаны к национальной идентичности.

— Молодые больше склонны к изменению взглядов, чем люди старшего возраста, так как еще только ищут ответы на многие вопросы. На их взгляды влияют политики и СМИ, порождающие самые разнообразные фобии и раздувающие конфликты — иногда действительные, но часто мнимые. Не думаю, однако, чтобы молодежь в Польше на самом деле хотела возвращения пограничного контроля или ограничения возможности учиться и работать за границей.

Евроскептицизм, вызванный реальными, серьезными трудностями последних лет, присущ не только Польше, что, конечно, вовсе не утешает. Широкие и все более сильные движения евроскептиков нарастают почти во всех европейских странах. Это очевидный сигнал для европейских политиков — деятельность под лозунгом *business as usual* (все в порядке) перестала в Евросоюзе быть эффективной идеей на будущее.

Собственная тяга

— *Чем вы это объясняете?*

— Я считаю, что у нас не получается откровенно говорить об ошибках, которые совершает Европа. Год тому назад канцлер Ангела Меркель с распростертыми объятиями встречала беженцев, привлекая все новые волны мигрантов. Не имея никакой эффективной идеи об их вхождении в нормальную европейскую жизнь, она вскоре вызвала у своих граждан страх перед приезжими. Европейским политикам не удается овладеть развитием событий, успокоить опасения и остудить эмоции. На трудную ситуацию наложился теракты с трагическими последствиями. Люди стали прислушиваться к группировкам, разжигающим страх перед мигрантами. Ситуация стала необыкновенно сложной, а ее критическое восприятие в Польше сегодня скорее правило, нежели исключение.

— *Правящая в Польше партия пообещала перестать плыть в основном потоке европейской политики. Вместе с Великобританией, Венгрией и странами т.н. Междуморья^[3] она создаст ему альтернативу. Брекзит привел к тому, что в Евросоюзе нас может вынести на мель.*

— Нужно принять тот факт, что после выхода Великобритании из Евросоюза ситуация изменится. Возможно, стоит вновь обдумать вступление в зону евро, хотя имеющийся опыт показывает рискованность этого предприятия. Однако похоже на то, что Евросоюз неформально разделится по группам стран, решившихся на введение различных уровней общей политики — зона евро наверняка будет здесь одним из важных показателей. Нужно надеяться, что создание таких союзов не приведет к реализации политики разных скоростей развития и не повлияет на четыре основные свободы Евросоюза — свободу движения товаров, услуг, капиталов и людей.

— *А что насчет дотаций Евросоюза после 2020 года?*

— Я был бы больше озабочен этим вопросом, если бы уже много лет регулярно не ездил в Испанию. Помню плач, раздавшийся в этой стране в момент прекращения крупных поступлений помощи от Евросоюза. Говорили, что предстоит трагедия, спрашивали, зачем Испании Евросоюз. Сегодня испанцы — хотя и не получают больших субсидий и испытывают серьезные трудности — не хотят выходить из ЕС. Думаю, в Польше будет то же самое.

— *Но не произойдет ли после 2020 года резкий спад в развитии?*

— Нам нужно создать такую модель развития, которая будет тянуть экономику без подпитки средствами от ЕС. Это возвращает нас к началу нашей беседы.

— *Времени для построения собственного приводного механизма*

осталось немного.

— Мы совершили много ошибок при расходовании денег Евросоюза. Думаю, по этому вопросу следовало бы провести серьезный аудит. Совсем не для того, чтобы кого-то поспешно наказать, но чтобы понять, что мы сделали неправильно и чего избегать в будущем. Это касается, в частности, близкой мне проблемы дотаций на научно-исследовательские работы. Мы построили для данного сектора приличную инфраструктуру, но не предусмотрели средств на полное использование этого потенциала — в частности, из-за недосмотра в области финансирования развития человеческих компетенций. Несмотря на поступление дотаций, инновационность экономики остается низкой. Что с того, что мы идем вперед, раз другие делают это быстрее нас? Сегодня нет страны, где не знали бы, что самое главное с точки зрения будущего — это создание конкурентной экономики, требующей творческой активности граждан и инновационности предприятий. И все пытаются это делать — оптимальное использование средств Евросоюза для этих целей станет в ближайшие годы нашим национальным интересом. Это наша лучшая гарантия устойчивого развития после 2020 года.

Эгоизм brutального неолиберализма

— В 1969 году, когда был создан Комитет «Польша 2000», дети в школах рисовали то, как они представляют себе мир в 2000 году. Это были очень оптимистические представления. Будущее ассоциировалось с чем-то лучшим, желанным и ожидаемым. В настоящее время оно ассоциируется со страхом, угрозами, неуверенностью.

— Мне кое-что известно об этом, мы вместе с профессором Ежи Клеером недавно написали книгу «Глобальные угрозы как барьеры для развития». Мир очень усложнился, социальное неравенство, не только материальное, но и культурное, быстро приобретает гигантские размеры. Оно вызвано эгоизмом brutального неолиберализма, который в обществах, по историческим, географическим или культурным причинам неспособных к эффективной конкуренции в условиях глобализации, стал катализатором развития безумных идеологий и мобилизации радикальных движений в широком диапазоне. Крайне либеральный подход к экономике может быть эффективным в короткие периоды трансформации строя, но при большей длительности он генерирует неравенство, обладающее огромным взрывным потенциалом. Пока мы не придумаем такую социально-экономическую модель, которая, не теряя импульса развития, будет создавать возможности для уменьшения материальных и цивилизационных различий,

ситуация вряд ли улучшится. Как это сделать, чтобы не подорвать экономическую активность, предприимчивость и креативность — вот большая дилемма нашего времени! На неравенство, вызывающее конфликты, накладывается нарастание климатических проблем — не менее 60 миллионов человек, главным образом, в Африке, оставило места своего проживания из-за недостатка воды и сокращения площадей, пригодных для возделывания. Нас пугает то, что в прошлом году в Европейский союз прибыло более миллиона беженцев, но если мы не начнем решать глобальные проблемы, вызванные неравенством, если не поможем людям в различных уголках земного шара создать элементарные условия для жизни, число тех, кто будет искать счастье в Европе, вскоре многократно увеличится.

— После прошлогодних терактов в Париже я снял с полки книгу «Я жгу Париж» Бруно Ясенского. Герой этого романа — французский рабочий, выброшенный с фабрики и оставшийся без средств к существованию, — крадет пробирки с бактериями чумы и отравляет воду в столице. За эту книгу автора в 1929 г. выслали из Франции, но проблема остается актуальной. Не мультикультурализм и не исламский фундаментализм являются источником нынешней напряженности, а неравенство.

— Неспособность понять глобальные вызовы и, вследствие этого, отставание от мирового цивилизационного развития порождает неравенство. А оно, в свою очередь, приводит к все более популярной во многих арабских странах экстремистской интерпретации ислама, лежащей в основе деятельности когорта боевиков, готовых на все, ловко пользующихся многокультурной открытостью западного общества. Эта открытость возникла много лет тому назад в совершенно иных условиях и, к сожалению, не предотвратила появления во многих европейских городах центров, где доминируют этнические меньшинства, чувствующие себя гражданами второго сорта. Сегодня, в драматических обстоятельствах, ситуация требует пересмотра, но хороших идей не хватает. Волны беженцев в большой степени состоят из людей необразованных, не способных к трудовой деятельности даже в отдаленной перспективе. Таким образом, они обрекают себя и своих потомков на то, чтобы оставаться гражданами второго сорта и жить в гетто, таких как хорошо известный мне, благодаря частым поездкам в Бельгию, район Моленбек. Радикализация поведения этих людей видится лишь вопросом времени.

Не будем подливать масла

— *Немецкие политики утверждают, что иммигранты восполняют дефицит рабочих рук, связанный с демографическим кризисом. Демография непосредственно связана с развитием. В первой четверти века после войны население Польши увеличилось на 9 миллионов человек, в настоящее время — несмотря на рост продолжительности жизни — нас примерно столько же, сколько было в 1989 году. Мы сильно стареем.*

— Это фундаментальная проблема. Демографическая структура будет неуклонно изменяться, кроме того, нам придется считаться с наплывом мигрантов, смешением населения и культур. Страх перед старением общества привел к запуску программы «Семья 500+»^[4]. С риском пошатнуть бюджетное равновесие, было выбрано решение, которое должно увеличить рождаемость в польских семьях. Пренебрежение этой сферой привело к тому, что коэффициент рождаемости сейчас составляет у нас 1,3. Напомню, что население не уменьшается при коэффициенте 2,1. Это означает серьезную проблему в недалеком будущем. В прошлом году в Польше умерло больше людей, чем родилось.

— *Не впервые в этом столетии. Поощряют ли полек к деторождению 500 злотых ежемесячно?*

— Подобные решения уже давно, с той или иной эффективностью, применяются в других европейских странах. Для действительных изменений требуется намного больше идей, чем одна программа «500+». При этом не похоже, что нам удастся преодолеть демографический кризис собственными силами — кажется, дефицит придется заполнять мигрантами. Лучше всего, конечно, чтобы они были родом из ближнего культурного окружения, Украины или Белоруссии, хотя и азиаты, в особенности вьетнамцы, доказали свою способность к ассимиляции в ином культурном окружении. Мы должны быстро создать стратегию рациональной открытости для приезжих из этих стран — почти 30 тысяч обучающихся у нас молодых украинцев и белорусов представляют собой хорошую исходную точку для выработки такой политики.

— *Для миграционной политики требуется дружественная атмосфера, а не запугивание чужаками, инициирование референдума «Стоп беженцам!»^[5].*

— Неприязнь к чужакам, господствующая сегодня в Польше, вызвана ситуацией в Европейском союзе и все более частыми кровавыми терактами, а не фантастическими идеями отечественных политиков. С подобным явлением мы имеем дело почти во всех странах ЕС — и это большая угроза для Евросоюза.

— *Однако не везде власти говорят о необходимости построения национального сообщества, основанного на кровных связях,*

читающего определяемые ими ценности и традиции.

— Национальную идентичность — как я уже говорил — следует выстраивать параллельно с идентичностью европейской и глобальной. Многим это может показаться трудным, но без этого, с моей точки зрения, нет шансов для хоть сколько-нибудь гармоничного развития мира, частью которого, в конечном счете, мы являемся.

— Мы говорили о недостаточно умелом сотрудничестве, тогда как вы — пример человека, сотрудничавшего с разными политическими кругами. Вы пережили много правительств и попыток модернизации Польши. Получится ли на этот раз?

— Я остаюсь оптимистом, хотя замечая в Польше угрозы как со стороны тех, кто обещает, но, возможно, не в состоянии выполнить свои обещания, так и со стороны тех, кто агрессивно критикует обещающих. Ожесточение нашей оппозиции, по моему мнению, контрпродуктивно. Критика — дело естественное, но она должна состоять не в помехах управлению, а в подготовке к победе на следующих выборах. Я противник образа действия нынешней оппозиции. Не сумев выработать хорошей собственной программы, она лишь ставит властям палки в колеса, провоцируя их на проблематичные порой действия. Я знаю политиков как из оппозиции, так и из правящей партии, у которых никогда не находилось доброго слова об оппонентах. Это недобрый знак для будущего, ведь даже в вопросах, не вызывающих противоречий — а их в государственной политике больше, чем многие из нас подозревают — не хватает доброй воли. Польша на наших глазах оказалась во главе стран с крайне поссоренным обществом. Уже окончание правления предыдущих властей не предвещало ничего хорошего. Жаль, что нам не удалось сформировать власть, пользующуюся еще бóльшим общественным признанием. Но сегодня мы имеем то, что имеем. Так давайте критиковать власти за то, что они делают неправильно, но помогать им, если появляется возможность достичь успеха. И давайте избегать всяческих резких выступлений в СМИ и на улицах, так как при нынешних настроениях это может закончиться настоящей катастрофой.

Профессор Михал Клейбер — председатель Комитета прогнозов «Польша 2000 Плюс», в 2007–2015 годах президент Польской Академии наук, министр науки и информатизации в правительствах Лешека Миллера и Марека Бельки, советник президента Леха Качинского, награжден орденом Белого Орла президентом Анджеем Дудой.

-
1. Юзеф Зелинский — известный польский энергетик, строитель крупных электростанций — Прим. пер.
  2. «Социальный диагноз» — проект, в рамках которого с 2000 г. анализируются условия и качество жизни поляков — Прим. пер.
  3. Междуморье — проект, предполагающий создание союза стран Центрально-восточной Европы, Балтии и Финляндии — Прим. пер.
  4. «Семья 500+» — программа поддержки семей с детьми в Польше, в рамках которой правительство выделяет на каждого второго и следующего ребенка 500 злотых в месяц. — Прим. пер.
  5. Референдум под этим лозунгом относительно участия Польши в программе ЕС по приему беженцев предлагает провести движение «Кукиз'15» — Примеч. пер.

У польских фирм есть потенциал: лидеры инноваций

Заголовок этой статьи — вовсе не попытка выдать желаемое за действительное. У польских фирм есть потенциал, который благодаря упорному труду можно реализовать.

Инновации — это ключ к успеху на рынке с постоянно растущей конкуренцией. Благодаря им создаются новые продукты, которые позволяют предприятиям искать новых клиентов и выходить на новые рынки, а в результате получать больше прибыли. Инновации считаются сегодня главным «двигателем» развития экономики — существует теория, что в настоящее время фактором экономического развития является уже не накопление капитала, а способность внедрять инновации и эффективное использование знаний и технологий.

Страны, считающиеся инновационными, сегодня производят продукты и услуги в глобальном масштабе.

— Оценивая экономику с точки зрения инновационности, прежде всего учитывают такие элементы, как затраты на научные исследования, производительную мощность, потенциал хайтек-компаний в данной стране, образовательную систему — количество «студентов», число патентов, доступность финансирования инновационных проектов, а также условия для ведения бизнеса, — говорит Ежи Калиновский, глава совещательной группы сектора новых технологий, телекоммуникаций и СМИ Международной аудиторской компании «КПМГ» в Польше и Центрально-Восточной Европе.

Позади малых стран

Реально оценивая нашу экономику, трудно назвать Польшу лидером инноваций. Конечно, появляются на берегах Вислы инновационные проекты, такие, например, как современные поезда, мобильный банк, 3D-принтер, однако еще не создано предприятие, которое масштабом своего распространения охватило бы весь мир. Европейская комиссия в рейтинге инноваций «European Innovation Scoreboard 2016» поместила Польшу на 20 месте среди стран Евросоюза (после Чехии,

Венгрии и Словакии), в группе так называемых «средних инноваторов». Немного в более выгодном свете наша страна предстает в рейтинге «Bloomberg Innovation Index» за 2015 г., где она занимает 25 место среди 50 стран мира, входящих в этот рейтинг.

— Мы должны честно признаться себе, что в течение многих лет польская экономика развивалась экстенсивным путем. Главным фактором развития был объем внутреннего рынка, который у нас значительно больше, чем в других странах Восточной и Центральной Европы, — говорит Ежи Калиновский. — К тому же особого внимания у нас не обращали на долгосрочные перспективы развития фирмы: польские менеджеры в течение многих лет были сосредоточены на том, чтобы получить финансовый результат за текущий период. Стратегическое мышление, учитывающее долгосрочную перспективу развития, имело второстепенное значение. Поэтому, например, затраты на научные исследования в соотношении с ВВП в Польше в два раза ниже, чем в Чехии, — прибавляет он.

В плане инноваций нас опережают страны еще меньше, например, Эстония, которая может похвастаться известным во всем мире Скайпом.

— В таких странах, как Эстония, внутренний рынок невелик, поэтому предприниматели, понимая его ограниченные размеры, изначально развивают свой бизнес с учетом экспорта и международной экспансии. В течение многих лет польским предпринимателям хватало внутреннего рынка. Ярким тому доказательством служит программа, предназначенная для быстрого обмена сообщениями Gadu-Gadu, которая в какой-то момент покорила польский рынок, будучи на то время продуктом более продвинутым, чем Скайп, — говорит Калиновский.

При существующих масштабах глобализации, стремлении к единому рынку в странах ЕС, а также конкурентоспособности мы дошли до фазы развития бизнеса, в котором трансграничных барьеров становится все меньше.

— В этом отношении польские фирмы будут испытывать растущую на внутреннем рынке конкуренцию с зарубежными предпринимателями, но вместе с тем будут активнее искать возможности экспорта своих инноваций, — отмечает Калиновский.

Не только сборочные цеха

Несмотря на сильную ограниченность нашей экономики в области инноваций, Калиновский не соглашается с часто произносимым утверждением, что Польша — это страна сборочных цехов иностранных концернов.

— Прежде всего нужно себе уяснить исторический аспект экономики и инноваций в Польше. В 1989 г., в самом начале процесса трансформации, польская экономика находилась в катастрофической ситуации. Подавляющее большинство продуктов, производимых в то время в Польше (например, автомобили «Полонез», цветные телевизоры или кассетные магнитофоны), уже устарело. Ограничения, накладываемые на трансфер технологий в страны Восточной Европы, делали невозможным доступ к новейшим технологиям, — аргументирует он.

Зарубежные инвесторы, которые входили в Польшу, преследовали тогда две основные цели: появиться на польском рынке и получить доступ к человеческим ресурсам Польши, стоимость которых де-факто была значительно ниже, чем в странах Западной Европы.

— Следует отметить, что именно эти инвесторы «воспитали» польские кадры, которые сейчас добиваются неплохих результатов, управляя нашими предприятиями и успешно работая за границей. Многие места работы, созданные в Польше этими инвесторами, носят более чем инновационный характер — к примеру, научно-исследовательские центры Intel, Google, Delphi или Samsung. С другой стороны, у нас слишком мало польских фирм, которые создали собственные научно-исследовательские центры, — прибавляет Калиновский.

Нужны годы работы

В Польше инновационность проявляется в отраслях, в которых на протяжении многих лет у нас были как инженерные традиции, так и продвинутые технологии производства. Примером является хотя бы производство электрических автобусов, локомотивов нового поколения или поездов и целых железнодорожных составов. Так же, как и в других странах, двигателем инновационности является сектор информационных технологий и создаваемые им цифровые продукты: например, игры («CD Projekt»), синтезатор речи (к примеру, «Ivona») и 3D-принтер.

— Мы должны сделать ставку на инновации в тех отраслях, где мы обладаем реальным человеческим потенциалом, ресурсами, не только позволяющими осуществить эффективную коммерциализацию инноваций, но и связанными с рынками, которые в ближайшие годы будут продолжать расти, — утверждает Калиновский.

Инновационные проекты реализуются у нас также в банковском деле.

— Работая над новыми решениями в электронном банковском обслуживании, мы всегда пристально следим за новыми технологиями и смотрим, как их можно использовать, чтобы

предоставить нашим клиентам как можно более высокое качество услуг, — говорит Рикардо Кампос, директор департамента электронного банковского обслуживания банка «Миллениум». Благодаря этому клиенты могут, например, при помощи отпечатков пальцев регистрироваться в мобильном приложении, а также совершать покупки в интернет-магазинах. Появление в мобильном приложении банка возможности подтверждения банковских операций «3-D Secure» с помощью отпечатков пальцев — первое подобное решение на рынке.

В свою очередь, доступность приложений для самых популярных систем смарт-часов позволяет пользователям Android Wear, Apple Watch, а также Samsung Gear 2 и Sony SmartWatch 2 с помощью своих умных часов проверять состояние счета и курсы валют, совершать платежи BLIK и осуществлять поиск ближайшего банкомата.

— Мы используем также технологию расширенной реальности, благодаря чему пользователи приложений могут быстро открыть выгодный «Мобильный депозит» под высокие проценты, — добавляет Кампос.

По мнению Ежи Калиновского, благодаря своему размеру и потенциалу Польша вполне может стать лидером инноваций в регионе.

— Этому способствует и нынешняя ситуация, когда многие международные инвесторы размещают на территории нашей страны региональные узлы, а также собственные научно-исследовательские центры. Однако для того, чтобы мы стали региональным лидером инноваций, мы должны провести еще очень большую работу, связанную с созданием экосистемы инновационности. Одно известно точно: Польша должна стать местом привлекательным для инвесторов и стартапов, иначе успеха нам не добиться. И путь, который следует пройти, чтобы превратить нашу страну в лидера инноваций, займет, безусловно, много времени. Нам не удастся преодолеть его одним прыжком в год или два, — подводит итог Ежи Калиновский.

Мы добьемся энергитической независимости

С Петром Наимским, уполномоченным правительства по вопросам стратегической энергетической инфраструктуры, беседовал Яцек Низинкевич

— Укрепил ли недавний саммит НАТО энергетическую безопасность Польши?

— Решения проходившего 8–9 июля 2016 г. саммита НАТО в Варшаве носят фундаментальный характер. С того момента, когда Ян Ольшевский, вступая в конце 1991 г. в должность премьер-министра, сказал, что целью Польши является присоединение к Североатлантическому союзу. Должно было пройти четверть века, чтобы Польшу начали трактовать наравне с другими членами указанного союза. На территории Польши расположатся военнослужащие союзных государств вместе с необходимым вооружением.

— Почему этот саммит НАТО был важным событием для нашей безопасности в Европе?

— Данное решение было принято в связи с агрессивным поведением России в последнее время. До этого саммита НАТО уважительно относилось к возражениям Российской Федерации, связанным с возможностью размещения вооруженных сил НАТО на территориях тех новых членов союза, которые еще недавно принадлежали к Варшавскому пакту. Правительства государств-членов НАТО консенсусом пришли к выводу, что вышеназванная угроза настолько серьезна, что надлежит укрепить силы союза в Польше и балтийских странах. Это связано с необходимостью выработать новую концепцию присутствия союзных американских войск на территории Европы. Такое событие невозможно переоценить.

— Не вызвали ли мы теперь раздражения у русского медведя?

— Данное решение вписывается в ту политическую трансформацию, с которой мы имеем дело в Центральной Европе с конца 1980-х. Она заключается в постепенном сокращении разнообразных проявлений российского влияния.

Разумеется, это не вызывает удовольствия Москвы, но вместе с тем нет никакой причины, чтобы ее недовольство влияло на поведение польского правительства или остальных 27 правительств НАТО.

— *В достаточной ли мере предшественники правящей ныне партии «Право и справедливость» заботились о безопасности страны?*

— Я уже упоминал правительство Яна Ольшевского, который был первым, кто выступил с требованием включить Польшу в НАТО. Вплоть до 1994 г. в Польше отсутствовал политический консенсус по поводу поддержки данной идеи. Но с этого времени членство Польши в НАТО стало требованием всех политических партий, в том числе и социал-демократической коалиции «Союз демократических левых сил». Это один из немногих больших политических проектов, который получил в нашей стране поддержку всех политических партий. Все следующие правительства Польши поддерживали данный проект, реализуя его лучше или хуже. Мы вошли в НАТО в 1999 г. на условиях, которые были тогда возможны, но действия правительства «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ на протяжении последних восьми лет не улучшили этих условий. Важно, чтобы вопросы национальной безопасности находились вне политической дискуссии. К сожалению, последние недели показывают нечто иное^[1]. Различные действия, проводимые оппозицией, были нацелены на подрыв результатов варшавского саммита НАТО.

— *Разговаривал ли президент Дуда с президентом Обамой об энергетической безопасности Польши?*

— Да. Безопасность поставок энергии является в данный момент одним из наиболее важных элементов безопасности как таковой. В этом смысле в НАТО уже давно создаются планы защиты коммуникационных маршрутов, служащих для доставки различных видов энергетического сырья. Естественно, география таких маршрутов меняется, например, вследствие открытия новых месторождений или появления на глобальном рынке новых производителей. Тем не менее, гарантированное военное обеспечение безопасности подобных маршрутов всегда было и продолжает оставаться важным для НАТО. Эта организация не занимается напрямую вопросами, которые лежат в сфере хозяйственно-экономической проблематики, она представляет собой военный союз. Ничем не стесненный и дифференцированный доступ к источникам энергии — это элемент экономической безопасности, который влияет на безопасность как таковую. Именно в таком смысле ведутся подобные переговоры в рамках НАТО, и энергетическо-сырьевая геополитика дополняет оборонную стратегию.

— Существует ли для Польши угроза доминирования одного поставщика газа?

— В нашем регионе речь идет о доминировании российского «Газпрома» и о попытке упрочить положение указанного поставщика газа в Центральной Европе. Хорошо, что можно говорить об этом на форуме НАТО. Так было далеко не всегда. Десять лет назад, когда мы пытались объяснить, что это опасно, когда многие центрально-европейские страны односторонним образом зависят от поставок из России, в ответ зачастую звучали утверждения, что это зависит от «рынка», что необходима либерализация экономики, в том числе энергетического сектора...

— Президент Лех Качинский говорил тогда о потребности в диверсификации. Несколько лет назад правительство Дональда Туска рисовало великолепную картину добычи сланцевого газа, обещая предназначить заработанные деньги на пенсии для поляков. Что осталось от этой картины?

— Такие высказывания делались на вырост. В Польше много сланцевых залежей, и в этих сланцах есть газ. Однако геологическая обстановка у нас гораздо сложнее, чем в Соединенных Штатах. Оказалось, что наши сланцы лежат на глубине 3000 м, тогда как в США это 1000 м. Их структура тоже несколько иная. Так что технологии, с успехом используемые в США, у нас придется адаптировать. Одним словом, это требует дальнейших исследований и денег. Первая попытка запустить добычу газа из польских сланцевых месторождений совпала по времени с кризисом сектора по добыче углеводородного сырья во всем мире. Цены на нефть упали, окупаемость инвестиций в данном секторе снизилась, крупнейшие мировые концерны начали отказываться от инвестиций. В том числе уходило из Польши. Газ из сланцев — это перспектива, рассчитанная на более отдаленное время.

— Когда оно наступит?

— Общая конъюнктура на рынке энергетического сырья должна начать способствовать более рискованным инвестициям. Тогда придет время, чтобы вернуться к тематике сланцевого газа в Польше. А пока мы в своей стратегии приняли, что нам необходимо обеспечить дифференциацию источников и направлений поставок, не принимая во внимание сланцевый газ. Будем связывать норвежский шельф через Данию с Польшей, у нас имеется в Свиноустье терминал для приема и хранения сжиженного природного газа. В течение нескольких лет мы добьемся того, что станет возможной ежегодная доставка в Польшу десяти с лишним млрд кубометров газа с севера.

— Какой это будет процент от суммарных поставок газа?

— Возможности пересылки газа по указанному маршруту

задуманы с расчетом примерно на 10 млрд кубометров в год. Ежегодно мы сейчас потребляем около 15 млрд кубометров, из чего 10 млрд поставляется на основании долгосрочного контракта с «Газпромом», который истекает в 2022 г.

— *Мы не намерены его продлевать?*

— Наша стратегия ясна и прозрачна. Мы хотим заменить поставки с востока поставками из других источников. Благодаря газопорту в Свиноустье мы можем ввозить газ со всего мира. Этот газопорт и газопровод с норвежского шельфа дадут нам возможность доставлять газ разными маршрутами, из разных источников и от дифференцированных производителей.

— *На каких союзников должна ориентироваться Польша?*

— Мы состоим в Европейском союзе, который переживает самый крупный кризис с момента своего возникновения. Тем не менее ситуация такова, что для Польши выгодно пребывать в данной структуре. Нам следует добиваться, чтобы в ЕС принимались во внимание также и наши интересы, чтобы мы были активным субъектом, а не объектом действий. Указанная структура после реорганизации может дать дополнительный импульс нашей безопасности. Мы должны наладить как можно лучшие рабочие контакты с соседями, находящимися в схожей ситуации.

— *О ком речь?*

— Я говорю о Вишеградской группе, о Румынии, Болгарии, балтийских и скандинавских странах. Да и государства-основатели европейских сообществ тоже заинтересованы в том, чтобы центральная и восточная часть нашего континента была безопасной и спокойной. На этом основаны решения последнего саммита НАТО. Мы должны найти гарантии безопасности Польши в том, что в течение последних 20 лет было вычеркнуто из политического языка, а когда-то именовалось политическим единством Запада. У Польши есть свое место в политической, экономической и военной структуре Запада.

— *Значит ли это, что с точки зрения энергетической безопасности раньше Польша была беззащитна?*

— Нет. У нас очень хорошие природные условия, польская энергетика опирается на польский уголь. Мы располагаем своим сырьем и своими электростанциями. Они требуют обновления, что является нашей стратегической целью, но с точки зрения безопасности поставок энергии мы можем полагаться на собственное сырье и собственное производство. Газ не является для Польши доминирующим источником энергии. В нашей стране только 13% энергии производится из газа. Мы привыкли к газу, поскольку он есть в наших кухонных плитах, но там его можно легко заменить электрическим

током. Другое дело, что имеются существенные секторы экономики, которые потребляют большое количество газа, — в частности, химическая или же нефтехимическая промышленность. Для них нарушения поставок газа весьма важны и угрожают самому их существованию. Именно поэтому мы так серьезно относимся к газовому сектору в Польше.

-
1. Это интервью было опубликовано в Польше 17 июля 2016 г. — Прим. ред.

Мы отравляем Европу углем

Работающие на угле польские электростанции лидируют среди крупнейших «отравителей» Евросоюза, следует из доклада «Europe's Dark Cloud». Это первый в истории ЕС анализ того, как загрязняющие атмосферу выбросы конкретных электростанций, работающих на угле, перемещаются через границы государств и влияют на состояние здоровья и показатель преждевременной смертности населения.

Доклад подготовили такие неправительственные организации, как: Всемирный фонд дикой природы (WWF), Международная сеть по вопросам изменения климата (CAN), Альянс за здоровье и окружающую среду (HEAL) и «Sandbag». Были тщательно обследованы 257 электростанций, в том числе 30 польских.

— Мы не сомневались, что вредные выбросы из высоких труб электростанций способны перемещаться на несколько тысяч километров. Но до сих пор мы не знали, что это состоящее из токсичных субстанций облако может оказывать влияние на здоровье людей в разных странах. Теперь мы в состоянии оценить, анализируя данные эмиссии окисей серы, азота и пылевых взвесей, как такие осадки влияют на здоровье людей, в какой степени уровень концентрации загрязнения способствует росту новообразований, развитию болезней сердца, системы кровообращения, приводя к преждевременным смертям. Мы обратили внимание, в частности, на скорость и направление ветра, температуру, влажность и состав осадков, — говорит Вероника Пестшинская из Альянса за здоровье и окружающую среду.

Из доклада прежде всего следует, что Польша является крупнейшим в ЕС экспортером загрязнений, производимых угольными электростанциями. Четыре польские электростанции вошли в список 30 самых токсичных предприятий такого рода в Европе, которым вменяется в вину наибольшее количество преждевременных смертей.

— Первое место, как с точки зрения увеличения показателей преждевременной смертности, так и с точки зрения эмиссии CO₂, занимает электростанция в Белхатове. Ее работа способствует тому, что ежегодно преждевременно умирает почти 1,2 тысячи человек, — говорит Иоанна Лисовска из «CAN Europe». В числе самых вредных электростанций, которые, по мнению авторов доклада, должны быть «закрыты в первую очередь», оказались также электростанции в польских городах Козенице, Адамов и Рыбник.

Смертность в соседних государствах

Все существующие в Польше электростанции так или иначе способствовали тому, что показатель преждевременной смертности в Европе составил 5830 человек. Целых 78% из них (4690) имели место за границей: в Германии, Чехии, Венгрии, Румынии, Греции, Италии; и лишь 22% — в самой Польше. Это, в частности, обусловлено именно направлением ветров. Для сравнения, работающие в Румынии электростанции влияют на 2170 преждевременных смертей, а чешские — на 1410.

В самой худшей ситуации находится Франция. Там фиксируется лишь небольшое количество выбросов, производимых местными электростанциями, так как во Франции функционирует главным образом атомная энергетика. А это значит, что Франция пострадала больше всех — ежегодно там преждевременно умирает около 1360 жителей вследствие загрязнения атмосферы другими европейскими электростанциями. Энергетические блоки самой Франции являются причиной лишь около 390 смертей. На втором после Польши месте крупнейшего отравителя находится Германия, где, несмотря на гигантские инвестиции в возобновляемые источники энергии, по-прежнему много энергии производится за счет угля, так как такие электростанции обеспечивают стабильное функционирование энергетической системы. Немецкие электростанции причастны к преждевременной смерти около 2500 человек населения ЕС, из которых более 200 приходится на Польшу.

Либо инвестировать, либо закрывать

— Над Европой висит облако отравляющих субстанций, для которых не существует границ. Наш доклад убедительно доказывает, что все страны ЕС должны стремиться к тому, чтобы реализовать положения директив ЕС, касающихся вредных промышленных выбросов, и переходить от угля к возобновляемым источникам энергии, — говорит Иоанна Флисовская.

Именно так происходит в Германии, где электростанции производят энергии в несколько раз больше, чем в Польше, однако уровень загрязнений там ниже.

— За нашей западной границей действуют ограничительные местные правила, которые обязывают электростанции снижать уровень загрязняющих атмосферу выбросов и использовать самые современные технологии. Оборудование там тоже гораздо лучше. Благодаря этому использование того же количества угля приводит к более низкому уровню выбросов. «Большинство польских электростанций устарело», — утверждает Вероника Пестшинская. Две трети из них работают уже более 30 лет.

Часть энергетических концернов начала модернизацию, часть, пользуясь закрепленной в директивах ЕС отсрочкой, откладывает принятие директивы о выбросах промышленного производства до 2020 года. Однако некоторые вообще не занимаются модернизацией своих блоков.

— Это означает, что через несколько лет они должны быть закрыты. Приведение электростанций в соответствие с новыми требованиями ЕС относительно вредных выбросов может обойтись более чем в 10 млрд злотых, — считает Марек Юзефяк из Польской группы «Зелёная сеть». По его мнению, модернизация во многих случаях не будет рентабельной. — Важно, чтобы мы заменили их чистыми, возобновляемыми источниками энергии, которые обеспечат нам постоянную энергетическую безопасность и не будут угрожать нашему здоровью, — добавляет Юзефяк.

К энергетическим концернам, стремящимся к сокращению у нас вредных выбросов, относится Группа EDF. Она инвестировала более 550 млн евро в модернизацию предприятий и энергетических блоков во Вроцлаве, Рыбнике, Кракове, Гданьске и Гдыне. Строительство оборудования для очистки от серы и азота продуктов сгорания должно сократить количество выбросов вредных веществ.

Авторы доклада отмечают, что «в отличие от Германии и Великобритании польское правительство противостоит попыткам снижения зависимости страны от угля и даже открыто подрывает политику Европейского союза». В Польше почти 90% электрической энергии производится за счет использования угля, а правительство спасает нерентабельные шахты из государственного бюджета.

Сколько преждевременных смертей в год связано с вредными выбросами электростанций, работающих на угле

Польша	5830
Германия	4350
Великобритания	2860
Румыния	2170
Испания	1530
Чехия	1410
Италия	620
Словакия	540
Франция	390
Нидерланды	290
Венгрия	200
Португалия	110
Ирландия	100
Дания	50

Австрия 20
Швеция 10

Семья 3500 плюс

О том, что такое быть отцом большой команды, и почему от правительственной программы детей в Польше больше не станет, рассказывает Мацей Франкевич, садовник, художник, поэт, до недавнего времени ночной сторож, отец семи мальчиков и пяти девочек

— *Вы можете перечислить имена своих детей?*

— Аня, Шимон, Марыся, Ясь, Сара, Юдита, Якуб, Эмануэль, Эфраим, Кармела, Элиаш и Самуэль.

— *А даты их рождения помните?*

— С датами сложнее. Примерно после четвертого ребенка я перестал справляться со всеми этими числами. Не помню. А уж всякие идентификационные номера и подавно. Но все же давайте попробуем. Аня родилась в 1989 году. Через год — Шимон. Последние — близнецы Элиаш и Самуэль — родились в 2010 году.

— *Многие читатели воспримут это так: наплодил детей, а теперь даже дни их рождения не может вспомнить. Патология в чистом виде.*

— Жена с легкостью перечислит даты рождения всех наших детей, так что, надеюсь, нас можно считать патологией лишь в пятидесяти процентах. К счастью, меня не особенно заботит, что думают люди — будь иначе, я не стал бы отцом двенадцати детей.

— *А почему вы стали отцом двенадцати детей?*

— Мое воображение всегда поражали большие семьи. Многопоколенные, крепкие, дружные. У меня были только брат с сестрой. А чисто физически — потому, что мы принципиально не пользуемся никакими противозачаточными средствами. Это не следствие невежества, это результат сознательного выбора, обусловленного верой, доверием к Богу, который дарит жизнь. Жизнь — величайшее чудо на свете.

— *Веру в этого Бога декларирует большинство членов общества, самая распространенная модель в котором — 2+1.*

— Так наша модель отличается всего лишь одной цифрой: 2+12. Модель, которая еще несколько десятилетий назад никого не удивляла. Но тогда люди меньше планировали. Иначе смотрели на мир. Без помощи телевизионного пульта. Мне кажется, что такая жизнь по расчету — мол, у меня будет один ребенок, а если передумаю, то заведу только собаку — тривиальна. Человек сам себя лишает счастья.

— А может, это вы чего-то лишаете собственных детей, например, лучших условий для жизненного старта?

— Если исходить из того, что счастье — это деньги, то да, безусловно, мои дети обделены. Но я смотрю на мир иначе. Достаточно почитать хорошую детскую литературу, чтобы увидеть, какая это ценность — большая семья, насколько богат мир в «Мы все из Бюллербю».

— «Дети из Бюллербю» — это дети из трех семей, трех домов. А вы с женой справились вдвоем. От жены это, наверное, потребовало огромных усилий.

— Не думайте, что мы однажды сели и решили: у нас будет двенадцать детей. Думаю, такого решения никто сознательно и не принял бы. Тем более, что трудностей хватало. С первыми детьми мы практически не пользовались памперсами. Еще у нас тогда была большая собака. А жили мы у родителей жены. Все происходило само собой. Настолько, что во время последних и предпоследних родов пришлось делать кесарево сечение, поскольку организм жены не справлялся, но Анита никогда не жаловалась.

— Так ведь она не могла обидеться и отказаться рожать.

— Ну да, в самом деле. Жена, безусловно, заплатила огромную цену за материнство. В сущности, ей пришлось посвятить детям всю свою жизнь. Поначалу она еще пыталась сохранить профессию и вернуться к работе, но после третьего ребенка это было уже невозможно.

— А что будет с ее пенсией?

— Есть вопросы, которых мы себе просто не задаем. Хотя много говорится об увеличении рождаемости в Польше, конкретные решения отсутствуют. У нас, как известно, мать — не профессия, а хобби. Государство помогает, но от случая к случаю. Как помочь большим семьям — никто не знает. Подозреваю, что никого особо и не интересует, как мы справляемся.

— Меня интересует. Например, какую сумку вы берете, когда идете за хлебом к завтраку?

— Большую.

— А конкретно?

— Конкретно — четыре буханки в день. Раньше, когда все дети жили с нами, было больше, но теперь старшие отделились, и на еду мы тратим меньше.

— *И как же вы справляетесь?*

— Покупаем уже нарезанный хлеб.

— *Я серьезно спрашиваю.*

— Я понимаю, просто в такой семье, как у нас, все иначе. И мне кажется, человеку со стороны это понять сложно. Люди воспринимают мир поверхностно. А я не хотел бы сводить нашу жизнь к количеству буханок хлеба.

— *Тогда поговорим о масле. На сколько дней вам хватает пачки масла?*

— Не знаю, потому что масло мы покупаем редко. Полкило маргарина нам хватает на один день. Сегодня у детей аппетит лучше, завтра хуже. Во всяком случае, голодным никто не остается. Есть колбаса, овощи. Обязательно какое-нибудь горячее блюдо. Город нам помогает. Детям полагается бесплатный обед в школе.

— *А теперь еще и программа «500 Плюс».*

— Да. Но это сложная тема.

— *Что тут сложного? По 500 злотых на нос, не считая первого ребенка и тех, кому уже исполнилось восемнадцать лет.*

— Сложный, потому что эти деньги вызвали массу эмоций. И добрых, и совсем наоборот.

— *Зависть?*

— Похоже на то. Недавно я шел с четырьмя детьми, и какой-то посторонний человек спросил, куда я веду эти две тысячи злотых.

— *Вот бы он, наверное, разозлился, если бы узнал, что у вас дома сидит еще несколько таких «500 Плюс».*

— Вот-вот, о таком уровне мышления я и говорю. У людей отсутствует понимание того, что ребенок — это дар, но также и обязанность. Все свелось к этим 500 злотых.

— *Дети вас не спрашивают, когда они получают свои 500 злотых?*

— Наши ребята никогда такого не скажут. Они видят, как мы живем и сколько сил вкладываем в их воспитание. Они очень нам помогают. В какой-то момент одни начали воспитывать других. Мне странно об этом говорить, но иногда такое ощущение, будто близнецы — это мои внуки, столько с ними старшие дети возятся. Никто не рассчитывает получить за это какие-то деньги. И не ждет, что мы выдадим каждому по 500 злотых. У нас в семье не принято так думать.

— *Вы можете сказать, сколько получаете в месяц?*

— Тут нет никакой тайны. Нам полагаются деньги на семерых детей, то есть три с половиной тысячи злотых в месяц. Для нас это огромная сумма и большое подспорье. Только надо учитывать пропорции. Сто злотых в день на еду — это для нас норма. За одну только воду мы платим четыреста пятьдесят злотых в месяц. Стиральная машина работает у нас, в сущности, с утра до позднего вечера. В день уходит средняя

пачка порошка.

— *За «500 Плюс» вы купили новый телевизор?*

— Какое там! Долги выплатили. Первый раз в жизни мы никому не должны, потому что из года в год приходилось постоянно брать какие-то кредиты — чтобы сделать крупную покупку или оплатить счета. Для таких семей, как наша, самые трудные месяцы — сентябрь и октябрь. В сентябре — школьные учебники, которые стоят целое состояние. Потом надо заплатить за отопление. Зимняя обувь тоже дорогая, но с этим мы как-то справляемся. На чердаке стоит огромная корзина: один ребенок отходил сезон — и передает ботинки младшему. Да и люди много помогают. Если у кого-то остались ботинки, иногда отдают нам. Наши дети не обижаются, что вещи ношенные.

— *Но хоть чем-то вы себя порадовали?*

— Мои потребности невелики. К сожалению, я много курю. Время от времени приходится покупать краски. Но если денег нет, я просто рисую углем или карандашом. Что касается серьезных покупок, я купил одной из старших дочек новый телефон. Хотел как-то отблагодарить ее за то, что она нам так помогает, и, в сущности, ни разу не получила приличного подарка на день рождения — празднуем мы довольно скромно. Дети научены радоваться тому, что есть.

— *Как вам кажется — эта программа оказалась успешной?*

— Я не разбираюсь в политике и, честно говоря, перестал за ней следить после 4 июля 1989 года — одного из важнейших дней в моей жизни, но мне кажется, что да, программа результативная: популярность партии «Право и справедливость» возросла. Раньше у них такой поддержки не было.

— *Я имею в виду, будет ли рождаться больше поляков?*

— Это вопрос скорее к социологам, а не ко мне. Но я думаю, больше детей от этой программы не станет. У нас ведь столько детей не потому, что мы высчитали, сколько составят детские пособия, и решили, что игра стоит свеч. Наши дети появились на свет, потому что мы верим, что жизнь есть дар. Тот, кто умеет считать, быстро сообразит, что 500 злотых — слишком мало для удовлетворения всех потребностей ребенка. Дети — вопрос не денег, а ментальности. Подхода к жизни. И эгоизма тоже, ведь что скрывать — на детей уходят время и силы, приходится отказываться от многих удовольствий. Будь дело только в деньгах, богатые заводили бы по пятнадцать детей. Но это ведь не так.

— *Почему?*

— Люди теперь смотрят на детей как на своего рода инвестицию. А иногда еще слишком на них зациклены. Порой мне кажется, что некоторые скорее «заводят» детей, чем

растят.

— *А какая разница?*

— Растить ребенка — значит укреплять в нем чувство собственного достоинства. Каждый ребенок должен чувствовать, что он важен для семьи. Любим. И нужно быть в состоянии передать ему какие-то ценности. А «завести ребенка» — значит перенести на него собственные мечты. Мол, ребенок обязательно должен получить высшее образование, причем желательно медицинское, потому что папочка всегда мечтал стать врачом, но не вышло.

— *А вы бы не хотели, чтобы ваши дети получили высшее образование?*

— Если они захотят, я буду их поддерживать. Аня получила художественное образование. Шимон еще учится. Я по себе знаю, что денег этим не заработаешь. Но я не говорил им, что это плохой выбор. Я знаю, что у них творческая натура, и ни за что не стал бы требовать, чтобы они шли на юридический. Янек очень интересуется крестовыми походами. Много читает на эту тему. Он мечтает создать группу и сделать историческую реконструкцию. Не стану же я ему говорить, чтобы он все это бросил и занимался информатикой.

— *А может, это ошибка? Может, отец должен заставить его заниматься информатикой, тогда он заработает денег и будет экипирован лучше, чем крестоносцы?*

— Может, и так. Но это было бы насилием над его природой и складом ума. Одна из наших дочек плохо успевает в школе. Я не кричу на нее. Не давлю. Пусть сама отыщет свой путь.

— *Вы ни разу не шлепнули ребенка?*

— Прежде случалось. Когда ты вечно не высыпаешься, физически устал, кажется, шлепнешь — и проблема исчезнет сама собой. Со временем я понял, что это бессмысленно. Собственные дети помогли мне осознать свою ошибку. Это одно из преимуществ большой семьи. Видишь, что каждый — самостоятельное существо. Со своим характером, который, в сущности, остается неизменным. Да и можно ли шлепком изменить человека? Так его можно разве что унижить, ничего больше.

Эскимосы вообще не бьют детей и не наказывают. И я не слышал, чтобы у них был какой-то особо высокий процент бандитизма или преступности. Совсем наоборот, они очень дружно живут.

— *Вы говорите, словно святой Франциск, прямо не верится...*

— Порой мне тоже все надоедает. Иногда я физически устаю, или меня охватывает самый что ни на есть обычный эгоизм. Но дети умеют очень быстро разогнать эти тучи. Разумеется, я переживаю, что у них чего-то нет, что нам на что-то не хватает денег. Но все быстро проходит.

— *Бог дал ребенка, даст и на ребенка?*

— Бог способен нас удивить, и у Него отличное чувство юмора. Мы были уверены, что детей у нас будет десять. И тут вдруг жена неожиданно забеременела. Да еще близнецами. Или вот: мы были уверены, что на зиму снова придется заклеивать окна. И вдруг в один прекрасный день являются двое и начинают мерить наши окна. Я говорю: вы, вероятно, ошиблись, я ничего не заказывал. А они мне: не беспокойтесь, все уже оплачено. По сей день не знаю, кто нам поменял эти окна — назвать имя в фирме отказались.

— *Была когда-то такая программа на телевидении — «Невидимая рука».*

— «Невидимая рука — в том числе и твоя». Я помню эту программу. Я на ней вырос. Однако я думаю, что тут не обошлось без невидимой руки Бога.

— *Вы молитесь — Господи, дай мне новые окна, и Он дает?*

— Это было бы глупо. Значит, не получи мы этих окон, мы бы обиделись и отвернулись от Него? Господь знает, что делает, и нечего Ему подсказывать.

— *Вы всегда были таким верующим?*

— Моя религиозность — тема сложная. Я сомневаюсь, блуждаю. Теряю веру. Многого не понимаю. Я не считаю себя религиозным человеком. Я верующий, но это все очень непросто, и не будем морочить людям голову.

— *Вы в чем-то нуждаетесь?*

— В такой большой семье список потребностей всегда длинный. Но крыша у нас не протекает. Правда, она из этернита, но на новую денег нет, так что я об этом не думаю. Удастся что-то отложить — со временем поменяем.

— *А если бы вы поймали золотую рыбку, о чем бы вы ее попросили?*

— О мире на земле, потому что происходящее очень меня беспокоит. Эта ситуация с беженцами. Как представлю себе, что нам пришлось бы так бежать... Я им очень сочувствую. Однажды мы даже приютили на полгода бездомного, ведь не иметь собственного дома, не иметь никого из родных — нет ничего хуже на свете.

Беседовал Юлиуш Цвелюх

POLITYKA

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Вчера Антоний Мацеревич в срочном порядке созвал совещание Оперативного командования Вооруженных сил, а также руководителей службы внешней разведки и военной контрразведки. На совещании обсуждались вопросы возможной угрозы безопасности Польши. (...) Одновременно польский военный атташе в Москве был приглашен российским министерством обороны на встречу, посвященную вчерашнему решению Кремля (...) о приведении в состояние полной боевой готовности Вооруженных сил Российской Федерации». (Конрад Высоцкий, «Газета Польска цодзенне», 26 авг.)
- «“Первый этап Третьей мировой войны уже начался, — заявил “Жечпосполитой” проф. Алексей Подберезкин, директор Центра военно-политических проблем при престижном Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) МИД РФ. — Сегодня мы столкнулись не только с традиционной военной угрозой вроде американских баз в Польше. Добавились экономические санкции против России, а также информационная война. Поэтому к проведению учений были привлечены и другие ведомства. (...) Однако всё это делается только в преддверии больших ежегодных учений. (...) Известно, что они будут более масштабными по сравнению с прошлогодними (...), в которых принимало участие почти 100 тыс. военнослужащих, 7 тыс. единиц военной техники, 170 самолетов и 20 боевых кораблей». (Руслан Шошин, «Жечпосполита», 30 авг.)
- «Малое приграничное движение с Украиной и Россией было приостановлено на время варшавского саммита НАТО и Всемирных дней молодежи. По их окончании на границе с Украиной был восстановлен обычный режим, в случае же с Россией, по словам заместителя министра внутренних дел и администрации Ярослава Зелинского, “оказались не устранены факторы, угрожающие безопасности нашей страны и ставшие причиной для приостановления малого приграничного движения”. Соглашение о малом приграничном движении с Россией действовало с 2012 года». («Тыгодник повсехный», 28 авг.)
- «В среду Петр Порошенко назвал Анджея Дуду своим другом, а польский гость в ответ выразил огромную надежду на приезд

президента Украины в Варшаву 2 декабря, в день 25-й годовщины признания Польшей независимости Украины. Польша была первой страной в мире, признавшей украинскую независимость, опередив на пять часов Канаду. (...) Оба президента наблюдали военный парад по случаю годовщины независимости. Среди 4 тыс. ветеранов войны на Донбассе, марширующих по центральной улице Киева (...), был и польский отряд, находящийся в составе Польско-литовско-украинской бригады. До этого первый и единственный раз в истории совместный польско-украинский парад состоялся примерно в этом же месте 9 мая 1920 г., когда по городу, отбитому у Красной армии, вместе промаршировали польские части и украинские отряды Симона Петлюры». (Анджей Ломановский, «Жечпосполита», 25 авг.)

• «В ходе парада президент Петр Порошенко поблагодарил президента Анджея Дуду (...). “Пользуясь присутствием президента Польши Анджея Дуды, моего друга и большого друга Украины, мне хотелось бы выразить глубокую благодарность нашим международным партнерам за всестороннюю дипломатическую и финансовую поддержку, за поставку оружия нелетального действия и за гуманитарную помощь. Благодарим также за санкции в отношении агрессора”, — заявил президент Украины. “Польша была, есть и, я уверен, будет оставаться союзником Украины, поддерживая ее стремление войти в ЕС и НАТО. И мы неоднократно это доказывали”, — заверил президент Дуда, приведя в качестве примера принятое при участии Польши решение варшавского саммита НАТО о всесторонней военной помощи Украине». (из Киева Петр Фалковский, «Наш дзенник», 25 авг.)

• «“Мы, президенты Польши и Украины, в день празднования 25-летия независимости Украины, подтверждаем взаимный стратегический характер наших отношений и заявляем, что хотим и дальше строить польско-украинское добрососедство на принципах совместного цивилизационного развития, которое должно стать постоянной связующей нитью наших контактов, гарантируя нынешним и будущим поколениям поляков и украинцев чувство взаимодоверия, согласия и безопасности”, — говорится в декларации, подписанной вчера утром президентом Республики Польша Анджеем Дудой и президентом Украины Петром Порошенко». (Конрад Высоцкий, «Газета Польска цодзенне», 25 авг.)

• «В Польше живет уже почти миллион украинцев. Они работают, учатся, основывают собственные фирмы. Своими впечатлениями они делятся на YouTube. Никто так, как украинцы, не восхищается нашей страной. (...) Люда: “На Украине многие считают, что в Польше не любят украинцев. На нашем видеблоге мы отвечаем этим людям — нам здесь очень

хорошо, и бояться украинцам в Польше нечего”. (...) Анастасия: “Когда я слышу, как поляки жалуются на своих чиновников или на страну в целом, мне хочется отправить их на Украину. (...) Они бы быстро вернулись и еще целовали бы родную землю на границе”. (...) Андрей: “Я уже так привык к комфортной и безопасной жизни в Польше, что иногда мне становится здесь скучно. Но достаточно провести на Украине дней пять, и мне уже хочется вернуться в Варшаву. И я снова в восторге от Польши”». (Яцек Ружанский, «Газета wyborcza», 1 сент.)

• «Вчера в Дубровнике президент Республики Польша Анджей Дуда беседовал с глазу на глаз с президентом Литвы Даляй Грибаускайте. (...) Руководители Польши и Литвы обсудили вопросы взаимного сотрудничества, в частности, в области безопасности, а также взаимодействия в структурах ЕС и НАТО». («Газета Польска цодзенне», 26 авг.)

• «Как подчеркнула канцлер Ангела Меркель, она приехала в Варшаву главным образом для того, чтобы слушать и находить в высказываниях собеседников то, что объединяет наши страны. Что же она услышала в Варшаве? “(...) Наша цель, наша самая важная задача заключается в том, чтобы ЕС продолжал оставаться сильной, жизнеспособной структурой, которая гарантирует безопасность своих граждан”, — заявила премьер-министр Беата Шидло». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 27-28 авг.)

• «В субботу премьер-министр Беата Шидло прибыла с визитом в Румынию, где встретилась со своим румынским коллегой Дачианом Чолошем. (...) “Мы сделаем все, чтобы остальные страны ЕС не пошли по примеру Великобритании”, — заявила Беата Шидло». («Газета Польска цодзенне», 29 авг.)

• «В замке Эттерсбург в окрестностях Веймара вчера встретились министры иностранных дел Германии, Польши и Франции: Франк Вальтер Штайнмайер, Витольд Ващиковский и Жан-Марк Эро. Поводом для встречи послужило 25-летие основания в этом месте “Веймарского треугольника”». («Трибуна», 29-30 авг.)

• «В нашумевшем интервью, которое Ярослав Качинский дал в июне, сразу после британского референдума, председатель Пис высказался за создание сильной европейской армии, а также за введение должности президента Европы, который бы командовал этой армией. По мнению Качинского, европейская армия должна быть готова действовать на “двух фронтах – восточном и южном”, а также стать реальным союзником американских вооруженных сил. Вновь обозначенные цели Пис привели в изумление как поддерживающих власть комментаторов, так и обычных деятелей правящей партии», — Ян Мария Рокита («Польска», 26-28 авг.)

• «Менее чем за десять лет количество конфискованных

Центральным полицейским следственным бюро химикатов и пиротехнических смесей выросло в 15 раз — с 25 кг (в 2008 г.) до нескольких сотен (352 кг в 2015 г.). (...) В ходе большинства совершенных в Европе терактов использовались именно пиротехнические смеси. (...) С середины августа 2017 г. оборот химикатов, из которых можно соорудить бомбу, будет подлежать регистрации». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 24 авг.)

- «Продолжает поступать информация об очередных гражданах Польши, завербованных исламистами. Из последнего: Интерпол разместил красную отметку (это делается в отношении наиболее опасных преступников) на сообщении о поиске Якуба Якуса, 24-летнего жителя Сандомежа. (...) Точное количество завербованных поляков неизвестно. Наши спецслужбы называли цифру в несколько сотен, по оценкам Европола и ООН таких граждан около 40». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 30 авг.)

- «15 договоров между Польшей и Казахстаном были подписаны (...) во время вчерашнего польско-казахстанского экономического форума, организованного по случаю визита (...) президента (...) Нурсултана Назарбаева. (...) Договор о сотрудничестве подписали польский Банк национальной экономики с Банком развития Казахстана, (...) что должно облегчить реализацию совместных инвестиционных и экспортных проектов». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 24 авг.)

- «Польша стала первой европейской страной, выпустившей облигации в китайской валюте. Мы хотим привлечь в Польшу восточный капитал и обезопасить себя от возможного снижения интереса со стороны американских инвесторов». «Вчера минфин продал облигации на сумму 3 млрд юаней, что составляет примерно 1,72 млрд злотых. Доходность облигаций составила 3,4%. (...) Мы будем погашать облигации в евро, а наши партнеры — в юанях». (Патриция Мацеевич, «Газета wyborча», 26 авг.)

- «В первом квартале этого года уровень инвестиций понизился на 1,8%, впервые за последние десять кварталов. Во втором квартале — на 4,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Заместитель министра развития Ежи Квецинский заявил на прошлой неделе, что по сравнению с первоначальными планами реализация новой инвестиционной стратегии ЕС может запоздать чуть ли не на год. (...) “Business Centre Club” сообщает, что до настоящего времени удалось отчитаться всего лишь по 10% средств Евросоюза». (Мартин Стысяк, «Газета wyborча», 6 сент.)

- «Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан получил премию “Человек года” на Экономическом форуме в Крынице. (...) Год

назад этот титул был присвоен Ярославу Качинскому. “Встреча Качинского и Орбана продолжалась час. (...) “Венгр не побойтся пойти с поляком в разведку”, — пошутил премьер-министр Венгрии. “Разумеется, сходим. — ответил в том же тоне Качинский. — В нашем распоряжении целый Евросоюз”. (...) Впервые на форум прибыл примас Польши архиепископ Войцех Поляк». (Бартломей Курась, Петр Сквировский, «Газета wyborча», 7 сент.)

- «В последние годы по скорости улучшения качества жизни Польша обогнала не только (...) государства южной Европы, но даже богатые страны западной части нашего континента. Об этом свидетельствует свежий рейтинг SEDA (Sustainable Economic Development Assessment, или Оценка устойчивого экономического развития), ежегодно составляемый аналитиками “Boston Consulting Group” на основе исследований качества жизни в 162 странах. (...) Польша заняла высокое 30-е место, сразу после Испании, опередив некоторые страны с более высоким ВВП, в частности, Италию». (Анита Блащак, «Жеспосполита», 25 авг.)

- «Сколько нужно ждать оказания медицинских услуг, предоставляемых Национальным фондом здравоохранения? 63 месяца — столько в среднем приходится дожидаться операции по эндопротезопластике тазобедренного сустава. 17 месяцев в среднем должны ждать пациенты, которым необходимы медицинские услуги в области ортопедии и травматологии органов движения. 8 месяцев составляет среднее время ожидания восстановительных процедур в дневном реабилитационном центре. 18 месяцев в среднем будет дожидаться оказания ему услуг пациент с повреждением коленного сустава в результате травмы». (по материалам «Дзенника газеты правовой» от 31 авг.)

- «Депутат Станислав Тышка (фракция Кукиз’15), вице-маршал Сейма и председатель парламентской комиссии по вопросам социальной помощи, поставил под сомнение прозрачность назначения и распределения социальных субсидий на сумму 4 млн злотых для бывших и действующих депутатов. (...) В пятницу маршал Сейма Марек Кухцинский (фракция ПиС) лишил Тышку полномочий председателя комиссии. (...) “Первое же заявление о предоставлении социальной помощи было связано (...) с приобретением спортивной одежды и арендой спортивных площадок для депутатов. Сумма составляла 100 тыс. злотых. (...) Я был и остаюсь сторонником того, чтобы депутаты оплачивали спортивные абонементы и форму из своего кармана”, — говорит депутат Тышка. (...) Очередной скандал случился, когда Тышка отказался дать согласие на снижение процентной ставки по жилищным кредитам для депутатов. (...) “Я считаю, что депутатский

социальный фонд надо ликвидировать. Сейм для депутата — это не предприятие, на котором существует фонд социальной поддержки. Это госслужба», — говорит депутат». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 16 авг.)

• «В оборонной промышленности (...) профессионалов, хорошо знающих отрасль, ситуацию на рынке и в мире, сменили люди, не обремененные элементарными знаниями. На улицу выбросили всех! Вот свежий пример: директором завода “Сталёва Воля” стал менеджер топливной фирмы, директором компании “PIT-Радвар” — руководитель “Польской фабрики по производству ценных бумаг”, директором оружейного завода “Лучник” стал глава компании, занимающейся коммунальными отходами», — Януш Земке, депутат Европарламента, бывший вице-министр национальной обороны. («Пшеглэнд», 16–21 авг.)

• «Обычные книжные магазины исчезают главным образом из небольших городов. Каждый год их количество снижается на двести, а бывает, что и на триста единиц. По данным агентства “Bisnode Polska”, таких магазинов в Польше осталось чуть менее пяти тысяч. (...) Согласно исследованиям Национальной библиотеки, всего 37% поляков прочитало в жизни хотя бы одну книгу. (...) По данным Евростата, Польша находится среди тех стран ЕС, где поддержка чтения оставляет желать лучшего — еще более удручающие показатели демонстрируют Португалия, Греция и Румыния. (...) В 2015 г. продажа книг сократилась на 6,8%, до 2,3 млн злотых. (...) Книжный рынок никак не придет в норму после повышения в 2011 г. ставки НДС с 0 до 5%». (Петр Мазуркевич, «Жечпосполита», 30 авг.)

• «Тридцать процентов — примерно столько среди учителей настоящих подвижников и профессионалов, для которых неприемлем типично коммерческий подход к своей работе. (...) Из этих 30% приблизительно половину составляют молодые люди, не достигшие тридцати лет. (...) Сегодня педагогическое образование нередко приходят получать идиоты; мы делаем учителями тех, кто не прочел даже обязательного минимума образованного человека, не знает ключевых фактов польской и мировой истории. (...) После войны кто угодно мог стать судьей и выносить людям приговоры, а позже любой мог сделаться профессором и делать замечания заслуженным ученым. (...) Короче говоря, процесс пошел. Эти новые интеллигенты продвигали следующих, таких же, как они. И эта система воспроизводит сама себя до сих пор. (...) Проблема польской школы заключается не столько в самом отборе кадров, сколько в абсурдно минимальных ожиданиях в отношении учителей. (...) В самом деле, почему ситуация в школе должна быть нормальной, в то время как все прочее весьма далеко от нормы? (...) Коль скоро в нашей политической системе образованием

руководит правительство, а сфера образования никак не охвачена политической дискуссией, тут уж ничего не попишешь. (...) На самом деле проверить, насколько успешна наша система образования, очень легко. (...) Профессор Збигнев Квецинский полжизни посвятил изучению сельских школ и знает о них всё. Кто-нибудь из министров воспользовался этим научным багажом, чтобы усовершенствовать сельские школы?», — Александр Наласковский. («Жечпосполита», 27-28 авг.)

• «То, какой тип школы востребован сегодня, лучше всего видно по весенним назначениям кураторов (это они смогут оказывать решающее влияние на проведение конкурсов на должности директоров школ и переаттестацию). (...) Большинство кураторов — это, вне всякого сомнения, бескорыстные активисты (...). Только вот представляют они совершенно определенную идеологию. (...) Подавляющая часть этих людей связана партийной дисциплиной. Как призналась подлясский куратор Ядвига Щипин, “куратор — это одно из звеньев нынешней власти”». (Рафал Калюкин, «Ньюсуик Польска», 29 авг. — 4 сент.)

• «Что поляки знают об экономике? (...) Я просмотрел школьные учебники. И не нашел там информации о том, что такое экономическое сообщество, общественный капитал, прибавочная стоимость, эффект масштаба и так далее. Как же мы собираемся конкурировать на мировых рынках?», — Рышард Флорек, предприниматель. («Газета выборча», 3-4 сент.)

• «Пеллеты — это разновидность топливных гранул, получаемых из дерева, опилок и стружек. Из двух тонн свежесрубленный древесины можно получить несколько тонн пеллетов. (...) В результате сгорания гранул образуется углекислый газ CO₂. Теоретически лес поглощает его, однако сегодня больше леса сжигается, нежели вырастает. (...) В Польше по предложению холдинга “Государственные леса” недавно были внесены изменения в закон о возобновляемых источниках энергии — теперь электростанции можно топить “энергетической древесиной”. (...) Это позволит энергетическим концернам, сжигающим древесную биомассу вместе с углем, получить дотации от ЕС за производство “зеленой энергии”, возобновляемый характер которой связан с последующим ростом новых деревьев». (Иренеуш Судак, «Газета выборча», 20-21 авг.)

• «Беловежская пуща пока что уцелела. Решение о трехкратном увеличении вырубки в лесничестве Беловежа под предлогом борьбы с жуком-короедом осталось на словах. По-видимому, это произошло в результате давления со стороны ЮНЕСКО, которое внесло Беловежскую пущу в список объектов

всемирного наследия, а также Европейской комиссии, пригрозившей Польше обратиться с жалобой в Европейский суд. (...) На всякий случай Пуца взята под охрану общественных патрулей экологических организаций». (Иоанна Подгурская, «Политика», 24-30 авг.)

• «ПиС старается как можно более жестко контролировать государственную экономику. Именно поэтому правящая партия “заморозила” приватизацию и даже пытается отменить ее результаты, во всяком случае, в банковской сфере. ПиС ограничивает право собственности, примером чего может служить закон об обороте земель. Покушается также на общественные СМИ, нападает на Конституционный суд. (...) В каждой области нам приходится отступать. Кроме того, нас неустанно пичкают беспрецедентно лживой пропагандой, фальшиво объявляющей нынешние времена лучшим периодом в истории Польши. (...) Это просто высший пилотаж деструкции. (...) После 1989 г. Польша пережила лучшие четверть века за последние 300 лет своей истории. Позволят ли поляки уничтожить эти достижения?», — Лешек Бальцерович. («Жечпосполита», 10-11 сент.)

• «Правящие круги пропагандируют среди поляков идею зависимости гражданина от государства. Благодаря программе 500+ растет количество женщин, отказывающихся от профессиональной карьеры. Вскоре количество тех, кто имеет право на пенсию и пособия, возрастет на 180 тыс. человек. Это целая армия людей, которые будут находиться на иждивении государства. Впервые за много лет начинает расти степень участия государства в экономической жизни. Одна пятая нашего национального дохода создается на государственных предприятиях. Все больше поляков становятся зависимыми от госбюджета, вместо того, чтобы полагаться на собственную предпринимательскую деятельность», — Анджей Олеховский, бывший министр финансов. («Жечпосполита», 5 сент.)

• «Программа 500+ будет стоить государству 23 млрд злотых ежегодно. Снижение пенсионного возраста сначала обойдется госбюджету в 10 млрд злотых, затем эта сумма каждый год будет увеличиваться на 2 миллиарда. Если добавить сюда расходы, связанные с повышением суммы, свободной от налогообложения, то в общей сложности бремя, которое ляжет на госбюджет, возрастет на 55 млрд злотых ежегодно и будет только увеличиваться. Нам грозит рост дефицита, который может превысить 100 млрд злотых», — Анджей Жоньца, председатель совета Общества польских экономистов, бывший член Совета государственной денежной политики. («Ньюсуик Польска», 22-28 авг.)

• «Дефицит бюджета, заложенный в одобренном правительством проекте закона о госбюджете на 2017 г.,

составляет 59,3 млрд злотых (2,9% ВВП). (...) Два года назад (...) дефицит равнялся 46,8 млрд злотых». («Тыгодник повсехный», 4 сент.)

- «По оценкам газеты «Жечпосполита», в течение первых пяти месяцев 2016 г. долг Государственного казначейства вырос на 56 млрд злотых, а за первые полгода — даже на 60 млрд злотых. (...) Обе суммы можно считать рекордными как минимум за последние 15 лет». (Анна Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 19 авг.)

- «Рейтинговое агентство “Moody’s” не стало пересматривать рейтинг Польши и не опубликовало кредитного отчета, касающегося Польши. Тем самым рейтинговая оценка Польши сохранилась на предыдущем уровне A2/P-1, что означает долго- и краткосрочные обязательства в заграничной и национальной валюте с негативной перспективой, говорится в пресс-релизе министерства финансов от 9 сент. 2016 года». (Павел Вожняк, «Газета Польска цодзенне», 12 сент.)

- «Как показывает наше журналистское расследование, политики и масс-медиа вот уже целую неделю обсуждают варшавскую реприватизацию. Мы рассказывали, что трое скупщиков долговых обязательств благодаря изворотливому юристу приобрели земельный участок возле Дворца культуры и науки, хотя долги по этому участку были давно погашены. Стоит он около 160 млн злотых, а решение о возвращении участка принял чиновник, связанный с вышеуказанным юристом деловыми интересами. (...) Аппетиты реприватизаторов необходимо обуздать при помощи законодательного намордника. К сожалению, после 1989 г. Сейм так и не принял комплексной нормативной базы по этому вопросу». (Ивона Шпала, Малгожата Зубик, «Газета выборча», 27-28 авг.)

- «Президент столицы Ханна Гронкевич-Вальц пообещала остановить процесс возвращения объектов недвижимости, изъятых по т.н. “декрету Берута” до тех пор, пока Сейм не примет закон о реприватизации. Квартиросъемщики от этого только выиграют — им можно не опасаться, что вместе со зданием их жилье перейдет в частные руки. (...) Законопроект о реприватизации подготовлен так, чтобы комплексно решить проблему возвращения имущества по всей Польше. Это означает, что бывший собственник сможет требовать компенсацию в размере 10% от стоимости утраченного имущества либо передачи ему другого объекта недвижимости». (Рената Крупа-Домбровская, «Жечпосполита», 29 авг.)

- «В Польше сложилась парадоксальная ситуация: представители партии, утратившей бразды правления, по-прежнему доминируют в наиболее состоятельных муниципалитетах, все так же находятся под защитой крупных

частных СМИ. Именно они, опасаясь юридических последствий за свои махинации с государственными финансами, пытаются теперь симулировать “общественное возмущение” против якобы авторитарной ПиС», — проф. Анджей Новак. («До жечи», 29 авг. — 4 сент.)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 29%, «Современная» — 19%, «Гражданская платформа» — 17%, Кукиз'15 — 11%, Коалиция левых сил — 5%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Вместе» — 4%, КОРВиН («Коалиция обновления Республики — Вольность и Надежда») — 2%, не определились с симпатиями — 8%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 26–27 августа.

(«Жечпосполита», 31 авг.)

• Очернение и дегуманизация оппозиции в выступлении проправительственного публициста и сатирика Яна Петшака 21 марта в стенах Ассоциации польских журналистов. О профессоре Стефане Несёловском, депутате от “Гражданской платформы”: «Его естественная экологическая среда — это вши, мокрицы, гниды, клопы, личинки и навозные жуки. Это одновременно и его электорат». О бывшем президенте Польши Брониславе Коморовском: «Сам Коморовский погружен в пучину злодеяний. (...) “Пасущийся скот” — вот что представляет собой его окружение». О правительстве Дональда Туска: «Правление этой кошмарной медийно-политической коалиции, этого Туска, всей этой нечисти, подонков, торгашей, предателей. (...) Воры, мошенники, ублюдки, изменники». О бывшем депутате Януше Паликоте: «Вернулся в хлев, где ему и место». (цитаты приведены в «Газете wyborчей», 12 авг.)

• «Конституционный суд хоть и умирает, но умирает с достоинством, поскольку до конца придерживается определенных принципов и правил, которые должны быть общеобязательными в демократическом правовом государстве. Судьи могли спокойно выбросить новую редакцию закона о КС в корзину, однако не сделали этого. Но это не проявление слабости суда, напротив, это говорит о его профессионализме и ответственности, так как единственной точкой отсчета суд продолжает считать конституцию и воплощенные в ней ценности. Так что суд играет по совершенно иным правилам, нежели парламентское большинство, президент и правительство, которые постоянно нарушают вышеупомянутые принципы демократического правового государства», — проф. Ежи Заядло, заведующий кафедрой теории государства и права юридического факультета Гданьского университета. («Газета wyborча», 17 авг.)

• «Во вторник правительство опубликовало 21 решение Конституционного суда. Эти решения дожидались своего часа все последние месяцы, пока шла ожесточенная дискуссия

относительно суда и его судей. При этом два решения суда, касающиеся изменений в законе о КС, предложенных ПиС, опубликованы так и не были». (Марек Домагальский, «Жечпосполита», 17 авг.)

• «Европейская ассоциация судей и прокуроров MEDEL обратилась к президенту Анджею Дуде с письмом относительно июньского инцидента, связанного с отказом президента приводить к присяге десять судей. “Профессиональный рост не должен зависеть от правительственной и чиновничьей конъюнктуры”, — говорится в письме. Президент не обосновал своего решения. “Такое решение необходимо обосновать и должным образом довести до сведения общественности, чтобы сделать возможным его экспертизу и одновременно избежать подозрений в том, что на президента оказывалось давление либо влияние иного характера”, — пишет MEDEL». («Газета wyborcza», 25 авг.)

• «В субботу состоялось заседание Чрезвычайного конгресса судей. (...) На нем встретились более тысячи судей со всей Польши. Прибыли и приглашенные гости, в том числе политики. Не хватало только президента, премьер-министра, министра юстиции и представителя ПиС. (...) Судья регионального суда Катовице-Запад Ярослав Гвиздак поблагодарил всех прибывших в Варшаву за их смелость. Он также поинтересовался, где же оставшиеся 9 тыс. судей. “Надеюсь, что их отсутствие вызвано огромным объемом работы, а не тем, что они вдруг чего-то испугались”, — сказал Гвиздак. Судья Бартломей Пшимусинский, представлявший региональный суд Познани, заверил собравшихся, что судьи хотят перемен, однако (...) всё более активное вмешательство политики в деятельность судов отравляет судебную систему. (...) В конце заседания конгресс принял резолюцию. Судьи призвали власти уважать решения Конституционного суда и наконец-то опубликовать их. Также авторы резолюции выразили протест против произвольного отказа президента привести судей КС к присяге. Судьи также высказались за то, чтобы административный надзор над судами осуществлял первый председатель Верховного суда, а не министр юстиции, и предложили исключить возможность трудоустройства судей в министерстве юстиции». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 5 сент.)

• «“Около тысячи судей, собравшихся вчера в Варшаве — цифра, конечно, большая, однако это всего лишь 10% от десяти тысячного судейского корпуса”, — заявил вице-маршал Сейма Йоахим Брудзинский (...). Я слышал, некоторые судьи считают, что исполнительная власть не имеет права критиковать власть судебную. (...) Мы не отступим ни на шаг. (...) И оздоровим атмосферу в судах». (Дорота Ковальская,

«Польша», 5 сент.)

- «Во вторник представители Венецианской комиссии (...) провели ряд бесед в канцелярии премьер-министра и в Конституционном суде. “Мы очень обеспокоены попытками подорвать авторитет Конституционного суда”, — прокомментировали они результаты встреч». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 14 сент.)

- «В том, чтобы продлить состояние анархии вокруг Конституционного суда, заинтересованы те круги, которые пытаются ослабить роль парламента и президента, а значит, и польскую государственность в целом. При этом они апеллируют к вмешательству извне, в ложном свете представляют действующие в Польше конституционный строй и правопорядок. Перед нами, безусловно, мошенники, поскольку так называемая Венецианская комиссия руководствуется ошибочными данными и ложными предпосылками, поставляемыми оппозицией, что делает выводы этой комиссии крайне сомнительными и недостоверными», — Петр Л. Анджеевский. («Наш дзенник», 24 авг.)

- «Вчерашние дебаты в Европарламенте продолжались недолго. (...) Ситуация в Польше обсуждалась чуть более 50 минут. (...) “Польским правительством предпринимаются определенные шаги, угрожающие правовому государству, и поэтому мы должны действовать. (...) Законы, принятые польским Сеймом, противоречат принципам Европейского союза, членом которого является Польша”, — говорит Джанни Пителла. (...) “Ваши движет глубокое предубеждение по отношению к правительству Польши и ко всему, что оно представляет”, — считает Рышард Легутко». (Бартломей Недзинский, «Дзенник газета правна», 14 сент.)

- Европейский парламент «в среду в Страсбурге принял резолюцию, критикующую польские власти. “За” резолюцию проголосовали 510 депутатов, “против” — 160, а 29 воздержались. (...) Негативная оценка парламентариями действий польского правительства совпадает с мнением Европейской комиссии, высказанным ранее. Комиссия возбудила против Польши процедуру охраны правопорядка. 26 июля начался уже второй этап этой процедуры, в рамках которого правительству Польши дано три месяца, чтобы выполнить требования Европейской комиссии, в частности, опубликовать решения Конституционного суда и привести к присяге судей КС, избранных Сеймом предыдущего созыва. Европейский парламент призвал Польшу соблюсти указанный срок и “взаимодействовать с Европейской комиссией в соответствии с принципами лояльного сотрудничества, предусмотренными договором о ЕС”. Парламент также обратился к комиссии, чтобы та проверила на соответствие

законодательству ЕС принятые польским Сеймом новые законы, которые не может проверить Конституционный суд. Это в особенности касается законов об общественных СМИ, полиции, прокуратуре, государственной гражданской службе и борьбе с терроризмом». (Из Брюсселя Анна Сроевская, «Жечпосполита», 15 сент.; цитата — «Дзенник газета правна», 15 сент.)

- «На осеннюю сессию Парламентской ассамблеи Совета Европы президента Анджея Дуду в качестве специального гостя пригласил генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд, еще в апреле, во время своего визита в Польшу. (...) Тогда же госсекретарь канцелярии президента Кшиштоф Щерский заявил, что Анджей Дуда выступит с речью на сессии ПАСЕ, запланированной на 10–14 октября. (...) Однако на днях канцелярия президента направила в адрес секретариата Совета Европы письмо, сообщив, что президент с речью выступать не будет. Об этом рассказала директор варшавского представительства Совета Европы Ханна Махинская. (...) Ни канцелярия президента, ни его пресс-секретарь никак не прокомментировали отказ от выступления». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 14 сент.)

- «Кто прав в споре о Конституционном суде? Оппозиция и КС — 43%, парламентское большинство, Пис и президент — 21%, никто из вышеперечисленных — 22%, затрудняюсь ответить — 14%. Должно ли правительство опубликовать решение КТ от 9 марта? Да — 70%, нет — 15%, не знаю — 15%. Опрос Института рыночных и общественных исследований от 12–13 августа. («Жечпосполита», 31 авг.)

- «Управление страной в рамках “перемен к лучшему” основано на том, чтобы не растерять и даже расширить свой электорат, а заодно увеличить пространство власти и контроля. К примеру, действия Збигнева Зебро — это прямой путь к правовому нигилизму, то бишь к политической инструментализации права: мы принимаем те законы, которые нам выгодны. (...) Мы наблюдаем сейчас попытку превратить нашу и без того не слишком консолидированную демократическую систему в систему полудемократическую. В Латинской Америке это называется демократура: сохраняются некоторые элементы демократии, такие, как выборы, однако используются они для избрания автократической власти», — проф. Ежи Хауснер, член Совета денежной политики, бывший вице-премьер и министр экономики. («Газета wyborcza», 13–15 авг.)

- «Среди граждан тоже ведь могут быть террористы или мафиози. Нам не подходит лозунг “Не доверяй государству, доверяй гражданам”. На Западе это привело к тому, что сейчас там часто происходят теракты, совершаемые гражданами этих стран», — Збигнев Зебро, министр юстиции и генеральный

прокурор. («Польша», 12–15 авг.)

• «Можно ли вообще описать Польшу, находящуюся в состоянии серьезного раскола, и одновременно не затронуть ее ключевых проблем? (...) Новое консервативное правительство, сформированное правой партией, начало с масштабных кадровых чисток, равных которым страна не знала с 1989 года. Увольняются все руководители спецслужб. Уходят в отставку многие видные представители генералитета. Меняется всё руководство полиции вплоть до комендантов в воеводствах. Почти 1600 влиятельных государственных чиновников автоматически получают извещения о своем увольнении вместе с информацией о грядущей переаттестации. Правительство вносит изменения в закон о государственной гражданской службе таким образом, чтобы иметь возможность принимать на работу своих людей, которым уже не нужно участвовать в открытых конкурсах и отказываться от членства в партии. (...) Согласно новому закону о СМИ, автоматически лишается своих постов руководство общественных радио и телевидения; теперь выдвигать кандидатуры директоров этих масс-медиа будет министр казначейства. Впервые за 25-летнюю историю демократической Польши государство берет СМИ под свой контроль. (...) Более сотни журналистов общественных радио и телевидения оказались на улице либо были вынуждены уволиться. К концу 2015 г. правительство фактически блокирует работу Конституционного суда — последнего института, на который оно пока что не может влиять. (...) Вечерние новости на радио и ТВ становятся похожими на пресс-конференции членов правительства», — Юзеф Паздерка, бывший корреспондент чешского телевидения в Варшаве. («Дзенник газета правна», 12–15 авг.)

• «Полякам хотелось бы, чтобы дела у богатых шли значительно хуже, а у сравнительно бедных — гораздо лучше. (...) Поляки так и не приняли общественный строй, введенный в стране после 1989 года. (...) В зрелых демократиях имущественное расслоение носит естественный характер и граждане одобряют социально-экономическую систему, в которой живут. Мы же не одобрили новый общественный строй. Такой вывод можно сделать на основании наших исследований, проводившихся после 4 июня 1989 г. вплоть до наших дней. На международных конференциях мои коллеги обращали внимание, что при таком высоком уровне неодобрения общественного строя и государства в Польше давно должна была начаться гражданская война. (...) Все эти 27 лет поляки слабо интересовались политикой. (...) И только сейчас происходят поистине революционные изменения. (...) До 2015 г. проблема имущественной иерархии не слишком влияла на результаты выборов, поскольку партии и масс-медиа обходили эту тему

стороной. (...) Лишь в прошлом году деятели Пис (...) во время избирательной компании заговорили о несправедливости существующей имущественной иерархии. Пообещав исправить эту несправедливость, а заодно напугав избирателя наплывом иммигрантов, Пис обеспечила себе победу. (...) У поляков, как и положено потомкам крепостных крестьян, есть проблема заниженной самооценки. (...) Вот почему нас так задевает любое критическое замечание в наш адрес либо в адрес Польши, даже если это замечание делается из лучших побуждений. Вот почему мы так раздражаемся, заполняя анкеты, и чувствуем себя униженными, читая об успехах других», — Веслав Барыла, социальный психолог. («Газета wyborcza», 20–21 авг.)

• «Если технический прогресс становится причиной экономического неравенства, то благодаря новым коммуникационным технологиям об этом неравенстве знают все. (...) Интернет ниспровергает авторитеты. (...) Общество буквально терроризируют соблазнительными картинками роскошной жизни, в то время как действительность до них явно не дотягивает, а новые технологии только разжигают аппетит... Так зреют семена бунта. (...) В результате происходит восстание против элит, которые, естественно, и оказываются во всем виноваты. И в этом — прямая угроза демократии», — Марек Белька, бывший министр финансов и председатель Национального банка Польши. («Дзеньник газета правна», 10–12 авг.)

• «Демократия оправдывает себя там, где есть зрелое гражданское общество. Там, где это общество рационально. Среди же маргинальных иррациональных скоплений людей, понятия не имеющих о сути демократических механизмов, в больном обществе со слишком высокой концентрацией ресентиментов либо религиозной тревоги демократия может породить чудовищ. Не будем забывать, что в 1933 г. Гитлер победил именно на демократических выборах, а во время своего пребывания у власти пользовался безграничной поддержкой почти абсолютного большинства. (...) Демократия, в идеале, должна быть тем смыслом общественной жизни, к которому все мы стремимся, а не видимостью и инструментом, обеспечивающим победу партийным эгоцентрикам», — Кристиан Люпа, режиссер, сценограф, драматург, педагог. («Газета wyborcza», 3–4 сент.)

• «Формально конституция и уголовный кодекс запрещают пропаганду фашизма, а также национальной и расовой ненависти. (...) На деле же те, кто пропагандирует расизм и фашизм, чувствуют себя безнаказанными. (...) Как известно, фашистские сообщества существуют. Это отлично организованное меньшинство. (...) Растет количество уличных акций. Пример — праздник независимости 11 ноября. Когда

националисты только начинали свои акции на Краковском предместье под лозунгами вроде “Бойтесь до дрожи, жидовские рожи!”, этих людей было не больше пятисот. В 2010 г. на Замковой площади их было уже около 3 тысяч. Сегодня же т.н. “Марш независимости”, проводимый “Всепольской молодежью” и “Национально-радикальным лагерем”, собирает десятки тысяч человек. За исключением Папы, голоса представителей католической Церкви в Польше почти не слышны. А если слышны, то это радио “Мария” или о. Мендляр, открыто симпатизирующий националистам. (...) Марек Ружицкий, священник кафедрального собора на Вавеле, очень активен в интернете. Себя он позиционирует как священник-националист и сторонник “Всепольской молодежи”, члены которой несли караул на Вавеле во время визита Папы. (...) На похоронах кардинала Францишека Махарского (...) служба информации и охраны порядка также состояла из членов “Всепольской молодежи”», — Рафал Панковский, доктор наук, профессор института “Collegium Civitas” в Варшаве. («Газета выборча», 1 сент.)

• «“Национально-радикальный лагерь” вскоре станет частью вооруженных сил территориальной обороны, создаваемых оборонным ведомством. Националисты уже объявили о своем участии. (...) Министр обороны Антоний Мацеревич не видит препятствий к тому, чтобы националисты вошли в состав государственных воинских частей. (...) По разным оценкам, количество членов “Национально-радикального лагеря” сегодня колеблется от нескольких тысяч до почти двух десятков тысяч человек. На официальную страницу организации в Фейсбуке подписаны десятки тысяч сочувствующих, а на профиль “Марша независимости”, важнейшего события в жизни каждого националиста — почти 300 тыс. человек. (...) Кроме “Национально-радикального лагеря” к националистическим организациям в Польше относятся: “Всепольская молодежь”, “Национальное возрождение Польши” и “Союз бойцов Национальных вооруженных сил”». (Александра Павлицкая, «Ньюсуик Польша», 5–11 сент.)

• «В воскресенье в Гданьске состоялось торжественное погребение “проклятых солдат”: Дануты Седзик (“Инки”) и Феликса Селмановича (“Загонщика”), расстрелянных в 1946 г. органами госбезопасности. Их останки были обнаружены два года назад. (...) Во время мемориальных торжеств в гданьском кафедральном соборе президент Анджей Дуда заявил: “Этой церемонии пришлось ждать целых 70 лет, 27 из которых пришлось на новую эпоху, наступившую в 1989 году”. И добавил: “Если до 1989 г. страной правил режим тех же самых предателей, что убили “Инку” и “Загонщика”, то сказать так о

Польше после 1989 года, наверное, нельзя — по крайней мере, теоретически”. Эту ремарку собравшиеся встретили смехом. (...) Президент также поблагодарил футбольных фанатов за память о “проклятых солдатах”. Во время торжества зажигались петарды, были видны флаги “Национально-радикального лагеря”. (...) Уже в ходе мессы националисты напали на сторонников Комитета защиты демократии». (Гжегож Шаро, «Газета wyborcza», 29 авг.)

• «Лех Валенса вышел из здания гданьского Марианского собора во время выступления президента Дуды после того, как тот заявил, что Третья Речь Посполитая лишь “теоретически” отличается от государства предателей, убивших “Инку”. На улице бывший президент Валенса столкнулся с группой футбольных фанатов и националистов (...). Вслед ему полетели оскорбления: “Болек”, “Смерть врагам Родины!”, “То серпом, то молотом бейте красных смолodu!”. (...) Министр внутренних дел Мариуш Блащак заявил (...), что “неслучайно в Гданьске и Щецине соглашения от имени «Солидарности» подписали тайные агенты органов безопасности». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 1 сент.)

• «Идет работа над фильмом о Ромуальде Райсе (подпольный псевдоним “Бурый”). Режиссер фильма Эва Шукальская рассказывает в “Нашем дзеннике”: “На некоторых белостокских землях, население которых сегодня считает себя белорусами, (...) постоянно работает пропаганда в стиле ПНР. (...) наших “проклятых солдат” представляют бандитами, которые убивали православное белорусское население. (...) Участие в этой пропаганде принимает и православная Церковь. (...) Я считаю, что там проводится антигосударственная, антипольская деятельность, и кто-то должен всерьез с этим разобраться”». (Михал Болтрык, «Пшеглэнд православный», сент. 2016)

• «У прокурора Белостокского отделения Института национальной памяти, выслушавшего более сотни свидетелей, был только один выход: квалифицировать действия отряда “Бурого”, совершенные в 1946 г., как “преступление с признаками геноцида”», — проф. Эугениуш Миронович. («Пшеглэнд православный», сент. 2016)

• «Когда я приехал в Польшу из Гвианы, то понял, что для местных я — грязнуля, черномазый, негритос, шоколадная морда, черножопый, короче говоря, настоящий черт. Боже праведный, меня награждали такими эпитетами, что я чувствовал себя куском дерьма. (...) Бывало, меня били, толкали, плевали вслед, оскорбляли. Всё это время, в этой самой стране. (...) Если кто-то думает, что в Польше нет расизма — пусть проведет здесь хотя бы один день, будучи негром. (...) Конечно, Польша сегодня гораздо более толерантная страна,

чем двадцать или тридцать лет назад. Однако расистские выходки и сейчас далеко не редкость. (...) Мне хотелось бросить учебу и уехать. (...) Те, кто тогда вываливал мне мусор под дверь и рисовал на ней расистские лозунги, теперь стали успешными адвокатами и политиками. А я их знать не хочу. (...) Я изменился, изменилась и Польша. (...) И я наконец-то чувствую, что Польша — это и есть моя Родина», — Брайан Скотт, звезда RMF FM, лицо TVN, ведущий программы “Этническая среда” на TVN, преподаватель английского языка. («Польска», 12 сент.)

• «С первых месяцев начальной школы Пётрек приходил домой в слезах, жаловался, что дети называют его ниггером, чумазым, обезьяной, бананом, цыганом, чернозадным. (...) В последнее же время к этим обидным кличкам добавилось еще прозвище “беженец”. (...) Думаю, всё идет к тому, что сын уедет к отцу в Англию. (...) Ежегодные поездки туда — это для ребенка настоящий санаторий. Он говорит, что ненавидит Польшу и поляков, недоумевает, что такого он им сделал. На Польшу ему теперь наплевать, он перестал интересоваться ее историей, хотя раньше был ею просто увлечен. (...) А тот, кто утверждает, что никогда не сталкивался в Польше с расизмом, пусть поблагодарит за это свою белую кожу». (Александра Гумовская, «Ньюсуик Польска», 28 авг. — 4 сент.)

• «Отношение общества к мигрантам изменилось у нас радикально с тех пор, как ПиС начала постоянно твердить об угрозе, исходящей от чужих. Еще год назад большинство поляков поддерживало идею принять в нашей стране беженцев. Сейчас всё наоборот. (...) У нас, в католической стране, люди отворачиваются от Папы и слушают Качинского. Это просто поразительно. Руководство ПиС поощряет в людях самое плохое. (...) Очень изменилась католическая Церковь. Сегодня она находится в руках неслыханно ограниченных людей, во власти кошмарных стереотипов, не имеющих ничего общего с христианскими ценностями. Контраст между тем, что говорит Папа Франциск, и заявлениями польских епископов поистине комичен. Для многих епископов Качинский более важная птица, чем Папа Римский. А сам Качинский обращается к отвратительнейшим чертам человеческой натуры, к примитивному страху, порожденному огромным невежеством», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, маршал Сейма, министр иностранных дел, министр юстиции и сенатор. («Газета wyborcza», 9-10 июля)

• «Пару дней назад я была на первом причастии одного молодого человека, и когда священник сказал: “Вам внушают, что вы европейцы, а вы — поляки, и вы должны гордиться этим”, половина родителей вышла из храма, не желая слушать политических заявлений во время столь важного для них

торжества. Всего одна фраза, и родители просто встали и вышли. И дожидались своих детей на улице», — Кристина Янда. («Газета wyborcza», 11-12 июня)

- «Языком большинства иерархов и настоятелей стал язык Пис. Символом католической Церкви в Польше сегодня выступает Рыдзык — антисемит и ксенофоб, способный в шутку сказать о чернокожем священнике, что тот не успел умыться», — Ян Томаш Гросс. («Ньюсуик Польска», 25-31 июля)

- «Убийство поляка в Харлоу в графстве Эссекс — это предостережение для всех политиков, эксплуатирующих неприязнь к чужим. 40-летний мужчина в субботу вечером отправился с приятелем, тоже поляком, в пиццерию. Там они наткнулись на группу подростков, которые, услышав, что мужчины говорят по-польски, стали их оскорблять, а затем бить. Младший из мужчин умер через два дня в больнице, старший выжил». (Мачей Чарнецкий, «Газета wyborcza», 1 сент.)

- «Профессор Ежи Кохановский, преподаватель института истории Варшавского университета, был избит в одном из столичных трамваев, поскольку говорил по-немецки, беседуя со своим коллегой из Йенского университета». («Тыгодник повшехный», 18 сент.)

- «Год назад (...) на Краковском предместье (...) подходила к концу демонстрация в поддержку приема в Польше беженцев. Одновременно на Замковой площади против появления у нас беженцев митинговали националисты, которых было в десять раз больше. (...) И вдруг началась страшная драка. (...) Через минуту два человека (...) уже лежали на середине улицы. А стоящие на ногах принялись пинать лежащих, явно собираясь их убить. (...) Так что я своими глазами видел на Краковском предместье, возле памятника Мицкевичу, людей, готовых убивать. И в случае отсутствия под рукой чужих они готовы убивать друг друга. (...) Раньше мне казалось, что я живу в цивилизованной стране. (...) Тем временем оказалось, что здесь, у нас, есть люди, готовые убивать. Достаточно только сказать им — мол, вперед, уже можно. А самое ужасное в том, что такие люди живут не только здесь. Они повсюду», — Кшиштоф Сьрода. («Тыгодник повшехный», 21 авг.)

Фонд «Семейные фирмы» поддерживает предпринимателей

С Катажиной Герчак-Групинской,
председателем фонда «Семейные
фирмы», беседовал Томаш Чоик

— Чем занимается фонд «Семейные фирмы»?

— Мы — организация, которая бескорыстно поддерживает семейный бизнес, создавая пространство для обмена опытом и интеграции сообщества семейных предприятий.

Важнейшая часть нашей деятельности, по оценкам семейных фирм, — кураторские встречи, которые мы устраиваем. Мы предлагаем предпринимателям делиться друг с другом знаниями, давать советы, предостерегать от ошибок, которые можно совершить, управляя фирмой. Пока еще в Польше о семейном бизнесе известно не слишком много, поэтому мы опираемся на опыт предпринимателей, так как уверены, что практика дает самые ценные знания.

В этом году мы запускаем международный проект «Early Warning», будем заниматься им вместе с Польским агентством по развитию предпринимательства. Цель проекта — поддержка фирм, у которых возникли проблемы или которые предвидят их возникновение. Мы создадим сеть кураторов, то есть, предпринимателей, которые будут делиться своим опытом и помогать в кризисных ситуациях. Впрочем, это не единственная задача международного фонда. Мы стараемся усвоить опыт, наработанный за границей поколениями семейных фирм и институциями, которые поддерживают их многие годы. Мы хотим, чтобы польским семейным предприятиям не приходилось ломиться в открытые двери. Стоит подчеркнуть, что в течение трех лет мы составляем рапорты «Поляки о семейных фирмах». Каждый год мы спрашиваем тысячу человек, что они думают о семейных фирмах. Результаты опроса, часто неожиданные, вдохновляют нас на дальнейшую работу.

Мы также активно участвуем в рецензировании проектов законодательных актов и сами предлагаем решения, благоприятные для предпринимателей. В этой сфере у нас уже

есть конкретные успехи. Введение в налоговое законодательство положения о разрешении спорных вопросов в пользу налогоплательщика, а также начало работы над вопросами, связанными с правопреемством фирмы, принадлежащей индивидуальному предпринимателю, — это, по крайней мере, частично наша заслуга. Вместе с командой из шести человек мы работаем на благо всех семейных фирм в Польше. Особое внимание уделяем фирмам под общей маркой «деревца» «Семейная фирма». Их уже почти 500.

— *Что, в сущности, значит это деревце?*

— Когда-то в мою фирму приехал клиент из Японии с 500-страничным контрактом по-английски и со своими юристами. Мы пытались договориться о форме сотрудничества. Во время совместного ужина получилось, что рядом со мной сидели мой муж и моя сестра. Японский предприниматель, как оказалось, приехал с сыном. Как только мы поняли, что оба ведем семейный бизнес, наш разговор совершенно изменился. Юристы были отпущены, а договор составлен на одной странице. Все формальности были улажены очень быстро. Так зародилась идея марки «Семейная фирма». Вдохновленные этой историей, другие владельцы семейных фирм вместе с нами на мастер-классе создали концепцию общего знака — деревца. Это наш опознавательный знак на прилавках магазинов, на сайтах в интернете и каталогах. Фирмы сразу приняли «деревце». Стоит подчеркнуть, что никто в мире до нас ничего подобного не придумывал.

— *Какие ценности стоят за символом деревца?*

— Мы проводили опрос среди потребителей и среди самих предпринимателей, спрашивали, как они понимают словосочетание «семейная фирма». Представления на этот счет в обеих группах лучше всего описывают три слова: традиция, честность и ответственность многих поколений. Именно эти ценности символизирует «деревце». Наш логотип мы предоставляем фирмам бесплатно.

— *С какими проблемами сталкиваются семейные фирмы? Какие темы чаще всего затрагиваются во время кураторских встреч фонда?*

— В последнем опросе «Поляки о семейных фирмах» на вопрос: «Что представляет самую большую проблему в семейном бизнесе?» — только один из тысячи человек указал на проблему наследования. Мало кто осознает, что большинство семейных предприятий в Польше закрывается из-за того, что люди не знают, как правильно передать управление в руки детей, потому что в Польше нет соответствующего опыта. Наша экономика все еще молода. Собственно, только сейчас пришло первое поколение, которое учится разговаривать на эту тему.

Помимо разговора важен также план наследования, о чем мы напоминаем предпринимателям при каждом удобном случае. Правопреемство — это длительный и сложный процесс, который требует организации и порядка. В этой области фонд также поддерживает бизнесменов, устраивая семинары и мастер-классы с участием экспертов.

Семейные фирмы в Польше чаще всего занимаются тем, что интересно их владельцу, и нужно постараться, чтобы убедить детей найти себя и свой путь в той же сфере. Если этого не сделать, то устоять такой фирме будет очень трудно. Диалог и обсуждение в семье — это основа. Необходимо открыто говорить о своих потребностях и опасениях.

Подрастающие дети смотрят на фирму родителей немного как на приемную сестру, которая отнимает все свободное время, деньги и внимание мамы с папой, с которой приходится постоянно соперничать. По прошествии лет нелегко относиться с симпатией к кому-то, кто отнял у тебя детство.

— Вы упоминали о проблеме недостатка свободного времени у членов семейных фирм. Как фонд помогает им с ней справиться?

— Владелец ручается за фирму всем своим состоянием. У него нет определенных часов работы. Человеку, управляющему семейной фирмой, приходится работать в выходной, если приезжает доставка, приходится быть на месте, если что-то вдруг случится на фабрике в ночную смену. У владельцев семейного бизнеса очень мало времени для близких.

Совмещать роли главы семьи и шефа очень трудно.

Поэтому мы решили заняться здоровьем владельцев и сотрудников. Проект «Здоровая семейная фирма» — это комплекс действий, которые позволяют создать в фирме атмосферу, благоприятную для здоровья. Ведь, как мы знаем, нельзя вести здоровый образ жизни только после 17.00. Работа составляет неотъемлемую часть нашего дня. Нельзя забывать об этом. Владелец фирм это касается в первую очередь, потому что для них понятие «конец рабочего дня» — чистая условность. И все-таки мы верим, что руководители начнут менять свой образ жизни, и тогда появится шанс на позитивные изменения также и в их ближайшем окружении. Семейная фирма — это не только тяжелый труд, но и огромное удовольствие для ее хозяина, о чем мы иногда забываем. И тем не менее, для этого нужно иметь здоровье.

— Охотно ли польские предприниматели подчеркивают семейный характер своего бизнеса?

— У польских семейных фирм огромный потенциал, но как общество мы только начинаем это понимать. Из прошлогоднего рапорта «Поляки о семейных фирмах» следует, что более трети опрошенных могли бы платить больше за продукты семейных фирм, но они не знают, как такие

продукты отличить. Из чего следует, что фирмы не особенно афишируют свой семейный характер. К счастью, предприниматели постепенно начинают отдавать себе отчет в том, что семейный характер может быть их преимуществом. На польском рынке уже много фирм, которые прекрасно освещают свою марку и ее «семейность». Мы всегда приводим пример фирмы Mokate, которая даже добавила к своему логотипу формулировку «A Family Business». Мы советуем и другим идти по этому пути.

— *Владельцы польских семейных фирм сильно отличаются по своей ментальности от заграничных?*

— За границей хозяева семейных предприятий знают, что планировать надо на поколения, а не на кварталы. То же самое касается и наследования: там это наука, процесс, идущий десятилетиями, а у нас к нему все еще относятся как к символической передаче ключей.

Подобным образом следует взглянуть на вопросы управления ключевыми компетенциями фирмы. Владельцам стоит уже сейчас задуматься о том, как будет выглядеть мир через 10–20 лет, и формировать свою команду с мыслью о будущем. Сейчас мы начинаем исследовать потребности семейных фирм в контексте компетенций будущего и с нетерпением ждем новых открытий.

Выписки из культурной периодики

Как сегодня в Польше смотрят на Россию?

Иоанна Дарчевская, руководитель группы по вопросам внутренней безопасности в Восточной Европе из Центра восточных исследований им. Марка Карпа опубликовала на страницах выходящего раз в два месяца издания «Новая Восточная Европа» (№ 3–4, 2016) обширное эссе «Борьба России за власть над душами на Западе». Автор пишет: «Повсеместно считается, что современная российская пропаганда развивает методы информационной и психологической борьбы времен холодной войны 1946–1991 гг., когда окончательно кристаллизовался политический раздел между Востоком и Западом и усовершенствовались методы идеологического воздействия. Но на самом деле это только часть опыта России (...) Прочны также навязываемые миру стереотипы и доминирующие лейтмотивы российской пропаганды, особо выделяющей западные кризисы. Цель Кремля остается неизменной: ослабление позиций врага, демонизируемого в упрощенной, черно-белой картине мира, где подлый и двуличный Запад — черный, а Россия — белая». Дарчевская обращает внимание на упрочение этой схемы в книгах Татьяны Грачевой, заведующей кафедрой иностранных языков Академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, — «Невидимая Хазария» и «Святая Русь против Хазарии» (с польскими версиями этих книг можно познакомиться в интернете). Хазария символизирует мир антихриста, полярно противоположный русскому миру: «Насколько познавательная ценность трудов Грачевой не отвечает никаким критериям научной работы, настолько же трудно переоценить их практическое значение: это прямое воздействие на эмоции, которое не требует размышлений». Такой тип воздействия укоренен в прошлом: «Максималистские и мессианские интонации XIX века обнаруживаются в российских геополитических проектах (так называемого русского мира или евразийства). Проекты эти не новы. Идейный конструкт русского мира лежал в основе движения славянофилов, горячим приверженцем которого был, среди прочих, генерал Михаил Муравьев, издатель петербургской газеты «Русский мир», — тот самый Муравьев,

который снискал прозвище «Вешатель» и мрачную славу палача Январского восстания в Литве».

Кроме славянофильства, И. Дарчевская указывает и иной российский цивилизационный концепт: «Идея создания новой цивилизации — православной и великодержавной — воплотилась затем в доктрине евразийства. Это движение возникло среди русской эмиграции в двадцатых годах прошлого века как альтернатива коммунистической идеологии. Впоследствии евразийцы, среда которых была инфильтрирована агентами НКВД, сосредоточились на попытке вмонтировать советское государство в идею Великой России, доминирующей на обширных евро-азиатских пространствах между Тихим, Индийским океанами и Атлантикой. Евразийская доктрина, воскрешенная ныне Александром Дугиным, заостряла все черты русской имперской мысли, такие как национализм, мессианство, детерминизм, антизападничество, бескомпромиссность, агрессивность, склонность к конфронтации. В результате она не обладает цельностью: опираясь на православную философию, евразийцы одновременно пользуются милитаристской риторикой». Тем не менее, именно с этой позиции, исходным пунктом которой является православие, Запад видится как край упадка: «Предпринимая в очередной раз критику западной цивилизации и запуская собственные «консервативные» проекты, Кремль вписывается в нынешние западные цивилизационные дебаты. В современной Европе нет недостатка в критиках американского глобализма, мультикультурализма, традиционных христианских церквей, а также в евроскептиках, заявляющих, что Запад безоружен перед новыми угрозами. Стереотипы, что Европа декадентская и слабая, появляются также и на самом Западе, особенно в период кризисов, усиливающих общественный радикализм».

Все верно, но, по правде говоря, ощущение кризиса — это один из механизмов, ускоряющих развитие западной цивилизации: достаточно обратиться к учебникам истории, начиная с истории Средних веков. Столь же стар, как и Россия, стереотип, твердящий о закате этой цивилизации. Но именно этот стереотип, начиная, как минимум, с Венского конгресса, становится основой действий, рассчитанных на использование этой слабости. Иоанна Дарчевская пишет: «Действия современного Кремля хорошо организованы: аналитические центры и специальные службы постоянно отслеживают «положение с информационной безопасностью России», а информационный «спецназ» на телевидении и в интернете молниеносно реагирует на любые проявления критики России

и самокритики Запада, трактуя последнюю как проявление слабости, которую можно и нужно использовать как пропагандистский инструмент. Как и ранее, приклеиваются ярлыки друзей России («полезных идиотов») и врагов: «фашистов» украинцев, западных русофобов, «поджигателей войны» из НАТО, «американских марионеток» на Западе и т.п. Кремль распоряжается экстремистами как полезными силами, не только нагнетая и расширяя при их помощи собственную пропаганду, но и укрепляя деструктивные проявления, подпитывая антиевропейскую риторику, усиливая напряженность и размежевания («внутренних фронтов») в различных странах. (...) Воскрешая имперский цивилизационный дискурс и противопоставляя Россию вырождающейся Европе, Москва вновь утверждает, что живительные духовные силы могут прийти с Востока (*ex Oriente lux*)».

По сути своей, речь идет о вещах давно известных и многократно разжеванных несколькими поколениями историков и политологов, здесь автор не открывает никакой тайны: можно было бы едва ли не слово в слово переписать все это из трудов Мауриция Мохнацкого, в России, кстати, приговоренного к повешению, чего он избежал, оставшись в эмиграции. Его слова, касающиеся этого вопроса, приводил сравнительно недавно светлой памяти Рышард Пшибыльский в сборнике эссе «Смеющийся Демокрит». Как это не прискорбно, политологи, занимающиеся этой темой, допускали в XIX веке и допускают сегодня одну и ту же ошибку, на которую обращает внимание И. Дарчевская: «Несмотря на опыт холодной войны, нынешние «знатоки России» все еще упускают из виду ее цивилизационные реалии. И забывают, что известная латинская сентенция в полном виде звучит: «*Ex Oriente lux, ex occidente lex*». В ней блистательно отражена суть проблемы. Она напоминает, что западная цивилизация — это не только просвещенческая похвала разуму и свободному рынку, толерантность и демократия, но также и власть закона, охрана гражданских прав, включая право на частную собственность и независимость мнений — наперекор деспотичной власти». Что ж, многие вещи забываются: не случайно Станислав Ежи Лец в одном из афоризмов спародировал античную максиму, вложив в уста героя фразу: «*Ex Oriente lux, ex occidente luxus*»...

Дополняет статью большое интервью, которое Иоанна Дарчевская дала католическому еженедельнику «Тыгодник повшехный» (№ 37, 2016). Текст, озаглавленный «Кремлю неведомо слово „мир”», иллюстрируется известной

фотографией, на которой Владимир Путин заботливо укутывает пледом канцлера Германии Ангелу Меркель во время встречи в Петербурге в 2013 году. Дарчевская говорит о хакерских атаках на США, в которых подозреваются Китай и Россия: «Это обоснованные подозрения. Русские даже оставили следы. Зловредные программы очень похожи на применявшиеся в предыдущих атаках в США, а также в Германии и Франции — на серверы бундестага и газеты «Le Monde», в чем подозревались российские спецслужбы. Выкраденные документы публиковались на откровенно антизападном и антиамериканском портале «WikiLeaks», основатель которого Джулиан Ассанж ведет собственную программу на финансируемом Россией телеканале «Russia Today». Говоря о стремлении России модерировать избирательную кампанию в Германии, Дарчевская подчеркивает, что это становится все более заметно, поскольку «начиная с 2015 года, телеканал «RT» ведет передачи по-немецки, что потребовало привлечения пула экспертов и немецкоязычных комментаторов, освещающих события в соответствии с интересами Кремля. В конце июня в Берлине появилась очередная платформа немецко-российского сотрудничества — Институт диалога цивилизаций. «Франкфуртер альгемайне цайтунг» писала, что православный чекист и олигарх Владимир Якунин ассигновал на развитие этого проекта 25 млн евро».

Читаем далее: «Российское понятие «информационная война» — это, по сути дела, пропагандистский стереотип, означающий психологическую войну с Западом. Это широкий и не до конца уточненный термин. По сути дела, Россия ведет дезинформационную войну, применяя манипулирование, социотехнику и основанную на эмоциях психологическую игру, меняя в целях пропаганды направление интерпретационных векторов. (...) Такие действия в России глубоко укоренены: социотехническая обработка западных элит с успехом применялась еще во времена царизма». Новизна лишь в том, что, как может узнать читатель трудов Дугина, все базовые ценности, начиная с термина «демократия», в системе российской пропаганды подаются в смысле, противоположном принятым на Западе дефинициям. Дарчевская указывает на одну из таких семантических манипуляций: «Обращусь к примеру, который в последнее время настойчиво присутствует в общественном мнении — к понятию «майдан». Для украинцев майдан — это революция достоинства. Для кремлевских политтехнологов, еще со времен оранжевой революции на Украине в 2004 г., — „организованная Западом оргия русофобов, бандеровцев, сепаратистов и

антисионистов”». Конечно, такой тип воздействия можно наблюдать и в Польше, — впрочем, эту тему Дарчевская хотя и указывает, но не развивает. Однако говорит: «Москва старается не допустить установления близких отношений между государствами, торпедируя региональные интеграционные инициативы, если в них не участвует, дискредитируя отдельные страны с использованием этнических конфликтов (например, между поляками и литовцами, поляками и украинцами)».

А пока что взаимопонимания с Россией ищет Рафал А. Земкевич в опубликованной на страницах «До Жечи» (№ 35/2016) статье «Россия дольше, чем Путин». Опасаясь отправляющих свои оргии на майдане бандеровцев, он критикует польского президента: «Увы, как показали (...) визит президента Дуды в Киев и тот факт, что в очередной раз не достигнуты какие-либо серьезные договоренности в ответ на наши жесты расположения к государству, которое не в силах вырваться из состояния парамафиозной олигархии, вдобавок пытающемуся идеологически оправдать свое бытие постбандеровщиной, правительство «перемены к лучшему» [то есть команда Качинского] или не хочет, или не в состоянии искать другого пути, кроме как выставить против России рогатки, с уверенностью, что Запад будет всегда поддерживать польское дело так же горячо и бездумно, как мы поддерживаем борьбу за свободу украинцев (и вообще поддержим любого, кто что-то делает назло Москве)». А поступать назло Москве, полагает Земкевич, не следует, и уж совсем некрасиво выставлять против нее рогатки. Поддерживать украинцев — это упрямство и безрассудство. Следует просто подождать: «Ни среда, которая выдвинула Путина, ни тем более он сам не вечны. Есть много вещей, которые можно делать, чтобы искать в России партнеров и строить общность даже тогда, когда на высшем уровне отношения заморожены. И есть очень многое, от чего можно бы было воздержаться, поскольку это не приносит Польше ничего, кроме компенсирования комплексов, и только усиливает польско-русскую неприязнь и переносит ее из политики на эмоции, завладевающие обывателями. Там, где перед нами закрытая дверь, разумная политика состоит в том, чтобы быть готовым вставить в щель ногу, как только дверь начнет открываться. Когда-то она должна открыться».

Что же, в романе Яцека Инглота «Польша 2.0» Владимир Путин продолжает править в 2037 году, идет общеевропейская или даже мировая война, а поляки руководствуются доктриной некоего Адама Тарковского, которую исповедует чернокожий

польский солдат Александр М'Беки: «Польский Давид жаждет ведь не смерти российского Голиафа, а... спасения; он хочет не убивать, а излечить его жестокую, варварскую душу. Но чтобы лечить, должен сначала пациенту пустить кровь».

А тем временем, как сообщает «Газета выборча», Адам Михник прогуливается по Красной площади с Алексеем Навальным.

Красную армию в Червоный Бор

Примерно год назад, после многолетнего молчания на эту тему, предметом общественной дискуссии вновь стал вопрос об удалении из публичного пространства памятников, увековечивавших тоталитарный строй. В этом, несомненно, большая заслуга местных общественных инициатив. Благодаря им, а также при содействии государственных институтов (в т.ч. Института национальной памяти), несколько монументов удалось убрать с улиц и из парков.

Особенно важным было решение властей самоуправления города Пененжно и, в первую очередь, его мэра Казимежа Клейдо, которое привело к демонтажу памятника Ивану Черняховскому. Это, несомненно, стало импульсом, который позволил решить многие подобные проблемы в Польше. Ведь по-прежнему возникают инициативы, цель которых — демонтаж памятников в честь Красной армии и коммунистических сановников. Недавно газета «Жечпосполита» сообщала, что уже сочтены дни барельефа с изображением Сталина, висящего в городе Цыбинка в Любушском воеводстве.

Не отправлять в Москву

Недооценивается, однако, значение одной проблемы: что делать с этими памятниками дальше? Некоторые из них — демонтированные в конце 1989 — начале 1990 года — нашли себе место в Галерее соцреализма музея Замойских в Козлувке. Там можно увидеть Берута из Люблина, Ленина из Поронина, Мархлевского из Влоцлавека. Самый большой Ленин — из Новой Гуты — уплыл в Швецию. Варшавские «четверо спящих»^[1] и памятник Павшим на службе защитникам Народной Польши (прозванный «УБелиском»^[2]) лежат в разобранном виде на городских складах. Дзержинский эффектно рассыпался в прах при попытке демонтажа осенью 1989 года. Ченстоховский бюст Берута переплавили. На вопрос, что делать с демонтированными памятниками, однозначного ответа по-прежнему нет. В принципе, обсуждаются три идеи. Первая — самая простая: сносить и уничтожать. К этому прямо призывает исторический опыт. Так поступали во Второй Речи Посполитой с ненавистными памятниками, установленными на польской земле

захватчиками (например, с варшавским памятником полякам, павшим за верность своему монарху, в память об офицерах, погибших от рук ноябрьских повстанцев^[3], или с огромной фигурой Александра II, стоявшей напротив Ясной Горы). Однако мне кажется, что сегодня мы обогащены опытом минувших лет. Снос памятника имеет, конечно, символическое значение, но лишает следующие поколения возможности ознакомиться со свидетельствами прошлого. Кроме того, это дискуссионный вопрос. Не случайно российское телевидение охотно сопоставляет картины того, как в Польше сносят памятники, с действиями террористов Исламского государства, уничтожающих коллекции искусства в музеях Сирии. Это яркое сравнение.

Другая идея, как дать вторую жизнь коммунистическим памятникам, особенно т.н. памятникам благодарности, состоит в том, чтобы перенести их на воинские кладбища Красной армии. Недавно такая мысль возникла в Лидзбарке-Варминском. По-моему, это не очень удачное решение — ведь памятник на кладбище по-прежнему увековечивает, напоминает, чтит. Если мы считаем, что Красная армия не дала нам свободы, то к чему за нее благодарить? Даже на кладбище. Но самой опасной, по моему мнению, является третья идея — отправлять демонтированные фигуры в Россию. Этот вариант рассматривался, в частности, в отношении бюста Черняховского. Я предлагаю подходить к этой концепции с большой осторожностью. Ведь не нужна богатая фантазия, чтобы представить себе созданный под Москвой «парк оскверненных памятников», служащий блестящим доказательством «польской неблагодарности».

Предостережение от тоталитаризма

Итак, повторю вопрос: что делать с демонтированными монументами? Мы не можем оставить решение этой проблемы местному самоуправлению и даже Совету по охране памяти борьбы и мученичества. Польша как государство нуждается в скоординированных действиях. Это элемент столь модной теперь исторической политики, но в то же время — потенциальный инструмент исторического образования. Нам нужно место, в котором демонтированные фигуры, мемориальные доски и бюсты можно будет хранить, экспонировать и должным образом описывать. Экспонировать, однако, не как памятники, а как музейные экспонаты. Нам нужна галерея, которая будет напоминать о пропаганде, дольше всего просуществовавшей в польском публичном пространстве. Которая будет предостерегать от тоталитаризма. Которая будет опровергать ложь тех, кто борцов против искажения истории превращает в варваров, оставляющих за

собой разрушения и руины.

Есть место, которое для этого отлично подходит. Это находящийся на стыке Подляского и Мазовецкого воеводств бывший лесной военный полигон в Червоном Боре. Уже само название этого места может стать символичным. Упомянутый лес — место многих важных исторических событий. Там сражались январские повстанцы^[4], оказывали сопротивление немцам польские подразделения в сентябре 1939 года и солдаты Армии Крайовой в ходе операции «Буря»^[5] в 1944 году. В межвоенное десятилетие там совершенствовали свое мастерство части Войска Польского, а после 1945 года лес давал укрытие многочисленным «проклятым солдатам»^[6].

У Червоного Бора есть и другая история. Это — частичка польских земель, включенных в 1939 году в состав СССР. С расположенной там железнодорожной станции уходили эшелоны с поляками, вывозимыми на Восток. С этого перрона их близкие отправляли ссылкой посылки и письма — в надежде, что это поможет ссылкой выжить.

Во времена ПНР в лесу размещались, в частности, войсковые части МВД специального назначения. Эти подразделения продолжали традицию Корпуса внутренней безопасности, который боролся против польского подполья, выступавшего за независимость страны. На территории части был, по слухам, организован один из командных пунктов на случай вооруженного конфликта.

Осенью 1982 года в Червоном Боре был создан Специальный военный лагерь №6. Формально он предназначался для резервистов, призванных на переподготовку. В действительности это был своего рода лагерь для интернированных деятелей объявленной вне закона «Солидарности». Условия содержания здесь были значительно более суровыми, чем в официальных центрах интернирования. Резервистов держали на морозе, принуждали к многочасовым тренировкам, издевались и запугивали. Не случайно Червоный Бор называют польским ГУЛАГом.

Парк коммунистической пропаганды

Сегодня на территории бывшей воинской части находится тюрьма и центр приема беженцев. Однако места в лесу хватает, а расположенная в 10 км трасса S8 вскоре позволит быстро добраться до центра Польши. Все это склоняет к тому, чтобы уже сегодня подумать о будущем комплекса.

Может быть, именно такое символичное место должно стать парком бывших памятников. Своеобразным местом памяти о временах, к которым мы не хотим возвращаться. Местом, где каждый мог бы собственными глазами увидеть, что

представляла собой коммунистическая пропаганда. Местом, которое примет на себя обязанность рассказывать о прошлом, отлитом в бронзе. Именно туда должны попасть ликвидируемые коммунистические памятники. В процессе разработки стратегии исторической политики на ближайшие годы стоит рассмотреть эту идею.

Автор — директор Бюро общественного образования Института национальной памяти, доцент кафедры экономической и социальной истории Высшей коммерческой школы в Варшаве.

-
1. Шутливое название памятника Советско-польскому братству по оружию — Здесь и далее примеч. переводчика.
  2. От УБ (Управления безопасности) — названия службы госбезопасности ПНР.
  3. Ноябрьское восстание 1830—1831 годов — национально-освободительное восстание против власти Российской империи на территории Царства Польского.
  4. Январское восстание 1863 года — шляхетское восстание, целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года.
  5. Операция «Буря» — военная операция, организованная подразделениями Армии Крайовой против немцев перед приближением Красной армии.
  6. Проклятые солдаты — общее название участников различных антикоммунистических подпольных организаций, сформированных в Польше в конце Второй мировой войны и после её окончания.

Кшиштоф Кучковский

Стихотворения

Перевод Андрея Базилевского

Мы, как дети, даем увести себя небытию

Дело в там. В там.
В «там», где мы должны
встретиться.
Я не знаю,
где это — «там»
и есть ли оно вообще.
Может, там нет ничего?
Не знаю.
Мы полагаемся на
«не знаю».
Как дети, даём
увести себя небытию.
Встречаем там
других детей.
Смотрим, как они там
играют,
танцуют,
как в «не знаю»
пугают друг друга,
как рождаются
и уходят
в иное
«не знаю».
Сопот, 2006

Божья коровка

Божья коровка взбирается на стеклянную
гору вечером нахожу ее на ладони
согретой светом ночника.
Не так должно быть в феврале.
На автобусной остановке алкаши
пьют водку пёс привязанный к водостоку
зря ждёт хозяина.
Не так должно быть в феврале.

На той стороне улицы голая женщина
прижалась к окну сосками
большими коричневыми как римские монеты.
Не так должно быть в феврале.
Среди ночи будит меня чей-то
сердитый голос: откуда ты знаешь как должно
быть в феврале? — до рассвета лежу неподвижно.
Не так должно быть в феврале.

Ангел Рильке

Страшен ангел,
введённый во искушение
человеком.
Грозен ангел
отверженный, не допущенный
в покои сердца,
остановленный в прихожей
ангел — свеча из свинца,
от огня его больно.
Горек ангел,
исходящий из разума,
слово его — полынь,
плоть его — водяное растение.
Страшен человек, который
не любит и не чувствует любви.

Ангел Кафки

Прав ангел,
допустивший страданье
другого — вместо того, кто виновен.
Праведен ангел,
не отвечающий на вопрос:
почему именно я?
Его молчанье — как дым,
как анемон, его слов
не удержит память,
после них остаётся тень запаха,
отзвук, белое нечто,
мерцающее исчезновение.
А что должен ответить ангел?
Только ему известны три опоры суда:
вина, виновный и тот, кто вместо.

Можно ли выразить
безмерность добра, да и кто нынче примет на веру
столь наивную историю?

Ангел Беккета

Странен ангел,
с которого сорвано ангельское обличье.
Говорит он немного,
в основном произносит отдельные слоги.
Гармонию мира
пытается поддержать за счёт
деепричастных оборотов.
Путает время ангелов
и время людей.
Носит в себе пустоту,
которая не вмещается в небе.
По мере того как ангел забывает
о сияющем прошлом,
он начинает напоминать
человека.
Скоро забудет,
что значит — быть ангелом.

Смерть большой обезьяны

Листья яблони кружатся, как маленькие
карусели, листья ореха отвесно падают вниз.
Их всё больше и больше. Грачи,
сшитые из блестящей подкладочной ткани,
инспектируют сад. Они никого не любят,
никого не уважают, их карканье — пять
оттенков разрыва гранаты. Мир полон
невротиков. Закрытых от сада.
Закрытых от Бога. Вот в чем
проблема. Ведь они никого не любят,
никого не уважают, отвесно падают вниз.
Их все больше и больше. Листья
яблони щекочут тело, а листья ореха
лижут его темную подкладку.
Вот поцелуй октября, вот ноябрьский
голод. А холод зимы может длиться
вечно. Зима может оказаться слишком
долгой для нашей короткой жизни.

Поэзия внутреннего монолога

Кшиштоф Кучковский дебютировал в 1980 году книгой стихов «Прогноз погоды». Он — соучредитель и редактор выходящего в Сопоте литературного двухмесячника «Топос» (стоит обратить внимание на языковую игру: название журнала, прочитанное от конца к началу, указывает на место издания — Сопот). Еще в 1990-е годы вокруг «Топоса» собралась группа поэтов разных возрастов (порой их даты рождения разнятся лет на двадцать); их сближает сильная приверженность традиции. Год назад их поэзия была представлена в антологии «Созвездие Топоса» (Сопот, 2015), куда вошли стихи Кшиштофа Кучковского, Адриана Гленя, Войцеха Касса, Войцеха Гавловского, Артура Новачевского, Ярослава Якубовского, Пшемислава Даковича и Войцеха Кудыбы. В послесловии к антологии Ярослав Лавский пишет: «Традиция для них — как воздух. Это созвездие поэтов, повиснув на ночном небе, держится за старые фразы, прямо-таки вцепилось в них... облюбовало барочные фигуры и фокусы».

Сказано метко — тем более, что все чаще можно убедиться: пожалуй, именно барокко — самая надежная ассоциативная точка современной польской поэзии. Ведь в ту эпоху, с одной стороны, во всей полноте проявилось богатство поэтического языка, а с другой — лирика, за счет тех самых «фигур и фокусов», то есть интеллектуальных концептов, пересекла горизонт сиюминутности. Экзистенциальный опыт был перенесен в пространство трансценденции, но при этом поэзия не отказалась от чувственности, не замкнулась в сухом абстракционизме общих понятий.

Именно так обстоит дело с творчеством Кучковского. В пуанте его стихотворения «*Narcissus poeticus*» силу экзистенциального выражения символизирует цветок, именуемый нарциссом:

А что есть?

Белый нарцисс, мелкий цветок, на севере
его называют троицына лилия, его запах
есть само бытие, язык же его сам себе
выбирает уста, чтоб молвить ими.

В цикле стихов «Строительство дома» возникает вопрос о смысле всякого созидания. Вот только ответ на него не вполне

ясен, сформулирован «на языках чуждых / человеку» (межстиховой перенос — важное средство динамизации высказывания): «и на самом деле уже никто не знает, / то ли это будет дом для людей, то ли порт для / кораблей, плывущих под неизвестно / каким флагом».

В этих стихах — не свободных от интонации если не открыто катастрофической, то, по крайней мере, меланхолической — неуловима функция языка, на котором изъясняется главный, хоть и не названный прямо, герой. В сущности, он обречен на молчание, на одиночество:

Значит, уже никогда не будет диалога?
Да, никогда не будет диалога.
И на этом конец?

Вопрос не лишен ответа — в специфическом нарративе стихотворения под названием «Монолог» графически выделен записанный курсивом комментарий: да, это конец.

В своей поэзии Кучковский перемещается по тонкой грани, отделяющей речь от молчания (молчание для него — тоже часть речи). Это язык медитативного сосредоточения и размышления, отдающий себе отчет в драматической невозможности передать неповторимый опыт единичного, индивидуального бытия. Язык, который сам в себе ищет себя, чтоб суметь говорить с другими.

Культурная хроника

Как и ожидалось, с окончанием сезона отпусков начались очередные увольнения и назначения, обострились противоречия между ведомством культуры и культурной общественностью. Шумнее всего было во Вроцлаве, где в результате конкурса, который театральная общественность посчитала фиктивным, новым директором театра «Польский» стал Цезарий Моравский — актер, известный по популярному телевизионному сериалу «Л как Любовь». Против такого решения резко протестовал как коллектив театра, так и публика. Художественным руководителем театра перестал быть его прежний шеф Кшиштоф Мешковский, благодаря которому коллектив театра добился успеха в Польше и за рубежом.

Назначение Моравского остро критиковали такие известные режиссеры, как, например, Кристиан Люпа, Ян Клята, Павел Демирский, Михал Задара, а также председатель Союза артистов польского театра Ольгерд Лукашевич. Новый директор объявил о подготовке спектаклей, приуроченных к значимым годовщинам, например, к 100-летию со дня рождения Иоанна Павла II и к 100-летию Варшавской битвы. Итог ситуации во Вроцлаве подвел Мацей Новак, директор «Театра польского» в Познани: «„Польский“ во Вроцлаве уже сегодня тяжело ранен: группа актеров покинула эту сцену. Не будет также продолжена работа над „Процессом“ Кафки в постановке Кристиана Люпы. Мне кандидатура Цезария Моравского кажется неподходящей. У этого человека нет контактов в среде, определяющей облик данного театра. Количество негативных эмоций, возникших в связи с этим назначением, — огромно. С таким багажом ему, безусловно, будет еще труднее доказать, что он действительно сохранит облик театра, созданный Кшиштофом Мешковским». С проникновенным призывом отказаться от назначения обратилась к Цезарию Моравскому известная актриса и педагог Майя Коморовская. Ответа пока нет.

Петр Глинский, министр культуры и национального наследия, в начале сентября освободил от должности Павла Поторочина, директора Института Адама Мицкевича. В сообщении на сайте

министерства можно прочесть: «Решение обусловлено утратой доверия руководства министерства к директору Института и трудностями во взаимодействии между министерством, другими правительственными и неправительственными организациями с прежним директором в условиях новых вызовов и необходимости модифицировать политику продвижения польской культуры за рубежом». Павел Поторочин, 20 лет проработавший на дипломатическом поприще, заявил, что он был уволен с нарушением действующего законодательства, до истечения срока контракта, без предъявлений каких-либо претензий финансового или правового характера. Поторочин заявил также, что намерен обратиться в суд.

Новым директором Института Адама Мицкевича назначен Кшиштоф Олендзкий. 7 сентября ему передал полномочия замминистра культуры Ярослав Селлин, а на сайте министерства появилась информация: «Кандидат исторических наук Кшиштоф Олендзкий (р. 1963) — историк и дипломат. Работал адъюнктom Варшавской школы экономики. Аспирант Института истории Польской Академии наук и Школы исторических наук Сан-Марино. В 2006–2007 гг. в звании заместителя госсекретаря в министерстве культуры и национального наследия отвечал за сотрудничество с Советом по культуре и образованию Евросоюза. С 1998 г. связан с министерством иностранных дел. Занимал должность заместителя директора Польского института в Риме. Автор нескольких десятков научных статей. В 2008–2012 гг. был послом Республики Польша в Тунисе. С 7 сентября 2014 г. исполнял обязанности генерального консула Польши в Ванкувере (Канада). К.и.н. Кшиштоф Олендзкий свободно владеет английским, итальянским, французским и русским языками».

Двенадцатый музыкальный фестиваль «Шопен и его эпоха» закончился досадным инцидентом. 30 августа во время заключительного концерта в варшавской Национальной филармонии, когда замминистра культуры Ванда Звиногородская зачитала письмо министра Петра Глинского, из зала раздались недовольные выкрики. «В Национальную филармонию ворвались сильные политические акценты, которые там никогда не должны присутствовать, что нарушает аполитичный характер филармонического зала и музыкального фестиваля, — написал профессор Петр

Бальцерович, философ-ориенталист и культуролог из Варшавского университета в статье „Почему я возмущался в филармонии”. — Публика не сдержалась, когда министр культуры в зачитываемом послании убеждал, что музыка и искусство — это носители национальных ценностей, а Шопен в своей музыке демонстрировал именно те национальные ценности, которые являются приоритетом у властей. Нет ничего более ошибочного. Шопен творил не политику, а музыку».

LIX Международный фестиваль современной музыки «Варшавская осень» (16–24 сентября) был в этом году особенным: в главной роли выступила современная опера. В рамках фестиваля состоялась, в частности, варшавская премьера оперы Павла Мыкетина «Волшебная гора» в «Новом театре». Были показаны также мини-опера для детей и семейного просмотра «Молчащая рыбка» Ярослава Сивинского, опера Фабиана Панизелло «Недоразумение» по драме Альбера Камю и опера Ольги Нойвирт по либретто нобелевского лауреата Эльфриды Елинек «Шоссе в никуда».

Несколько раз откладывавшаяся премьера фильма «Смоленск» в постановке Антония Краузе состоялась наконец 5 сентября в Большом театре — Национальной опере в Варшаве. Присутствовали президент Анджей Дуда, председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский и вся связанная с Пис правительственная верхушка: премьер-министр Беата Шидло и ее министры (в том числе министр культуры Петр Глинский, министр развития Матеуш Моравецкий, министр обороны Антоний Мацеревич). На премьеру пригласили только некоторых членов семей жертв смоленской катастрофы. Тех, кто не разделяет теорию заговора, не позвали.

Несколькими днями позже фильм Краузе вышел в прокат, но толп возле кинотеатров не наблюдалось. Рецензии преимущественно были разгромными. «Семьи тех, кто погиб в авиакатастрофе в Смоленске, — пишет Томаш Рачек, — должны чувствовать себя глубоко уязвленными степенью художественного несовершенства, которую демонстрирует фильм под названием „Смоленск”. Столь же болезненно должны реагировать и все мы, кому небезразличны судьбы Польши, — на то, как эти судьбы отражаются в кино. Я не в состоянии объяснить, зачем допустили к премьере

произведение столь ущербное и неудачное, к тому же сделанное так непрофессионально».

Тадеуш Соболевский, рецензент „Газеты wyborчей”, усмотрел в фильме Краузе симптом нынешнего времени, образцовый пример пропаганды, направляемой правящей партией: «В мире „Смоленска” рационализм увязывается с предательством, патриотизм — с верой. Мацей Лясек, председатель Государственной комиссии по расследованию авиакатастроф, перечисляя один за другим все факты не соответствующие действительности в фильме Краузе, напоминает выводы комиссии: снижение при посадке в тумане ниже 100 метров и невозможность выхода из маневра из-за отсутствия соответствующей системы, о чем пилоты не знали. В фильме весь этот комплекс причин под лозунгом „ошибка экипажа” выступает в роли изменнического сговора. Так что приходится вступить за честь, „защитить наших офицеров”. Выискивание ошибок с их стороны, а в особенности давления со стороны руководства, оскорбляет национальное достоинство».

Как сообщает дистрибьютор, в премьерный уикенд «Смоленск» посмотрело 108 тыс. зрителей. Это для польских фильмов далеко не рекорд. Однако показатели могут вырасти — благодаря поддержке церковных приходов и ведомства образования. По мнению министра образования Анны Залевской, «Смоленск», хотя это все-таки художественный фильм, можно рассматривать как ленту «образовательную, биографическую, документальную». На вопрос Польского агентства печати г-жа министр заявила, что учащиеся должны посмотреть картину Краузе.

Журнал «Театр» присудил свои ежегодные премии. Лауреатом премии им. Конрада Свинарского для лучшего режиссера в сезоне 2015/2016 стал Эймунтас Някрошюс за постановку «Дзядов» Адама Мицкевича в варшавском театре «Народовый». Премию им. Александра Зельверовича за лучшую женскую роль получила Дорота Коляк (Марта в спектакле «Кто боится Вирджинии Вульф?» по пьесе Эдварда Олби в постановке Гжегожа Висневского, в театре «Выбжеже», Гданьск), а премия за лучшую мужскую роль присуждена Мирославу Баке (роль Джорджа в том же спектакле). Специальной премией отмечен Ян Энглерт, художественный руководитель театра «Народовый» за ту исключительную атмосферу, в которой прошло празднование 250-летия национального театра в Польше. В связи с 70-летием журнала

редакция «Театра» отметила премией также Кристиана Люпу, «самого крупного современного театрального режиссера, за выдающиеся достижения в области режиссерского мастерства, вклад в развитие польского сценического искусства и мировой театральной мысли, прославление польского театра за границей, а также за воспитание целого поколения талантливых последователей».

Кшиштоф Ясинский, создатель театра СТУ, получил театральную премию им. Станислава Выспянского. Жюри отметило его за триптих «Путешествие», созданный на основе драм Станислава Выспянского «Свадьба», «Освобождение» и «Акрополь». Премия Выспянского учредил городской совет Кракова в 2012 году.

В литературной жизни также начался сезон премий и ожиданий премий.

Присуждены литературные премии «Гдыня». Лауреатами стали: в категории «эссеистика» — Михал Ксёнжек за эссе «Дорога 816», в категории «поэзия» — Барбара Клицкая за сборник «Nice», в категории «проза» — Мацей Плаза за цикл повестей «Скорунь», в категории «перевод на польский язык» — Анна Василевская за новый перевод «Рукописи, найденной в Сарагосе» Яна Потоцкого. Лауреаты получили по 50 тыс. злотых. В капитуле премии председательствовала проф. Агата Белик-Робсон.

Прозаик и переводчик Мацей Плаза, уже став лауреатом «Гдыни», получил также премию имени Костельских 2016 года за книгу «Скорунь». Это семь повествований «о земле, реке и работе, о тоске по неведомому, о радостном и робком прощании с детством и об озарениях, которые приносит инициация», — читаем в анонсе издательства W.A.B.

Веслав Мысливский стал в нынешнем году лауреатом литературной премии им. Францишека Карпинского, присуждаемой уже на протяжении 22 лет окружным отделом Католического объединения «Civitas Christiana» в Белостоке. Мысливского, автора, в частности, таких романов, как «Камень на камне» и «Трактат о лущении фасоли», отметили премией

за «создание прозы, открывающей метафизическое измерение существования человека». Поэт XVIII века Францишек Карпинский, автор пасторалей («Лаура и Филон»), создатель известных религиозных гимнов и одной из самых знаменитых и красивых польских колядок «Бог рождается», был связан с Белостокским краем.

В первый раз присуждалась литературная премия им. Витольда Гомбровича за литературный дебют. Лауреатами стали Вероника Мурек, автор рассказов «Выращивание южных растений по методу Мичурина», и Мацей Хен, автор романа «Сольфатары». Имена лауреатов были названы в Радоме 4 сентября; их избрали среди пяти номинантов. Председатель жюри, профессор Ежи Яжембский, обосновывая решение, сказал, что книги-победители составляют «полярную, противоположную пару». «Мы избрали их, отчасти чтобы воздать должное патрону премии, который в литературе ценил различные формы эксцесса, выхода за пределы того, что повсеместно делается в данном художественном пространстве». Премия вручалась под почетным патронатом вдовы писателя Риты Гомбрович.

В середине сентября мы узнали финалистов литературной премии «Нике» 2016 года. Жюри под председательством Томаша Фиалковского включило в финальную семерку две книги-репортажа, две поэтических и две прозаических книги и одну книгу эссеистики. Шансы получить статуэтку «Нике» и 100 тыс. злотых имеют: Магдалена Гжебалковская («1945. Война и мир»), Земовит Щерек («Татуировка с трезубцем»), Петр Матывецкий («Куда бы навсегда»), Вероника Мурек («Выращивание южных растений по методу Мичурина»), Мацей Плаза («Скорунь»), Бронка Новицкая («Накормить камень») и Рената Лис («Во льдах Прованса. Бунин в эмиграции»).

Свою финальную семерку назвало также жюри литературной премии Центральной Европы «Ангелус». В нее вошли Мацей Хен («Сольфатары»), Анна Янко («Малое уничтожение»), Владимир Некляев («Автомат с газировкой с сиропом и без», перевод с белорусского Якуба Берната), Кристина Сабаляускайте («Silva rerum», перевод с литовского Изабеллы Корбут-Дашкевич), Альвидас Шляпикас («Меня зовут Марите», перевод

с литовского Паулины Цюцки), Кристиан Теодореску («Меджидие, город у рубежа», перевод с румынского Радославы Яновской-Ласцар), Варужан Восканян («Книга шепотов», перевод с румынского Иоанны Корнась-Варвас). 15 октября лауреаты получают чек на сумму 150 тысяч злотых.

3 сентября во многих местах по всей Польше и за рубежом прошло Национальное чтение «Quo vadis» Генрика Сенкевича. В Саксонском парке Варшавы отрывки из романа прочитала президентская чета, выступили также известные польские актеры. Национальное чтение в первый раз проводилось четыре года назад. Тогда читали «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича, в последующие годы — произведения Александра Фредро, Генрика Сенкевича и Болеслава Пруса. Книгу следующего года вновь выберут читатели всеобщим голосованием.

В Горлице во второй раз проводился литературный фестиваль им. Зигмунта Хаупта, одного из наиболее интересных и при этом наименее оцененных польских авторов XX века. Несмотря на отсутствие дополнительного финансирования со стороны министерства культуры, мероприятие удалось: гости соглашались выступить в Горлице за минимальный гонорар и даже бесплатно. Художественный руководитель фестиваля — Анджей Стасюк.

Прощания

19 августа в возрасте 62 лет скончался Кшиштоф Птак, один из самых выдающихся польских кинооператоров. Он участвовал в создании более ста художественных и документальных фильмов. Среди них, в частности, «300 миль до неба», «Девочка Никто», «История кино в Попелявах», «Вайзер», «Эди», «Порнография», «Мой Никифор», «Жасмин», «Дом зла», «Папуша».

25 августа в возрасте 77 лет в Варшаве скончался Ежи Гужанский — поэт, прозаик, автор радиопередач, фельетонист. Гужанский дебютировал как поэт в 1960 году на страницах журнала «Вспулчесność». Был членом поэтической группы «Гибриды». Первый сборник стихов, «Эксперименты

с пространством», издал в 1963 году. Работал также редактором журналов «Новый выраз» и «Литература». Был сотрудником редакции развлекательных программ и сатиры Польского радио. Последней изданной им книгой стал поэтический сборник «Конь Рембо потерял подкову» 2016 года.

29 августа в Женеве умер Бронислав Бачко, выдающийся философ и историк общественной мысли. В молодости ярый коммунист, офицер-политработник Народного Войска Польского. «Он был убежденным марксистом, в определенный период даже со сталинским уклоном. Перестал заниматься Марксом, когда занялся Жан-Жаком Руссо», — вспоминал его ученик, профессор Мартин Круль. В марте 1968 года на волне антисемитских гонений Бачко вынудили покинуть Польшу. «Он был выдающимся знатоком Просвещения и Французской революции, создателем легендарного в 60-е годы философского семинара, одного из анклавов интеллектуальной свободы в Варшавском университете, открытым врагом коммунистического режима в марте 1968-го», — написал об умершем философе Марек Бейлин. Брониславу Бачко было 92 года.

16 сентября в Барселоне в возрасте 59 лет умер Вальдемар Дзикий, кинорежиссер и сценарист, создатель таких картин, как «Первый миллион», «Иноземный банк», «Чужой ребенок». Работал также для телеканала «Польсат». С 2007 года был генеральным директором украинского телеканала ТРК «Украина».

Родился новый театр

Репортаж «Родился новый театр» был написан в Москве в конце 60-х годов прошлого века для еженедельника «Политика» и впоследствии вошел в сборник «К востоку от Арбата» (1972), который в Польше был переиздан в 2014 году с предисловием Мариуша Щигела. Автор предисловия, в частности, пишет: «Эта книга напоминает, что Ханна Кралль промышляла контрабандой. И что контрабанду она доставляла из Советского Союза! Ибо ее репортажи иначе как контрабандой, не назовешь. <...> В то время репортеру, писавшему об СССР, грозила опасность двоякого рода. Рассказывая правду, он мог навлечь на себя гнев властей, а текст все равно не был бы напечатан. Пишущего же неправду подняли бы на смех, а то и перестали читать или даже «удостоили звания» прислужника Москвы. <...> «К востоку от Арбата» сегодня интересна не как книга о Советском Союзе — это книга о том, как о Советском Союзе писать. Появлявшаяся в более поздние годы литература об истинной природе советской империи уже не была скована цензурой. «Арбат» же (так часто сокращают название) написан особым, новым для своего времени способом. Этот способ позволял цензору (зачастую умному и понимающему, что на самом деле хотел сказать автор) пропускать текст в печать, читателю — чувствовать, что его не обманывают, а автору — обходиться без навязываемых стандартов».

В помещении «Современника» несколько дней выступал театр-студия «Жаворонок». Показывали «Жаворонка» Ануя, первый спектакль новорожденного театра. Зрительный зал переполнен, перед театром каждый вечер собирается толпа, на перроне станции метро «Маяковская» у выходящих из вагона спрашивают «лишний билетик».

«Современник» возник как протест против мхатовского художественного метода. Будущие его актеры окончили школу-студию МХАТа и были приняты в труппу театра, работа в котором обещала прочное положение в профессиональной среде, социальный статус и славу. Однако молодые артисты

отказались от этих огромных возможностей, покинули МХАТ и создали собственный театр.

«Таганка» зародилась в лоне театра имени Вахтангова. Юрий Любимов, ее нынешний главный режиссер, был актером Вахтанговского театра и преподавателем Щукинского училища. Со своими учениками он поставил Брехта, а потом, вместе с труппой, Брехтом и собственной художественной программой, переместился на Таганскую площадь.

«Жаворонок» — очередной протест против метода, который в кукольном театре олицетворен Сергеем Образцовым.

Борис Аблынин^[1], главный режиссер «Жаворонка», семь лет работал режиссером в театре Образцова. Потом он организовал театр, который отрицает все то, чему за эти семь лет его научил мастер.

Сергей Образцов — классик. Он показал возможности кукол и довел их способности до совершенства. Его кукла улыбается и шевелит губами, опускает веки и хлопает ресницами, вообще всё делает как человек или даже лучше. Со своими чудесными куклами Образцов показывает детям сказки, а взрослых забавляет. Не смешных пьес он не ставит, считая их неподходящими для кукольного театра.

Образцов с тех пор, как достиг вершин, не изменился. Он по-прежнему великолепен. Однако изменились зрители. «Сейчас, — говорит Аблынин, — в театр ходят не за тем, чтобы показаться в обществе. И не на актера, как когда-то ходили на Массальского. Ходят на драматурга или просто «на театр». То есть — на мысль. Я говорил Образцову, что техническим совершенством куклы уже никого не удивишь, не важно, как потрясающе эта кукла говорит, — важно то, что она хочет сказать. Образцов соглашался, а когда я предлагал интеллектуальную пьесу, возражал: ну как, это же совсем не смешно!».

Борис Аблынин ушел в посредственный кукольный театр, организовал студию и вышколил для себя актеров. Потом поставил «Жаворонка».

«Жаворонок» — пьеса о Жанне Д'Арк. История Жанны Д'Арк, как известно, — история человека, павшего жертвой

облыжных обвинений и посмертно реабилитированного. А также история человека, который, наперекор всему, защищал свои убеждения, говорил «нет» и остался собой. На сцене шла дискуссия между оппортунистом — председателем трибунала — и бескомпромиссной Жанной. Председатель уговаривал ее хоть в чем-нибудь пойти на компромисс, Жанна оставалась верна своим принципам до конца.

Собственно говоря, сегодня весь советский театр, независимо от костюмов и сюжета, ведет речь о том же. О проблеме выбора между верностью себе и разумным компромиссом.

(Естественно, компромиссом ради спасения ценностей.) На сценических подмостках герой всегда предпочитает верность себе. Жанна в театре «Жаворонок» выбирает костер, Мольер в пьесе Булгакова, несмотря на нападки клерикалов, не отказывается от «Тартюфа». Галилей в Театре на Таганке, правда, сломался, но на склоне лет признается, что совершил трагическую ошибку...

Актеры «Жаворонка» современные, умны, умелы. Только Жанна немного толстовата, и руки у нее некрасивые. Нина Шмелькова, звезда театра «Жаворонок», — всего лишь три года как актриса. Предыдущие семь лет она была швеей на фабрике «Красный воин», работала на конвейере, приходила к шести утра и восемь часов вшивала в штаны левый карман. До сих пор Нина просыпается в шесть от ужаса, что опоздала на смену. Потом успокаивается. Вечером произносит блестящие реплики Жана Ануя, а критики подчеркивают, что делает она это тонко, осмысленно и с глубоким чувством.

После премьеры «Жаворонка» состоялась публичная дискуссия с участием актеров и зрителей. Еще в том самом посредственном кукольном театрике. До Ануя там ставили только сказки или что-нибудь смешное для взрослых, поэтому для старых актеров театра как пьеса Ануя, так и постановка Аблынина стали потрясением, и ни понять, ни принять увиденное они не могли.

Вот фрагменты дискуссии; говорили актеры и зрители.

Доктор философии: Пьеса затрагивает самую актуальную, самую важную проблему... Сейчас человек разучился говорить НЕТ! А если мы перестанем употреблять это слово, не будет никакого движения, не будет прогресса.

Преподаватель общественных наук: Кому говорить «нет»? Каким идеям? Если инквизиции, тогда пожалуйста... Но необходимо уточнять. Ведь я не скажу «нет» народу, коллективу, идеям, которые несет народ; не скажу «нет» идеям коммунизма... Тут говорят о гуманизме этой пьесы — я с таким гуманизмом, с гуманизмом одинокой личности, не согласен. Мы это называем буржуазным индивидуализмом.

Театральный критик: Тогда не нужно смотреть ни фильмов, ни спектаклей, созданных с позиций буржуазного гуманизма, нужно перестать читать такие книги... Ко всему повернуться спиной, оттолкнуть от себя всех и заявить, что мы лучше всех всё знаем... (Бурные продолжительные аплодисменты.)

Преподаватель общественных наук: У меня, товарищ, к вам вопрос: вы признаете коммунистическое воспитание посредством театра или не признаете? А то я из вашего выступления понял, что в театре мы можем делать все, что заблагорассудится.

Театральный критик: Вопрос вы задали именно в том духе, против которого я выступаю. Признаю ли я коммунистическое воспитание? Оно должно существовать на основе общегуманистического воспитания. Как говорил Ленин: не существует пролетарской культуры без всего культурного наследия. Следовательно, и этот спектакль — элемент коммунистического воспитания. (Аплодисменты.)

Товарищ М.: Я вышла после представления — и что я из него поняла?.. Мне все время говорят: это идеология. Причем не кто-нибудь, а положительная героиня говорит: бог, бог, бог... Что это — отрицание влияния окружающей среды?

Доктор философии: Человек — не только часть коллектива, но и самостоятельная единица. Нельзя следовать за коллективом, если весь коллектив поступает неправильно. Сначала вы должны разобраться наедине с самим собой. (Аплодисменты.)

Драматург: На наших глазах постепенно умирает театр, который мы когда-то очень любили, — театр Образцова. Он превращается в театр типа МХАТа с прекрасными актерами и спектаклями, в которых не пульсирует живая мысль. В связи с чем хочу сказать об этом спектакле в этом театре... Это не просто очередная постановка, а рождение нового кукольного театра.

Товарищ Л.: Ну кто из сидящих в зале будет защищать литературно-философское течение экзистенциализм? Никто!

А почему?

Доктор философии: Я буду защищать!

Товарищ С. товарищу Л.: Во-первых, я бы вас попросила не говорить с людьми таким тоном. Здесь сидят артисты театра, приглашенные гости, люди уважаемые...

Товарищ Л.: У нас семь месяцев назад выступал товарищ, который со всей ответственностью предупреждал: понимаете ли, тут такое дело, у Ануя в «Жаворонке» очень много понятий, связанных с экзистенциализмом...

Голос из зала: Вся литература этим пропитана, вся мировая литература.

Товарищ Л.: Вот именно, не зря нас предостерегали! (Смех.) И последнее. О статуе. (В финале те же, что сожгли Жанну, вносят на сцену ее памятник — огромную гипсовую бабу с большущим бюстом, стыдливо прикрывающуюся щитом. Абынин говорит, что вдохновила его статуя девушки с веслом, созданная в тридцатые годы. Тогда еще не принято было ваять обнаженные фигуры, поэтому девушку нарядили в купальник, а раз есть купальник, требуется весло. Так возникла монументальная лихая спортсменка с веслом, которая по сей день пугает народ в московских парках.) Не оскорбятся ли французы, увидев такое на сцене? Об этом следовало бы серьезно задуматься.

Товарищ К.: Прошу товарищей артистов меня извинить, но я ничего не вынес из того, что они хотели сказать. На данном этапе я все время старался слушать, даже голова разболелась, и не мог понять...

Театровед: Аргумент, что человек чего-то не понял, у нас был весомым много лет назад. Если в ту пору люди чего-то не понимали, это плохо говорило о произведении. Людям этим никто не решался сказать: если вы не поняли, то либо недостаточно развиты интеллектуально, либо у вас что-то не в порядке с психикой... Сегодня заявление «я не понимаю» — не аргумент. И если зритель говорит «не понимаю», это его беда, а не театра.

P.S.

В Союзе композиторов мы прослушали новую советскую оперу «Пассажирка» Мечислава Вайнберга; в основе либретто этой оперы — повесть Зофьи Посмыш^[2].

Как легко это написалось: «прослушали новую оперу...» Именно так пишут в журналистских информационных сообщениях. Впрочем, к этой фразе сводится все, что произошло в маленьком зале Союза композиторов на улице Неждановой.

В небольшом помещении собралось несколько композиторов (Шостакович, Кабалевский), а невысокий сторбленный взволнованный автор оперы сидел за роялем и пел.

Он пел то визгливым сопрано, то басом, хрипя и задыхаясь. Пел голосом надзирательницы Лизы и тенором ее мужа Вальтера, порядочного немецкого дипломата, на роскошном океанском пароходе («Ты уже все мне сказала?» — поет Вальтер. «Да», — поет Лиза. «Нет. Нет! Нет!» — кричит хор хриплым голосом Вайнберга.) Вот композитор поет партию польской узницы Марты, а через минуту — голосами девушек из лагерного барака. Играет и поет оперу об Освенциме.

В беспокойном, нервном аккомпанементе — голоса эсэсовцев и страх смерти, и газовые камеры... Конечно, это очень сложная и очень новаторская музыка, но, видимо, ее вовсе не обязательно понимать, потому что, когда она смолкла, мы смотрели на клочок неба и серую стену за окном дома Союза композиторов с глубоким облегчением. Смотрели и радовались, что можем видеть это небо и эту стену, и что не о нас поет композитор за роялем.

Перевод Ксении Старосельской

-
1. Борис Исаакович Аблынин (1929–1988) — режиссер кукольного театра и анимационного кино, один из первых советских режиссеров, синтезировавших кукольный театр и сценическую игру живых актеров, создатель театра-студии «Жаворонок» (открыт в 1968 г.), задуманного им как «Театр маски»; в 1972 г. «Жаворонок» был закрыт — *Прим. пер.*
  2. Мечислав (Моисей Самуилович) Вайнберг (1919–1996) — польский, советский и российский композитор, автор 22 симфоний, 7 опер, 8 концертов, многочисленных камерных произведений, музыки к фильмам и спектаклям. С 1939 г. жил в СССР (в Минске, Ташкенте, Москве), в феврале 1953 г. был арестован, освобожден после смерти Сталина. Опера «Пассажирка», в основе которой лежит одноименная повесть польской писательницы Зофьи Посмыш (р. 1923), в конце 60-х была принята к постановке в Большом театре, но

после нескольких репетиций исключена из репертуара с формулировкой «за абстрактный гуманизм»; в концертной версии впервые была представлена в Москве в 2006 г.; сценическая премьера в Польше — 2010 г. (Варшава), в США — 2014 г. (Нью-Йорк); первая сценическая постановка в России готовится в Екатеринбурге (премьера намечена на сентябрь 2016 г.).

Самый человечный из наших писателей

Слово о жизни и творчестве Чеслава Страшевича

Фото: East News

I. «В маленькой стране свободного мира»

В свой первый рейс теплоход «Хробрый» отправился из Гдыни 29 июля 1939 г. Пункт назначения: Южная Америка. Кто мог тогда предположить, что этот новенький, построенный на солидной датской верфи трансатлантический лайнер не вернется из круиза? Война застала корабль в море, на обратном пути из Буэнос-Айреса. Рейс был прерван 2 сентября в Бразилии — пассажиров высадили на сушу и капитан повел судно в южную Англию, берегов которой «Хробрый» достиг в конце октября. Функции его изменились: пассажирский теплоход переоборудовали в военное транспортное судно. В апреле 1940 г. «Хробрый» должен был доставить британских солдат в Норвегию. Там в середине мая он подвергся немецкой бомбардировке. Погибло множество солдат и часть команды, остальных спасли конвоировавшие корабль британские суда.

Несколько часов пылающий «Хробрый» мужественно держался на плаву, затем, добитый британской торпедой, затонул. Его остов обнаружили спустя шестьдесят лет на глубине ста пятидесяти с лишним метров близ Нарвика, в районе Норвегии, который носит название Вест-фьорд.

В порту Гдыни наблюдательный турист заметит вмурованную в тротуар памятную доску со словами: «Отсюда 29 июля 1939 года Витольд Гомбрович отправился в Аргентину. В Польшу он больше не вернулся». Сегодня уже мало кто помнит, что среди более тысячи пассажиров на борту лайнера «Хробрый» находился также другой выдающийся польский прозаик, ровесник Гомбровича, обладавший более богатым на тот момент творческим багажом — Чеслав Страшевич.

«Голову на отсечение не дам, но, кажется, Гомбрович впервые в жизни увидел море. Увидел море и “Хроброе”, на котором нам предстояло плыть. Он сказал мне: “Пан Чеслав, поглядите на море и поглядите на этот корабль — замечаете диспропорцию? Диспропорцию катастрофическую и неприемлемую”», — вспоминал Страшевич в одной из программ радио «Свободная Европа». Места на трансатлантическом лайнере обеспечил обоим литераторам Ежи Гедройц — после войны редактор издававшегося под Парижем польского эмигрантского журнала «Культура», а в то время влиятельный сотрудник Министерства промышленности и торговли. В тридцатые годы Страшевич руководил отделом культуры выходившего дважды в месяц под редакцией Гедройца общественно-политического журнала «Бунт молодых». На борт корабля «Хробрый» он ступил, будучи уже признанным автором двух сборников рассказов и двух романов (один из них, «Жалость», посвящен гражданской войне в Испании, из-за чего писатель вскоре оказался в черном списке гестапо). Кроме того, Страшевич тесно сотрудничал с выходившим в 1935-1939 гг. еженедельником «Просто з мосту», где публиковал статьи и рассказы. В нем печатались также Ежи Анджеевский и Константы Ильдефонс Галчинский, однако нараставшая фашизация издания вскоре заставила многих авторов прекратить сотрудничество. Галчинского и Страшевича связывала близкая дружба. Поэт мог позвонить из кабака на рассвете, после ночной пьянки, потому что ему не хватало денег заплатить по счету. «Даже война не была так утомительна, как Галчинский», — вспоминал потом Страшевич в одной из радиопередач. За каждые одолженные двадцать злотых поэт дарил ему стихотворение, всякий раз добавляя со значением: «Когда-нибудь будешь иметь с этого проценты». Со временем в портфеле Страшевича скопилась

богатая коллекция рукописей Галчинского с автографами — к сожалению, ни одной из них не суждено было пережить войну.

Но пока что война еще не началась, и Страшевич, предвкушая очередное экзотическое путешествие, входит в каюту номер 17, которую делит с Гомбровичем. Он уже успел повидать большую часть Европы, побывал в Испании, Италии, а также в Турции, Марокко и даже отдаленных районах Азии, однако за Атлантический океан отправляется впервые.

21 августа 1939 г. «Хробрый» прибыл в порт Буэнос-Айрес, так что война застала обоих писателей в Аргентине. Эти обстоятельства породили первую эмигрантскую книгу Гомбровича, «Транс-Атлантик» (1953), своим заглавием обязанную польскому лайнеру, доставившему писателей за океан. Страшевич в романе выведен наивным патриотом, который советует Гомбровичу вернуться в Европу или, по крайней мере, немедленно отправиться в польское посольство, дабы его не объявили дезертиром. Гомбрович, который понимал свой долг перед родиной иначе, действительно обратился в посольство, однако участие в вооруженной борьбе в его планы не входило.

Как уже говорилось, литературный багаж Страшевича к началу войны был достаточно внушителен. Он включал не только богатое беллетристическое наследие, но и публицистику, и литературную критику. Не стоит безоговорочно верить написанному на первой странице «Транс-Атлантика»: «Со мною каюту делил мой приятель, Чеслав Страшевич, ибо оба мы, как, прости Господи, литераторы, едва оперившиеся, были приглашены в это первое плаванье нового судна»^[1].

Небольшую, но очевидную разницу между писателями отметила местная газета, в которой появилась информация о прибытии в Буэнос-Айрес корабля под польским флагом: «Чеслав Страшевич следует с официальным визитом в Бразилию, однако хочет воспользоваться возможностью и познакомиться с нашей страной; он намерен провести здесь столько времени, сколько удастся, однако слишком надолго, вероятно, задержаться не сможет. (...) автор многочисленных романов, в частности “Громы с ясного неба”, “Жалость” и “Проклятая Венеция”, а также романов на народные темы, Страшевич является выдающимся представителем варшавского ПЕН-клуба. Витол [sic!] Гомбрович — современный юморист, обладающий широким культурным кругозором. Его недавняя книжечка, озаглавленная “Фердидурке”, имела громкий успех»^[2].

Когда война стала реальностью, и было уже понятно, что «Храбрый» не вернется в Польшу, а направится к берегам Англии, Гомбрович принял решение остаться. Его *porte-parole* в «Транс-Атлантике», глядя на уплывающий корабль, восклицает: «Так плывите ж вы, сородичи, плывите к Народу своему! Плывите ж к народу вашему святому, видать, Проклятому! Плывите ж к Твари этой св. Темной, что вечно издыхает, а сдохнуть все никак не может!»^[3]. Одним из «сородичей», которые бросились на помощь «святому, видать, проклятому», и был Чеслав Страшевич.

Вскоре недавний спутник Гомбровича попадает во французский военный лагерь Коэткидан, где генерал Сикорский организует польскую армию. В числе многих художников и деятелей культуры здесь находится также Тымон Терлецкий, которого назначают «просветителем». Терлецкий, с ноября 1939 г. выпускавший в лагере журнал «Сражающаяся Польша», первый орган Польских вооруженных сил на Западе, горячо уговаривал Страшевича писать. Однако шок, вызванный войной, парализовал его. «Во время войны, когда обстоятельства вынудили меня молчать, я ужасно страдал и даже читать не хотел тех, кто мог писать, тогда как я — не мог»^[4]. Желая приносить пользу, писатель стал солдатом (впрочем, не впервые: в 1920 г. Страшевич добровольцем защищал Варшаву от большевиков).

После французской кампании Страшевич оказывается в Англии, где, не в последнюю очередь благодаря тому, что прекрасно разбирается в мотоциклах, получает назначение в только что сформированную танковую бригаду. Однако во время учений попадает в аварию — сзади в мотоцикл врезался танк, раздробив писателю ногу. Призвание вновь напоминает о себе: потеряв возможность сражаться (год приходится провести в госпиталях) — Страшевич несмело возвращается к литературному творчеству. И опять оказывается, что перо — это оружие, которым он владеет лучше всего.

Из танковой бригады, в которой Страшевич служил в ранге поручика, он командирован на радиостанцию в ведении Министерства внутренних дел. Вместе с небольшой группой соотечественников его перебрасывают под Лондон, где, начиная с весны 1943 г., писатель участвует в создании Польской радиостанции «Свит», имитировавшей отечественную подпольную радиостанцию. В Англии существовало официальное польское правительство, благодаря чему там могло легально работать «нелегальное» радио. «В этой войне удел одних — стрелять, других — дуть в микрофон, —

говорил Страшевич, — но и те, и другие обязаны делать это с умом». В «Свите» он занимал должность редактора, иногда выполнял функции диктора. Два раза в день выходила в эфир программа, транслировавшаяся на оккупированную Польшу. Создатели радио, находившегося в ведении английской цензуры, были тесно связаны с Армией Крайовой. Донесения из Польши сразу ложились на стол диктора. Законспирированный «Свит» мистифицировал поляков в праведных целях, призванный крепить их мужество и поддерживать движение сопротивления. Радиостанция работала до конца 1944 г. Тем временем в жизни Страшевича произошел очередной трагический поворот. Опыт работы на радио в период Варшавского восстания заставил его снова замолчать и сознательно отказаться от литературного творчества.

Еще долгие годы, в том числе после войны, Страшевич не брался за перо. В одном из немногочисленных послевоенных выступлений он сказал, что все это время его не покидала «твердая уверенность, что после того, что произошло, после того, что мы пережили — следует писать иначе, следует самому себе переломить хребет, занять некий иной наблюдательный пункт»^[5]. В 1945 г., получив назначение культурным атташе польского посольства в Уругвае, Страшевич возвращается в Южную Америку. Его отъезд организует Польское правительство в изгнании, однако по прибытии на место службы оказывается, что Варшава назначила своих людей, и работы для Страшевича нет. Какое-то время он держит в порту киоск, однако спустя несколько месяцев терпит банкротство. Вскоре после этого начинается долгий период работы на фабрике шерсти, принадлежавшей польскому еврею Эдварду Баренбау. В марте 1945 г. Страшевич практически в одиночку организует в Монтевидео Польское радио, на котором сам ведет одну получасовую передачу в неделю.

Со второй половины сороковых годов со Страшевичем пытается установить сотрудничество Ежи Гедройц. Множество писем Редактора с призывами писать и просьбами прислать статью для журнала остается без ответа. Упрямый Гедройц не сдается: «Дорогой пан Чеслав, не обескураженный Вашим упорным молчанием, я вновь и вновь прошу молчание это прервать и прислать что-нибудь для “Культуры”». Репутация крупнейшего польского прозаика среднего поколения обязывает, и я не верю, что Вы ничего не написали после войны, хотя понимаю, что условия, в которых Вам приходится жить, литературному труду не способствуют. Сегодня эмиграция лишь в области культуры может и должна оправдывать свое существование, но как это сделать, если Вы

отказываетесь брать в руки перо?»^[6]. Долгожданный ответ приходит в сентябре 1951 г.: «Как именовать себя сегодня — не знаю, а Вы меня уже, вероятно, не раз обозвали праславянским словом — за это мое настойчивое молчание и нелюбезность — в ответ на такую — такую! — сердечность. (...) я изготовил вещь, не являющуюся ни сартровским романом, ни новеллой, которой Вы ждете (поскольку прозаиков среди эмигрантов недостает), ни чем-либо еще, чем Вы, редактор милостью Божьей и режиссер нашего эмигрантского существования, могли бы гордиться»^[7].

После нескольких лет уговоров Редактор получил текст, в котором Страшевич — вероятно, не без влияния «Транс-Атлантика» — решился затронуть трагические дилеммы, перед которыми ставила литератора война. Героями своего художественного исследования, озаглавленного «Перья в кипятке, или Страх руководит нами», он сделал Чеслава Милоша, Витольда Гомбровича и самого себя. Гомбрович, обрисованный, пожалуй, наиболее резко, высказался об этом тексте без особого энтузиазма: «Я не отрицаю, что у Страшевича имеются писательские способности, — писал он Гедройцу, — однако его умонастроение отдает нафталином. С точки зрения интеллектуальной, эта статья — позор»^[8]. В своем гротескном, стилизованном под радиопередачу эссе Страшевич рассказывал собственную версию обстоятельств возвращения польского лайнера в Европу и решения Гомбровича: «Что ж — пан Чеслав — говорил он мне — что ж — от катаклизма гению пристало бежать! Чего пялишься, что раздумываешь, подхватил чемоданы, как я — и делай ноги, пан Чеслав, за борт, пан Чеслав, потихонечку-полегонечку прыг-скок!»^[9]. Верный принципу «когда говорят пушки, музы молчат», перед лицом трагедии своей страны Страшевич отказался от писательского призвания. «Мать его страха» нашептывала: «Войны бойся и смерти страшись — но больше бойся и больше страшись духа трусости и угрызений совести (...) Мускулы твои сейчас (...) выше ценятся, нежели драгоценный талант твой и мозг. Примкни! Встань в ряды!»^[10]. Гомбровича страх заставил занять иную позицию: «Не растрачивай себя! Береги себя! (...) талант свой укрой соломкой, точно розовый куст на зиму. Ты! Гений твой нужен природе, а отнюдь не мышцы твои несчастные!»^[11].

Гомбрович в целом соглашался с той версией событий, которая была изложена в «Перьях в кипятке», однако отстаивал свою точку зрения, упрекая Страшевича в легкомысленном отношении к литературе и неуважении к собственному

таланту. Отвечая ему на страницах «Культуры», автор «Транс-Атлантика» писал: «Страшевич и ему подобные рассматривают литературу как довесок бытия и его украшение, они склонны терпеть существование литераторов до тех пор, пока (...) не начнется что-то действительно серьезное (...) Только пусть Страшевич не требует от меня, чтобы я служил Отчизне не в соответствии с моим пониманием этого служения, а в соответствии с тем, что он считает правильным. В таком случае я тоже имел бы равное право назвать Страшевича плохим поляком, поскольку, с моей точки зрения, представляемый им эмоциональный патриотизм нанес нам самый страшный вред, роковым образом повлиял на всю нашу политику и, что еще хуже, — на нашу культуру»^[12].

Послевоенный дебют Страшевича был встречен с восторгом. Юзеф Чапский восхищенно писал: «Я прикоснулся к чему-то исключительному в смысле одновременно и неразрывно человеческом и литературном»^[13]. Благодаря вмешательству Гедройца и Чапского, а также доброму отношению хозяина фабрики, где работал Страшевич, писателю предоставили особые условия: первую половину дня он выполнял свои обязанности, вторую мог посвятить творчеству. Кроме того, Страшевич получил полугодовой оплачиваемый отпуск, который позволил ему написать два прекрасных рассказа или микроромана — напечатанных по отдельности в «Культуре», а затем составивших сборник под названием «Туристы из вороньих гнезд». Книга вызвала в эмигрантской среде сенсацию и получила множество положительных рецензий, однако, к сожалению, оказалась единственной, опубликованной Страшевичем после войны. В 1953 г. сборник был удостоен первой премии лондонского Союза польских писателей и журналистов в эмиграции. Эта награда стала для Страшевича не только подтверждением его таланта — она, прежде всего, была откликом на его творчество, откликом желанным и вдохновляющим в условиях мало способствующих писательскому труду: «Поверьте мне, — говорил Страшевич во время церемонии вручения премии, — человека, потерпевшего крушение в маленькой стране на окраине свободного мира, ощущение одиночества и ненужности может заставить пойти на самое дно. (...) в пустынном Уругвае эхо моих первых, неумело слепленных слов, написанных по настоянию дорогих для меня людей, отозвалось в вас так волшебным, так трогательно и так упоительно, что вновь сделали меня, уругвайского гаучо, польским писателем»^[14].

В том же году, незадолго до выхода «Туристов», Страшевич переписывается с Яном Новаком-Езёранским, руководителем польской редакции радио «Свободная Европа». Они вместе планируют радиопостановку по одному из рассказов писателя. В 1954 г. Новак приглашает Страшевича в Европу, причем берет на себя все расходы. После этой удачной поездки, во время которой писатель посещает, в частности, Париж и Лондон, Страшевич возвращается в Монтевидео; но уже вскоре, в середине следующего года, Новак предлагает ему постоянную работу у себя на радиостанции. В 1956 г., приняв наконец решение, Страшевич снова прибывает в Европу — в том самом пальто, в котором уехал в Монтевидео в 1945 году.

В Мюнхене, в штаб-квартире радио «Свободная Европа» писатель проработал семь лет, почти до самой смерти, занимаясь, главным образом, ежедневными передачами и радиофельетонами. Он продолжал писать начатый до приезда в Европу роман — два фрагмента были опубликованы в «Культуре» (в 1955 и 1957 г.), но книга осталась незаконченной. В Мюнхене, впервые после межвоенного двадцатилетия, Страшевич ведет относительно обеспеченную жизнь, может позволить себе машину, на которой много ездит по Европе. В 1961 г. он женится на Эве Роман, своей давней подруге. Увы, вскоре писатель серьезно заболевает. В начале 1962 г. жена принимает решение увезти мужа обратно в Монтевидео, где в сентябре 1963 г., бездетным, Страшевич умирает. Могилу его вскоре ликвидируют.

II. «Я стараюсь говорить о трагическом весело»

Страшевич принадлежал к числу смелых писателей. Не боялся поднимать болезненные вопросы. В своих довоенных произведениях он, используя не-польские декорации, обнажал пороки польской независимости: переноса действие в экзотические страны, охотно вводя персонажей других национальностей, зачастую чудаковатых, «психопатических», анализировал проблемы собственной страны — декларативизм, фанатичную религиозность, национальные конфликты, анархизм. Герои произведений Страшевича этого периода — рабы своего мировоззрения, суеверий, идеологий, страха перед чужим и чуждым. Послевоенное его наследие, которое практически сводится к одной книге, также отличается критическая направленность, хотя и воплощенная совершенно иным образом и направленная уже на два польских мира: жизнь в стране и в эмиграции.

Вынесенные в заглавие «туристы из вороных гнезд» — польские моряки, высадившиеся в Южной Америке в поисках лучшей жизни, — связывают сюжетные линии двух составивших книгу рассказов, фрагменты которых мы публикуем ниже. Действие одного из них, «Собора Сэндвичей», происходит в Пунта-Чата, портовом городке в Южной Америке. Различного рода послевоенные эмигранты, сбежавшие на берег, где пахло «жратвой, выпивкой и девочками», сталкиваются с уже обустроившимися на этом месте представителями более ранней волны трудовой эмиграции. Соприкосновение двух миров, двух польских культур и эмиграций порождает ряд интриг и конфликтов. Поляки Пунта-Чата — в большинстве своем ловкачи, мошенники, извращенцы и чудаки — любят и ненавидят друг друга, постоянно ссорятся, но при этом, ясное дело, жить друг без друга не могут. Создавая сатирическое произведение о взаимоотношениях эмигрантов, Страшевич без злобы рисует, например, тип соотечественника-патриота, излюбленное занятие которого — подсчитывать, кто пролил за родину больше крови. Он с умилением зачитывает поздравление от главы эмигрантского правительства в Лондоне и одновременно приглашает социалистического консула на празднование Нового года. Достаточно сказать, что главный герой рассказа — Костек Наперский, страстно пропагандирующий национальную культуру при помощи кулинарной книги, с которой не расстается, словно с талисманом или Священным писанием. Трепетно относящемуся к кулинарному искусству и «нашей любимой культуре» Костеку не по себе в этом мире, где кафе носит название «Catedral de los Sandviches»: как же, недоумевает он, можно соединить место, где мать когда-то велела ему молиться Мадонне, и сэндвич? «Что это за страна, где я поселился? Что хорошего может ждать меня здесь?» Разочарованный и оскорбленный в своих чувствах, Костек отправляется бродить по белу свету, не выпуская из рук свое сокровище — Книгу рецептов.

В отличие от второго рассказа, «Собор» написан по личным впечатлениям. Как признавался автор, это был его «приватный отчет за годы, проведенные в польских организациях Уругвая, за многолетнее секретарство в Союзе польских обществ, а также участие в бесконечных польских терзаниях и конфликтах, неотличимых от польских терзаний и конфликтов в любом другом месте»^[15]. Несмотря на бедность и безысходность, которыми дышит польская Пунта-Чата, изображенный Страшевичем мирок морских волков, выброшенных на сушу, отнюдь не мрачен. Автор с удивительной тонкостью и знанием дела вводит в текст

жаргон этого специфического социума: моряков, лишенных обычного морского антуража. Его «морские поляки-эмигранты», «перебежчики», чудаки и буяны, живущие одним днем, твердо убеждены, что смекалка бродяги поможет им решить в чужом городе любую проблему. Страшевич великолепно передает местный колорит, душную провинциальность Пунта-Чата и выразительно рисует своеобразие эмигрантской среды, черты, как отмечали авторы рецензий в польской прессе разных стран, характерные для любой польской диаспоры.

Непоследовательный, подчеркнуто легкомысленный стиль «Собора» получил чрезвычайно высокую оценку и был воспринят как свидетельство обновления литературной техники. Точно так же, как язык рассказа: польская речь — примитивная, разговорная, с чужеродными вкраплениями, заимствованиями, зачастую неправильная, местами комичная — волнующе достоверная. Понравилась и содержательная сторона рассказов, хвалили на редкость меткие и убедительные картины. «Страшевич превосходен, — писал в письме Ежи Гедройцу Анджей Бобковский, — комар носа не подточит. Я умирал со смеху. Великолепно подсмотрено и вовсе не так просто. Не так просто, ведь того и гляди переборщишь или уподобишься Веху! А он это сделал блестяще»^[16]. После публикации рассказа на страницах «Культуры» Гедройц горячо призывал Страшевича продолжать писать: «“Собор” производит большое впечатление и трогает за живое. (...) читатели реагируют с большим энтузиазмом. Я, разумеется, не только рассчитываю на Вашу дальнейшую работу, но и весьма на ней настаиваю. Хуже всего — делать перерывы»^[17].

К счастью, Страшевич перерывов не делал. Вскоре он прислал Редактору еще один рассказ, который назвал «Мышеловка на Земовита». Хотя он написан вторым и в книге также стоит на втором месте, это своего рода предыстория первого. Рассказ повествует о жизни в Польше сразу после войны. Место действия — Гданьск: именно отсюда, из польского порта, люди, ощущающие на спине смрадное дыхание режима, пытаются, спрятавшись в «вороньем гнезде» иностранного корабля или в трюме польского, проскользнуть в поисках свободы в места, подобные Пунта-Чата, — то есть куда угодно, только бы подальше от родины, превратившейся в сплошную подслушку, сплошное доносительство, сплошную службу госбезопасности. С одной стороны, «Мышеловка» рассказывает о маленьком человеке, делающем карьеру при новом строе: об аппаратчиках и функционерах службы безопасности, которые «ощущают невыразимый гнев, если кто норовит от порыва оторваться и

сбежать». Однако главный объект сатиры здесь — не отдельные персонажи, а обнаженная автором система доносительства, расцветающая при коммунистическом режиме. Это повествование о механизмах морального растрепывания людей, по своей природе неплохих, но уродуемых, например, необходимостью писать доносы о событиях, никогда не имевших место.

Показанная Страшевичем Польша первого послевоенного десятилетия — страна несуществующих виновников несовершенных преступлений, в которой с величайшей серьезностью и воспитанной из-под палки верой, что виновный всегда найдется, препарируется рапорт о том, сколько человек прислоняло лестницу к окну. Одновременно Страшевич, в своей манере, комической и абсурдной, изображает трагедию обыкновенного человека, непрестанно запугиваемого, пытающегося избежать расставляемых представителями новой власти мышеловок. Эпоха Берута описана автором — к тому моменту уже более десяти лет жившим за границей — по рассказам очевидцев. «При работе над «Мышеловкой» я располагал лишь собственными впечатлениями от радиопередач. Кроме того, хранил воспоминания о тех моряках, которые, по сути, породили «Собор сэндвичей». Ничего больше. Кроме, разве что, тоски»^[18]. Мир «Мышеловки» отвратителен и страшен, хотя своих жалких персонажей Страшевич рисует так, что трудно не испытывать к ним симпатии.

Немаловажным представляется также объединение двух рассказов под одной обложкой: контраст специфического микрокосмоса солнечной Пунта-Чата, где каждый цветок жасмина благоухает, «точно десять флаконов духов», и дождливого Гданьска, в котором, как и повсюду в стране, правят бал «мышеловки» и страх. Печально переплетаются сюжеты двух частей книги «Туристы из вороньих гнезд» — тоска в стране и в эмиграции: тоска по свободе и по родине.

III. «Самое серьезное применение смеха»

Подтверждая в мае 1953 г. получение рассказа «Мышеловка на Земовита», Ежи Гедройц писал Страшевичу: «Рукопись я получил. Считаю ее просто великолепной. Какое острое перо! И все же, если вчитаться, Ваша книга — одна из наиболее мрачных»^[19]. Юмор «Туристов из вороньих гнезд», блестящий и самобытный — инструмент спасения, не только личного:

«Наш сегодняшний смех, — пишет в «Дневнике» Гомбрович, — больше не может быть стихийным, то есть произвольным, смехом — он должен быть преднамеренным смехом, холодным и серьезным юмором, самым серьезным применением смеха к нашей трагедии. И более широким, чем это имеет место у Страшевича. Этот смех, продиктованный страшной необходимостью, должен был бы охватить не только мир врагов, но прежде всего нас самих и то, что у нас есть самого дорогого»^[20].

Биография и творчество Чеслава Страшевича заслуживают коды в двух стилях. В стиле буфф пусть прозвучит байка, которую Страшевич любил рассказывать коллегам на радиостанции. Он вспоминал времена своей работы на фабрике и историю с сокращением штатов. Его покровитель, Баренбау, находился тогда в Швейцарии. Профсоюз потребовал письменного обоснования увольнений. Список в результате выглядел так: «Родриго — уволен за поножовщину, Пабло — известный вор, Хуан — бьет жену, Филиппо — запойный алкоголик». Сотрудник, подбиравший аргументы для увольнений, не знал, что написать напротив фамилии Страшевич. Он слышал, что это человек странный, иностранец, короче — чужак. И начертал: «Чеслао Страсевич — неграмотен». «Я единственный польский писатель, — повторял Страшевич, — у которого имеется документ, удостоверяющий его неграмотность»^[21].

А если всерьез, то кодой пусть прозвучат слова Юзефа Чапского, быть может, самые прекрасные, какие были когда-либо сказаны о жизни и творчестве Чеслава Страшевича, «самого человеческого из польских писателей». Заключение в них мысль, затрагивающая самую суть литературы, не утратила своей значимости и актуальности: «Чем был для меня Страшевич? Тем же, чем был для многих из нас. Писателем исключительного масштаба и обаяния, но в сто раз больше — человеком мудрой, улыбчивой доброты, в те времена, когда доброта “не в моде”, когда мы склонны быть хищными, изыскано извращенными, апокалипсически мрачными или хотя бы едко ироничными. Он глядел на всех, глядел на нас, словно на моряков-туристов из вороньих гнезд в далеких портах Южной Америки, на их легкомысленных любовниц, которым они готовили биточки à la Радзивилл, на эмигрантов всех мастей, и на польский мир в Польше — забавных старушек, чья реакционная деятельность — склеивание рамок из крылышек тропических бабочек, которых присылают эти моряки — заставляла милицию ставить “подслушку”. На шефа госбезопасности, знающего наизусть Сенкевича, а в Сочельник

со страхом и истовостью стирающего в сортирах вульгарные надписи о Сталине — даже на него Страшевич глядит с приязнью. Кто прежде его сумел настолько по-человечески увидеть рванный, разодранный пополам мир?

Этот всегда улыбавшийся писатель, именно он написал о нашей судьбе душераздирающие страницы, словно бы спрятав эти сцены среди неожиданных, веселых приключений своих персонажей. Но даже пьесы Беккета, жестокие и мрачные, не причиняют такой боли, как короткий рассказ о маленькой Юзе, которую Костек, будущий моряк и ловкач, нес в Польшу, кормил украденным картофелем и похоронил в чужой земле, в неглубокой могиле, вырытой перочинным ножиком.

Мало я встречал писателей настолько схожих с тем, что они пишут — то же пристальное внимание, полное отсутствие эгоцентризма, те же улыбка и доброта. Я с раздражением, едва ли не презрением думаю о писателях, пренебрегающих такой человечностью, такой добротой, — презрением к их глупости (“Es gibt viele Arten Dummheit und die Gescheitheit ist nicht die beste davon”^[22]), презрением, ибо они пренебрегают этой единственной подлинной жемчужиной — жемчуг ведь сегодня не носят. Немодно. Глупость и комизм этих писателей, разгуливающих на котурнах, мечтающих поразить человечество, одни очаровывая, другие шокируя, не желающих помнить, что все это — НИЧТО: pulvis, cinis et nihil»^[23].

2¹

2²

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. W. Gombrowicz, Trans-Atlantyk, Paryż 1986, s. 7.
  2. Цит. по: R. Gombrowicz, Witold Gombrowicz w Argentynie. Świadectwa i dokumenty 1939–1963, Warszawa 1988, s. 9.
  3. W. Gombrowicz, Trans-Atlantyk, op. cyt., s. 10.
  4. C. Straszewicz, O „Turystach z bocianich gniazd”, „Życie” (Wielka Brytania) 1954, nr 14 (354).
  5. Ibid.
  6. Письмо Е. Гедройца Ч. Страшевичу от 15 V 1951 г., Архив

Литературного института (далее AIL).

7. Письмо Ч. Страшевича Е. Гедройцу от 16 IX 1951 г., AIL.
8. Письмо В. Гомбровича Е.Гедройцу от 31 III 1952 г. // J. Giedroyc, W. Gombrowicz, Listy 1950-1969, wybrał, opracował i wstępem opatrzył A. Kowalczyk, Warszawa 2006, s. 64.
9. C. Straszewicz, Pióra w ukropie albo strach nami rządzi, „Kultura” 1952, nr 2-3 (52-53), s. 5-6.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. W. Gombrowicz, Refleksje na marginesie Straszewicza, „Kultura” 1952, nr 7-8 (57-58), s. 39-40.
13. J. Czapski, Czesław Straszewicz, „Kultura” 1963, nr 10 (192), s. 135.
14. C. Straszewicz, O „Turystach z bocianich gniazd”, op. cit.
15. Ibid.
16. Письмо А. Бобковского Е. Гедройцу от 18 XI 1952 г., AIL.
17. Письмо Е. Гедройца Ч. Страшевичу от 18 X 1952 г., AIL.
18. C. Straszewicz, O „Turystach z bocianich gniazd”, op. cit.
19. Письмо Е. Гедройца Ч. Страшевичу от 10 V 1953 г., AIL.
20. В. Гомбрович. Дневник /Пер. Ю. Чайникова. — СПб.: 2012.
21. На основе воспоминаний Тадеуша Новаковского о посвященной Страшевичу программе на радио «Свободная Европа» от 18 IX 1963.
22. «Есть столько различных видов глупости, и разумность — не лучший вид» (цитата из «Волшебной горы» Томаса Манна, пер. В.Н. Курелла, В.О. Станевич). — Примеч. пер.
23. J. Czapski, Czesław Straszewicz, op. cit., s. 136.

Собор сэндвичей

(отрывки)

IV

Костек Наперский торчал у примуса в семейном пансионе и готовил блюдо под названием — он заглянул в Книгу — «биточки à la Радзивилл».

Книга гласила: «Мясо тщательно порубить или провернуть, добавить одну размоченную и отжатую булку, два целых яйца, тертый лук, соль, перец и щепотку мускатного ореха. Сформировать маленькие, округлые, наподобие пончиков, биточки, обвалить в муке и обжарить на сливочном масле. Затем биточки уложить в кастрюлю, добавить немного каперсов и лимонной цедры, полить сметаной и тушить до готовности».

Он что читал, то и делал. Самым трудным было объяснить Чичите, что такое каперсы, сметана и мускатный орех. Каждый продукт он описывал ей при помощи мимики, чрезвычайно выразительно, и вокабулера ^[1], который в последние дни обогатил горсточкой испанских слов. Чичита прилагала все усилия, чтобы понять, стреляла туда-сюда раскосыми индейскими глазами от старательности и желания угодить. Едва что-нибудь уразумев, тут же бежала с нетерпеливым: en seguida, en seguida^[2]! — из семейного пансиона на меркадо и в альмацен^[3]. Но — дурочка! — en seguida, en seguida! — вместо мускатного ореха принесла ему вино Москатель, вместо каперсов килограмм артишоков, вместо сметаны — прости господи! — крем для рук «Пондс». Костек на нее рассердился, так она побежала менять, en seguida, en seguida, смущенная донельзя. Так три раза и бегала, грудь в спешке ходила ходуном, аж зеленый свитер собирался в складки — пока то да сё, что по Книге требовалось, принесла, и все равно — хоть убей! — каперсы раздобыть не сумела! Так без каперсов Костек и тушил на примусе «биточки à la Радзивилл»...

...в семейном пансионе, где в комнате без окна, с дверью на патио, в плетеных креслах в количестве двух штук, на турецкой тахте, перед зеркалом и у примуса — Чичита проводила свободное время и где теперь на смерть полюбила Костека...

...в аромате хасминов^[4], экзотических цветов, дюжину которых она принесла из похода за каперсами, и каждый хасмин благоухал, точно десять флаконов духов!

Костек же изменился до неузнаваемости, когда закончил возиться с биточками, когда картофельное пюре на парú взбил и салат по-польски приготовил. Он обслужил Чичиту, словно княжну Радзивилл; биточков, политых соусом, на тарелку ей три штуки положил, рядом воздушное пюре, отдельно салат с половинкой яйца, сваренного вкрутую. Все изысканно, и было видно, что его переполняют эмоции и вместе с ножом и вилкой он кладет перед Чичитой всю свою симпатию и любовь.

Сам он не ел. Зато смотрел. С такой тревогой и беспокойством, что она — едва смогла поднести ко рту первый кусок биточков à la Радзивилл.

Костек сразу к ней:

— Вкусно, *te gusta*^[5]? — *te gusta*, честно, керида *mia*^[6]?

Querida, съев биточек, сверкнула роскошными зубами и кокетливо произнесла слова, единственные, какие пока выучила по-польски:

— Ты ду-ро-чка!

Костек слова эти воспринял как заслуженную похвалу биточкам и вскочил, желая немедленно вознаградить Чичиту — однако сел обратно, решив, что это может помешать ей заняться оставшимися. Зато в речах не стеснялся, не заботясь о том, понимает ли она:

— Итак, на тарелке мы имеем (на тарелку он теперь спокойно биточков себе радзивилловских, пюре и салата положил вволю) мясо! Но не мясо — ибо мясо это преобразено, оно в сметане, хоть и без каперсов! Почему? Потому что мясо это приправлено культурой, лишь вековая культура способна породить такие биточки! Нам они, разумеется, больше по вкусу, чем ваши чураски^[7], чем ваши на углях запеченные кишки, больше даже, чем пучеро^[8], недурственное, но примитивное и культурой не приправленное. Здесь, на тарелке (поглощал Костек биточки) перед нами, керида, вековая польская культура, о которой вы тут у себя, пожирая свои чураски, не имеете ни малейшего представления! Теперь ты поняла, керида, в чем заключается искусство культурного питания? *Si*?^[9]

Она трудилась в поте лица, поедая биточки, и трудясь в поте лица своего их поедала — и во имя священной любви доев — проговорила:

— Ты — ду-ро-чка! — да!

Что в семейном пансионе на сей раз являлось призывом к счастливой, в цвету хасминов, любви. Потом — ибо такова жизнь в Пунта-Чата и вообще на свете — ей уже никто не мешал пойти в порт, чтобы позаботиться о проигнорированном *richero* для них обоих на завтра — он же, после ее ухода, заглянув в Книгу, на четверг выбрал польское блюдо под названием «пызы»; а выбрав — с легким сердцем отправился на рыбный мол, такой про себя повторяя некогда услышанный от Юзефки стишок: «Мама моя, а у пыз есть глаза — на вилку я пызу хотела нанизать — а пыза меня как куснет, егоза...»

V

Совершенно иное польское меню заварилось тем временем в Пунта-Чата.

Моряк шеф Болеславский, росту в жилах и костях два метра, пошел работать к испанцу на стройку за 5 песо в день, отвергнув предложение пана Мисяка за 3.50.

Болеславского, Тросцю, Бобуса Сандальского и других временно приютили у себя милые супруги Липинские, которые держали бойню, дававшую хороший доход лет уже эдак двадцать пять.

По этим и иным причинам возникли среди поляков мелкие недоразумения. В них оказались замешаны: с одной стороны, пятеро беглецов, Шалый Весек, Амбросио — сын как раз этих Липинских — и Пани из Киоска, с другой стороны — не первый день в Пунта-Чата проживающая и немало повидавшая польская колония в лице представителей своих, председателей бывших и нынешних, а также тех, что председателями, если пожелают, станут в будущем году. Нейтральную позицию занимали Струп Душный (о нем позже), а также Костек Наперский и Жирный Лизун Рябчик, последние двое по той причине, что понятия не имели о конфликте.

Больше всего, разумеется, махал кулаками полоумный Весек Бончек, загляденье, а не парень, тот, что тюки с «Дзержинского» помогал на канате спускать. Он кипятился.

— Эти, — говорил Весек, имея в виду беглецов, — земляков здесь отыскиали, а кого ж им было искать и апровечивать^[10], как не нас? И этот мердоватый^[11] Мисяк пану Болеславскому, который мальчишкой в лесу у партизан был и трех гестаповцев положил, и зубы которому выбили, и который портрет утопил — этот самый Мисяк, владелец двух домов, 3,50 хорнала^[12] предлагает, а какой-то гажега^[13] дает пять!!! Это verguenza^[14] для поляков Пунта-Чата и позор — и — que vayan, черт возьми, a la mierda^[15]!

Заявление сие отозвалось в колонии неприятным эхом. Пан председатель Хуан Гацки высказался в Обществе: — Юный Бончек умничает и наскикивает на пана Мисяка, pero^[16] каждому известно, что такими наскоками и цента не скобровать^[17], и пусть лучше Бончек-младший за папочкой своим приглядывает, который, seguro^[18], все знают, кто таков! Pero должен заметить, что эта колония, которая выстояла, и отчизне и Церкви верность сохранила, за что Пан Президент из Лондона на Новый год поздравление прислал — и — pero — от этой колонии горсточка нас тут осталась, а почему только горсточка, пану Рожеку и пану Болячке тоже известно, с которыми мы сюда в двадцать третьем году вместе приехали, когда Польша ввысь поднималась, с которыми мы, как дураки, в Чата приехали, а были такие, кто думал, будто в Африку приехал, потому что не знал, куда едет — si! Так мы когда приехали, нам никто руки не протянул, а кто протянул, тот обобрал, и claro^[19] — что нас только горсточка осталась, потому что остальные без этой руки сгинули, точно ветер в поле. Бончек-младший наскикивает на пана Мисяка, pero, мы знаем, что пан Мисяк басуру^[20], то есть мусор и отходы из Вералинды в самую Жи возил, пока паном Мисяком стал. Seguro, Бончеку-младшему на это плевать, поскольку его папочка знамо что в каждой дыре вынюхивает, pero — почему пан Мисяк, кровавым потом на педрегуже^[21] поднявшийся, без помощи польской власти и всемирного союза — вот этому пану Болеславскому, который здесь всего неделю, а может, и вовсе шпион — должен давать 5 песо, а не 3,50?

Эй, так почему? В одобрительных комментариях к речи председателя Гацки прозвучали еще такого рода голоса колонии:

— Пан Мисяк, да будет вам известно, на витражи для Польского костела дал, на польский час дал трижды, и на новый Польский дом добрых пять сотен, худого слова, оставим в стороне пани Мисяк, исчадь ада, никто о пане Мисяке не скажет — а этот

щенок еще будет язык распускать по поводу пана Мисяка, на пару не пойми с кем и не пойми откуда взявшимся!

Сам пан Мисяк повел себя тактично и в дружеском кругу на вечеринке сделал следующее заявление, широко разошедшееся по колонии: — Гажеге руки нужны, вот он и дает пять. Мне руки не нужны, но своим я 3,50 дам. Когда гажеге руки будут не нужны — он не даст ничего. Я своим всегда дам 3,50. Si, señor!
[22]

Амбросио, сын благодетелей Липинских, которым единственным пели дифирамбы все пятеро с «Дзержинского», — Наглецу Весеку, взвесив отголоски в колонии, выразил такую свою позицию:

— Они если слезу пустят — дадут. Если не пустят — не дадут. Если выпьют — всё дадут. Если не выпьют — не дадут и 3,50. No, señor!^[23]

Чего, хоть убей, не могла уразуметь оскорбленная сторона: Болеславский, Тросця, Бобусь и оставшиеся двое; а также Струп, Придурок Весек и Пани из Киоска...

Тем не менее, дурные vapores^[24], возможно, и растаяли бы на жаре, учитывая, что на стройку к испанцу поступил также Бобусь вместе с моряком Адамом Гвоздем, и все пятеро как-то устроились — кабы не политическая сторона вопроса.

Вечером — как раз в тот день, когда Костек тушил свои биточки, — собрались в баре «Танго» среди прогуливающих барышень все оскорбившиеся, и шеф Болеславский за бутылкой, по праву старшинства и роста сразу подвел под конфликт соответствующую базу:

— Мы, заметьте, не о тутошних поляках толкуем, которые, может, и поляки, а может — врать не стану — не поляки, — но, мягко говоря, — куды ж им до тех, что во время оккупации в огонь один вперед другого солидарно бросались! Я иначе скажу: за то, что мы сделали, жен наших и семьи в Гдыне горе мыкать пустят или, не дай Бог, на каторгу погонят, и я, может, никогда больше жену свою не увижу и доченьку, что для меня, не выразить, как прискорбно — но ведь, вот сколько нас тут есть пятеро, мы этому «Дзержинскому» приложили, ибо трудно нам было на происходящее глядеть сложа руки и страдающей Отчизне на помощь не поспешить! Мы, повторюсь, не о тутошних поляках толкуем, но я хочу вас спросить: что нам делать? Сидеть и ждать? У испанца за 5 песо кирпичи таскать? Нет уж! Нам это, знаете ли, не по душе. Местные поляки, как я

посмотрю, сидят тут, как баре, а в этой Пунта-Чата, по-нашему, ужас что творится, а они опять-таки молчок! Ужас что, я знаю, о чем говорю, плакаты про мирные конгрессы развешаны, точно в Варшаве, на этом их Торро своими глазами серп и молот видел, один в один как в Варшаве, красная работа идет на всю катушку, вот я вас и спрашиваю, что ж такое делается? А они себе сидят и молчок. Где мы находимся, я вас спрашиваю? И вот еще что я вам скажу: у меня внутри все перевернулось, когда я увидел: народный, мать его русскую, консул, тот, что в Антверпене на «Дзержинский» с пирожными к нам таскался, точно Иуда, — живет в этом городе, на вилле, которая по иронии судьбы именуется «Бельведер». Я сам видел: консул в белой рубашке в саду перед Бельведером в гамаке качается и напитки со льдом на жаре потягивает! Я расспросил о нем пана Гацкого; тот сказал, человек спокойный, в политику не суется. Ха-ха! А кому, если не этому антверпенскому консулу, Радио-Пенёнжек стучал, на Ковальского, на Зайлиха, а также на присутствующего тут Тросцю, что кое для кого имело колоссальные последствия?! Спокойный человек! Так я еще раз спрашиваю: куда мы попали? Еще раз спрашиваю: что нам делать? Кирпичи таскать?

Бобусь Сандальский, весь горя, ибо чахоточная блондинка Мария Анхелика состроила ему глазки, — проговорил, смешавшись: — Это неправильно!

— Чего уж там, — молвил кто-то с «Дзержинского»,
Форнальский или Гвоздь, — повесить каналью!

Тут уж и Весек загорелся, а Бобусь и так горел, остальные разогревались пивом и ромом.

Склонили головы (за исключением Струпа) друг к другу и к стаканам, переваривая сказанное Шефом. Весек, разумеется, строил глобальные планы и даже о производстве бомб, то есть «филиппинок», как во время Восстания, собравшимся напомнил. Реже всего подавал голос Амбросию, потому что польски у него выходило плохо. Бедный Бобусь по причине болезни голову имел слабую, так что вскоре упился второй рюмкой и тем, что Мария Анхелика, светловолосая и бледная, аж мурашки по коже, взглянув на него искоса, неожиданно ушла с черным боцманом — и погрузился в страшное отчаяние.

Он заплакал навзрыд: — Так я... мы... Господи Боже мой! ... мне нехорошо... на свете... плохо мне... и на корабле, и на стройке, и сейчас... я уж сам не знаю, что... ой-ой-ой! Домой хочу, домой, мамочка!

При слове «мамочка» они быстренько подхватили его и повели в Киоск, где Пани проявила исключительную нежность, беседуя с Бобусем о жизни и о мамочке.

Шеф Болеславский почувствовал, что должен перед присутствующими объясниться за младшего товарища.

— Он ребячится, и голова ни к черту из-за этой эпилепсии, которую он мальцом приобрел, в подвале, где на его глазах освободители после освобождения с женской частью семьи гнусность сотворили. Ну да Бог с ним.

Бог с ним, разумеется, более важные актуальные вещи происходили в баре «Танго». Едва конспираторы вновь склонили головы к стаканам, как перед ними возник раскорякой некий тип — набравшийся, мордатый и блондинистый.

— Приветствую, товарищи! Судя по тому, что я слышал, имею честь со свежееиспеченными товарищами. Рябчик, еще Польска не згинела! Что Рябчик, могу седулой^[25] удостоверить. Дела никакого, сразу скажу, не имею, но люблю, когда полонусы пьют, у меня от этой картины сердце отвагой наливается. Сердце! — Он прицепился к Амбросио, ткнул в него пальцем и стоял так, повторяя: — Отвагой наливается!

Амбросио испугался, непривычный к моряцким выходкам, хотел уйти, но его притормозил спокойной речью Шеф:

— Пан Жирный, прибири-ка с моего друга свой палец. И мы тебе, пан Жирный, не товарищи, небось свиней вместе не пасли. — Он встал, продемонстрировав два метра жил своих и роста. — Посмотри на меня, гражданин, подбери то, что навякал, да палец свой сними!

Лизун палец от Амбросио, словно от горячего утюга, отдернул и, вякая на разных языках о неприличной мести всем пятерым любителям свободы с «Дзержинского», удалился, в связи с чем Амбросио остался.

Во время этого происшествия лавировал по бару «Танго» Костек Наперский с десятком пар нейлоновых чулок, которые взял на продажу у Хулио Сезаре, предварительно встретившись с ним на молу; встретившись, за первую партию честно заплатил песо, взятыми у кериды из пансиона, в него, как прежде в румына, в статус супружеский и в хасмины до смерти влюбленной.

Продав четыре пары, он сказал Лизуну:

— Эй, ты! Морду на котлеты порублю! — что позже и исполнил.

Не спрашивая, сел за столик, где совершалась конспирация.

— Простите, — сказал он. — Он пройдоха, педик и хам! Всю жизнь, где этого хама ни встречу, дарю презрением. Если при этом и питаю к нему некоторую слабость, то по той причине, что мы вдвоем шток забили одному красному во время рейса в Неаполь, вот этот хам как раз и бил, из-за чего и он, и я потом намыкались. Оставим, однако, в покое этого хама, и — если почтенное собрание соотечественников позволит — в знак извинения за хама ставлю по рюмке!

Шеф Болеславский не был так страшен, как казался, и сразу подобрел:

— Поставить никому не запрещается!

Весек Бончек, несмотря на важность совещания, проявил юношеский интерес:

— А как это: забили шток?^[26]

Моряк Тросця, внезапной жалостью преисполнившись, с боем дорвался до голоса:

— Когда мы «Собеского» из Генуи, значит, на веки вечные в Одессу вели, флаг на штоке висел, на флагштоке то есть, а я на глаза капитану попался, тому тоже невесело, дело уже в Одессе было. Пойди-ка, братишка, так он мне говорит, и если сумеешь, сними там наше, потому что к завтраму там совсем другое повесят... я пошел и снял, вместе со штоком — топориком снизу подсек. Флаг наш спрятал под рубашку, а на корму палку от швабры с тряпкой по личной инициативе присобачил. Капитан ничего не сказал. Сняли нас с «Собеского» сразу после банкета, на котором я горячие блюда разносил, разбивая, ясное дело, каждую первую или вторую тарелку со жратвой...

— Да уж, ты тогда побил посуды, — подтвердил Адам Гвоздь, свидетель.

Весек заинтересовался: — А где этот флаг?

Костек, поставив всем, чувствовал себя в своей тарелке, так что не позволил заткнуть себе рот. — Знаешь ли ты, брат, что такое по-польски фраер? Фраер с ваером и ваер с фраером? Не знаешь? Англичане на такие речи говорят: гоу ту хелл! Послушайте, что

я вам скажу: могу каждому нейлона или часов дать на продажу по несколько пар или штук. Навар фифти-фифти. Походит каждый самостоятельно, тут продаст, там продаст, глядишь, с голоду и не помрет. И еще я вам скажу: есть у меня один, который все знает, и как узнает, так сразу скажет, где можно наняться на корабль. На панамец, на голландец, а если счастливый случай улыбнется — на «Дель Мар»! Мне пока не горит, но, может, у кого из вас надобность случится? Я вам предлагаю жизненные шаги в том смысле, что воспоминаниями, флагами, трепетом в сердце не проживешь, брат, ни на этом полушарии, ни на том. Но знайте, что я потому к вашему собранию примкнул, что польское крещение получил в Сибири, без дураков. Так что же — есть у меня право? Есть! А раз у меня есть право — я вас всех в субботу к себе в семейный пансион на Ринконе сердечно приглашаю на фляки. Советую не пренебрегать, потому как на бульоне и с майораном. С фрикадельками!

Одним глотком допив кофе, встал Струп Душный и ушел в Киоск. Но и без него — во-первых, нейлоновые чулки и часы, во-вторых, «ДельМар» и, наконец, фляки — Костек имел честно заработанный успех. Хотя новый аккордеон, привезенный Патроном^[27] из Италии, выдавал пассажи громче, чем прежний, Норма, мулатка с мощным бюстом, была исключительно в голосе, а двери с двумя нулями, мужскими и дамскими, хлопали сегодня остервенело — все в этом балагане уразумели главное: один — про чулки, другой — про часы, третий — про набор команды, и каждый — про фляки.

27

За исключением Амбросио Липинского, который осмелился задать вопрос: что такое фляки? — и за исключением Безумного Весека, недовольного, что с виселицы, бомб, костыля и флага разговор перешел на фляки.

Очень вовремя взмахнул дирижерской палочкой заботившийся о своем статусе шеф Болеславский, а именно:

— Обращаюсь к присутствующим тут молодым товарищам. Отвечу, прежде всего, Липинскому, в Чате родившемуся, что фляки — весьма почитаемое польское блюдо; Весеку отвечу, что относительно той материи, про которую он знает, и я знаю, и некоторые другие также знают, нам следует отдельно установить взаимопонимание, желательно завтра в этом же баре в девять. На фляки обижаться нет оснований. Последний

раз я ел фляки в 1945 году в имении Монтва, куда мы заскочили из лесу за томми-ганам и амуницией. Кажется, пан Гвоздь заинтересовался чулками. Пожалуйста, не стесняйтесь и договаривайтесь. Насчет американского «Дель Мар» прошу по возможности дать знать. Я — в дополнение к тому, что было, — предлагаю еще по рюмке. Вперед!

— Сто лет, сто лет! — затащил поднаторевший в польской компании Амбросио Липинский.

Из Киоска вышел Струп Душный с утешившимся Крошкой Бобусем. В проходе они столкнулись с Жирным Лизуном Рябчиком, который, устремив взор на дверь, ждал Ибелику из Аризоны. Явной тревогой Жирного впечатлившись, Бобусь предложил: — Если хотите, выпейте с нами черного кофе...

— Не могу! — с отчаянием в голосе молвил Лизун. — Плевать я на вас хотел! Перед уходом мне еще нужно опустить в Киоске железный занавес!..

-
1. От *vocabulario* (исп.) – словарь.
  2. Сейчас, сейчас! (исп.).
  3. От *mercado, almacén* (исп.) – рынок, магазин.
  4. От *jasmin* (исп.) – жасмин.
  5. Тебе нравится? (исп.).
  6. От *querida mía* (исп.) – моя любимая.
  7. От *churasco* (исп.) – вид пончика.
  8. От *puchero* (исп.) – блюдо из мяса и овощей.
  9. Да? (исп.).
  10. От *aprovechar* (исп.) – использовать.
  11. От *mierda* (исп.) – дерьмо.
  12. От *jornal* (исп.) – плата за день.
  13. От *gallego* (исп.) – испанец-эмигрант.
  14. Стыд (исп.).
  15. Пошли они ко всем чертям (исп.).
  16. Но (исп.).
  17. От *cobrar* (исп.) – получать плату.
  18. Разумеется (исп.).
  19. Ясное дело (исп.).
  20. От *basura* (исп.) – мусор.
  21. От *predregal* (исп.) – скальный грунт.

- 22. Вот так (исп.).
- 23. Это уж нет (исп.).
- 24. От vapor (исп.) – пар, испарения.
- 25. От cédula (исп.) – удостоверение личности.
- 26. Прижатый к стенке, Костек признался позже в Киоске, что эту историю со штоком придумал на ходу – ибо любил порой полакомиться наскоро сделанным сэндвичем (прим. автора).
- 27. От patrón (исп.) – хозяин, владелец.

Мышеловка на Земовита

(отрывки)

I

Дежурный офицер написал в Книге рапортов сакраментальное: «За время моей службы ничего существенного не произошло. Только у здания Жилкомитета кто-то ночью приставил к окну второго этажа лестницу, констатировав отсутствие следов взлома и то, что окно осталось закрытым, я велел лестницу убрать. Цезарий Гах, пор., Деж.оф.»

Рапорт этот в Книге рапортов занял полагающееся ему место на нумерованной странице с октябрьской датой, перед ним были другие рапорты, после него следующие два или три, но не более того.

Ибо Книга рапортов была изъята и выдана новая, а поручика Гаха в скором времени вызвал пред свои очи гражданский человек в чине майора, начальник Зенон Бийяс.

Человек это был средний в плане возраста, роста и поведения, с завитком в виде серпа на впалом лбу.

Пор. Гах с неприятным удивлением констатировал, что взгляд гражданского Бийяса расходится под широким углом, что лишь в тех случаях имело место, когда гражданский Бийяс пребывал в состоянии чрезвычайного волнения.

— Тут у меня, — голос начальника Бийяса был ёдок, словно щелочь (а происходило это в Гданьске, спустя несколько лет после освобождения, в дежурке с железной печкой с выходящей на крышу трубой) — ваш рапорт за текущий месяц, где имеется упоминание о лестнице. Попрошу изложить более обстоятельные, так сказать, детальные подробности. Говорите!

— Лестница, — поспешно сглотнул слюну пор. Гах, вытянувшись по стойке смирно, — лестница, гражданин начальник, была у Жилкомитета, со стороны складов, но окно не тронута, в связи с чем я велел лестницу убрать. Я также указал в рапорте...

Майор Бийяс откинул завиток, который тут же упал на прежнее место.

— Гражданин поручик, уж не воображаете ли вы случаем, будто я пригласил вас для того, чтобы из ваших уст еще раз выслушать сей пресловутый рапорт? Ошибаетесь! — Он взял со стола листок с пометками и быстро зачитал: — Кто приставил лестницу? В какое время? Ставил лестницу один человек или более? Если более, то сколько? Мужчины, женщины и какого возраста? Во что они были одеты? Откуда взята лестница? Кому принадлежит? Что это за лестница? Лестница обойщика, садовника, конюха, домашняя, пожарная, одиночная, двойная, складная или обычная? Доложить с указанием фамилий и всех дополнительных деталей! Де-та-лей!

Пор. Цезарий Гах впервые за время своей безупречной службы взбунтовался:

— Откуда же мне знать, кто поставил эту чертову лестницу, если не было никакого взлома и вообще ничего не было?!

Зенон Бийяс сделал жест. Пор. Гах, вдруг смешавшись, обвел глазами дежурку, вытянулся и, словно в офицерской школе, опустил руки по швам.

— Лестница, гражданин начальник, была обычная, правда, немного длиннее, чем обычная, потому что, как я сейчас понимаю, она была надставлена, то есть сбита из двух секций. В остальном ничего особенного, нормальная лестница. Еще я сейчас понимаю, что она была некрашенная и сверху довольно грязная. Я велел солдатам ее убрать и могу немедленно узнать, куда ее унесли. Кто ее поставил, я не имел возможности увидеть, поскольку из канцелярии не видны зады Жилкомитета, при осмотре же я...

Из гудящей огнем печки вдруг вывалился на пол кусок раскаленного кокса. Пор. Гах шагнул к нему, словно намереваясь заняться спасением дежурного пола, однако гражданин начальник снова сделал жест.

Жестом этим он объял не только несчастного Гаха, но и себя, и эту раскаленную печку, более того, даже отсутствующие в дежурке лица и предметы. И молвил:

— Послушайте, гражданин! Я не любитель пугать, и, хотя за время вашей службы ничего существенного не произошло, беда, если...

Судя по жесту, беда предполагалась широкого охвата...

Итак!..

II

Может, кто-нибудь из вас помнит октябрьский дождь в Гданьске?

Который лупит косо и так при этом приноравливается к сильному ветру, чтоб непременно сечь в лицо?

Память человеческая затем дана, чтобы сечь воспоминаниями, и если кого в данный момент ветер с дождем не сечет, то сечет его взамен память...

Вот во время такого октябрьского дождя отряд гданьских пограничников под командованием пор. Гаха и маршировал гуськом по трапу ss.^[1] «Готланд» в Новом Порту.

Корабль был шведский, белый; на черной доске в Морском управлении надпись мелом извещала, что сей швед отбывает ровно в 17 часов.

Отряд строем поднялся на палубу и пор. Гах выстроил его, согласно инструкции, на носу, в два ряда, от штурманской рубки до самого якорного борта.

Вихрем подхватываемый дождь сек в лицо всех погранцов на судне, вне зависимости от того, стояли ли они к своему командиру передом или задом. У всех ребят под круглыми фуражками с литым козырьком лица были одинаково залиты дождем.

Капитан «Готланда» сходу вызвал у начальника инспекции раздражение; прежде чем поприветствовать (а одет он был в черный буржуйский резиновый плащ с капюшоном и плевать хотел на дождь!), указал рукой на протекающее небо и продемонстрировал жестом, что это просто невозможно!

— Невозможно? (Нужно было слышать служебный смех пор. Гаха!) Невозможно? Для поляков возможно, а для вас, шведов, выходит, нет?! Невозможно, он мне заявляет! А я заявляю — вся команда обязана стоять на палубе и будет стоять, хоть дождь, хоть не дождь, иначе корабль и на сантиметр от причала не отойдет, обещаю и извещаю! Ясно или нет?!

Пор. Гах говорил все это по-польски и твердо, подразумевая, что если сын Швеции не понимает, так пускай учит польский.

Он вложил в свой голос столько служебного рвения, что капитан «Готланда» немедленно капитулировал.

Он неохотно, но дал знак. Зазвонил корабельный колокол. Начали вылезать из теплых уголков недовольные моряки в клеенке и брезенте, двинулись лениво на переднюю палубу, собачьим содроганием стряхивая с себя дождь.

При досмотре (согласно инструкции) полагалось присутствовать всей команде, за исключением капитана, которому разрешалось ждать у себя в рубке, и за исключением плотника, который имел основания ожидать ревизии у себя в мастерской.

Пор. Гах, косая сажень в плечах, стоял посреди палубы, не делая попыток укрыться от дождя; дождь — это дождь, ветер — это ветер, «Готланд» — это «Готланд», а служба — это служба!..

Он вытащил из форменного кармана список команды и стал зачитывать; нимало не смущаясь тем, что перевирает иностранные фамилии и, скорее всего, не там ставит ударение — и что дождь лупит по бумаге, как пулемет по мишени. Рядом с ним стоял отличник боевой и политической подготовки, гордость Пограничной службы, сержант Владислав Рым.

Этот, с симпатичными, в данный момент мокрыми, чертами лица сержант выполнял ответственное задание Народной Польши: когда поручик зачитывал фамилию, а названный моряк говорил «ја» — сержант Рым маршировал пружинистым шагом, заглядывал в лицо, проверял и, достаточно удостоверившись, позволял отойти в сторону.

Так, в соответствии с инструкцией, проходил досмотр команды, дабы какой-нибудь предательский шпион шведский колпак на себя не нацепил и Польшу на смех не выставил...

Среди членов команды ничего не обнаружили достойного бдительности, хотя искали хорошо; но до конца инспекции шведам велено было стоять под дождем, что породило страшные шведские проклятия, которые и сегодня еще можно в Швеции услышать...

После досмотра команды пор. Гах разделил свои силы на звенья: нескольких членов отряда поставил следить за просеянным сквозь сито экипажем, остальных разбил на пары; каждой паре поручалось произвести ревизию, кому в каютах, кому в бункерах, кому в шлюпках, а сержант Рым — спец и ищейка в

том, что касается шпионов, — должен был искать там, где подскажет ему бдительный инстинкт.

Вскоре посыпались донесения: каюты пусты; люки проверили три пары и за люки ручаются; уголь отработали две первоклассные пары, шомполами протыкали и за уголь отвечают, чему доказательство вымазанные угольной пылью лица; все палубы верхние и нижние гарантируют пары третья и пятая; в кухне, в мастерских, а также в корабельных уборных все находится в предписанном порядке; в шлюпках, в кладовке, под тентами ни один беглец не обнаружен; кубрик инспектировали две пары с отрицательным результатом; за бортом и на канатах никто не висит; в аптеке имеются крысы, однако ни один перебежчик не найден...

Приняв все эти отрицательные донесения, пор. Гах протер мокрые ресницы и вопросительно заглянул в мокрое лицо Рыма, считавшегося спецом в пограничном ремесле:

— И?

— Чепурковский! — крикнул сержант, оставив «и» без ответа.
— Мой тебе совет — полезай-ка в гнездо, а ну, раз-два!

Выскочил из строя юркий, точно белка, погранец, отложил в сторону автомат, сбросил шинель и, хотя руки у него от дождя были мокрые, поплевал на ладони и приложил их к мачте. Выгнул ноги, обхватил ствол, хребет тоже выгнул и, загребая руками, начал карабкаться вверх, точно белка.

Присутствующие на палубе задрали головы и поднимали их все выше и выше — а дождь их в отместку всех скопом по лицу хлестал...

Чепурковский ловко добрался до цели и оттуда отрицательно головой мотал и рукой махал, что в вороньем гнезде враг не прячется.

— И, Рым?

Шведы на палубе проявляли все более явные признаки недовольства, поскольку дождь и вправду сек, и который швед поворачивался вправо, того сек справа, а который влево, того сек слева — ох уж этот гданьский октябрьский ветер...

Сержант Рым не переставал метать взоры направо и налево, и хотя пор. Гах выражал готовность к капитуляции, не сдавался.

— Кордус и Заксе — к вентиляторам! Если сетки сняты, колоть штыками в отверстия!... А я, гражданин поручик, собственноручно трубу проверю!..

Трубу? Из трубы «Готланда» валил черный дым, который в воздухе морщили дождь и ужасающий вихрь — и у пор. Гаха были все основания заподозрить, что сержант Рым в трубе камбалу копченую собрался искать, а не живую душу — и он бы это ему охотно высказал, не будь сержант отличником БПП и спецом.

Снова задрали головы расставленные на палубе погранцы и шведы и следили, как хитроумно сержант Рым карабкается, чтоб ему дым из трубы лицо не выпачкал. Карабкался он по черной трубе, по расположенным в шахматном порядке скобам, и так обнимал трубу, что на палубе завидовали, поскольку трубное тепло его явно сушило и грело.

В процессе этого карабканья вновь вылез из рубки капитан «Готланда» и начальнику инспекции нетерпеливо на часы указал, мол, приближается время отплытия.

Тут, в явном сговоре с капитаном, завывла сирена, и белый пар повалил рядом с сержантом, подбиравшимся к верхнему обручу.

(Коли — объяснял позже в комнате отдыха внимавшим ему подчиненным сержант Рым — коли тебе доверили корабельную бдительность, трубу ты обязан знать также! Трубу вы видите толстой, раздутой, вонючей — тогда как я ее вижу тонкой и полой. Зарубите себе на носу: внутри даже самой толстой трубы, специально в расчете на человеческий глаз утолщенной, находится всего лишь тонкая трубка, по которой идет дым, а остальная часть, как я вам объяснил, пустая, то есть полая. В пустой части каждый из нас мог бы вместе с супругой разместиться, и если учитывать направление ветра, даже вони особой не почувствовать. Инструкция гласит: искать в каютах, в угле, в шлюпках и вообще. Вообще нет упоминания о трубах. Секрет труб я открыл вам наглядно на «Готланде», когда...)

Добравшись по скобам до цели, сержант Владислав Рым изогнулся и запустил глаза в бездну. Едва глянув, утвердительно замахал своим. Еще больше изогнулся и рывкнул в трубу: — Вылезай!

Люди внизу чуть шеи себе не свернули, так пялились на увлекательное зрелище.

— Б...! — выразил свое неудовлетворение пор. Гах — никогда этот Рым не подводит, вечно во всем первый!

Из трубы, в плоском облаке рассеивающегося дыма, сантиметр за сантиметром показывалось бело-черное лицо: белое по причине естественной бледности, а черное по причине испещренности копотью; а в целом худое, со светлой бородкой.

Неутомимый сержант Рым навис над добычей в вихре, дожде и дыму...

С палубы не было видно и слышно, что меж ними происходило: один внутри трубы, другой снаружи, ветер одинаково заглушал обоих, дым обоих одинаково чернил. Не то болтали друг с другом, не то горько друг друга упрекали, кто их знает, довольно долго они тянули и мешкали.

Первым стал слезать по скобам сержант Рым, а за ним пассажир, и этот тихий пассажир ни с того ни с сего как сиганет, и быть бы ему в Балтийском море, кабы сержант за ногу не ухватил. Бдительный сержант (б...!) своевременно предупредил самоубийство, и тихий пассажир, перекувырнувшись, целым и невредимым опустился на верхнюю палубу, у самой штурманской рубки.

Озябшие шведики тряслись в своих клеенках, атакуемые мокрой стужей, а перед пор. Гахом капитан «Готланда» руками разводил в знак того, что ведать не ведал, и не его это вина, если помимо морской торговли существуют на свете политические казусы.

Сгрудившийся отряд прошагал на верхнюю палубу и собрался у трубы — встречать бдительного сержанта с его добычей, которую тот держал за ногу.

Пор. Гах имел при себе служебные наручники, сверкающие, точно мгновение ока, которые немедля пустил в дело. Сверкнуло, точно мгновение ока, и удерживаемый за ногу перебежчик был опутан сталью, навсегда простившись таким образом с неуместными мечтами о далеких странах.

На что пограницы из отряда глядели, вытаращив глаза, и шведы глядели, вытаращив глаза, вторые — с приятным чувством, что их вины в происходящем нет...

Скованного и ослабевшего от впечатлений перебежчика терзал сержант Рым:

— Олесь ты или не Олесь, а я тебе так скажу — когда тебя за горло возьмут, попомни себе: лучше польское «ге» в поле, чем фиалки в Неаполе!..

После этого всплеска поэзии отряд выстроился гуськом, дабы отмаршировать с закованным узником посередке, но был вынужден задержаться с отправлением, поскольку по трапу гуськом поднимался отряд Таможенной инспекции.

Лишь когда те вошли, эти сошли и, сдав пост, зашагали по Новому Порту.

Довольный собой сержант Рым нагнал пор. Гаха и даже заговорил с ним:

— Вот так совпадение, что я этого пойманного мной перебежчика знаю. Это Олесь Форнальский, и никакие уловки ему не помогут, потому что я с ним до войны в Вейхерове в третий класс ходил! Бородку отпустил, чтобы меня обмануть, но я его по форме морды узнал, брат у него на «Дзержинском» ходит, вы только посмотрите, гражданин поручик, что с одноклассником случилось?! Кто мог подумать, что мне этого Олесь придется собственноручно из трубы за шкуру вытаскивать? Вы только посмотрите, гражданин поручик, какие случайности меж людей случаются?! Но нет для сволочи других случайностей и не будет...

Шагавший во главе отряда пор. Гах махал руками раз-два, раз-два, и ничего не отвечал.

— Я говорю «сволочь» и правильно говорю! Мы тут под дождем, на мачтах, в шлюпках мучаемся, а эта сволочь от нас прячется, где никто кроме меня не сообразит, в трубе! Весь наш народ в едином порыве, а единый порыв для народа, я считаю, вещь совершенно необходимая, что также подтверждено на курсах политического повышения, потому что это согласно социалистическому курсу. Я ощущаю невыразимый гнев, если кто норовит от порыва оторваться и сбежать. Я считаю, бегство есть нарушение народной дисциплины, и такого гада, что от народа бежит, готов преследовать хоть в трубе, со свечкой. Кто бежит, тот для меня не Олесь, а перебежчик. Так я понимаю народную бдительность, гражданин поручик! Правильно я говорю? Хорошо тебе или плохо, надо быть в едином порыве, а кто самовольно бежит, тот дезертир, и этого я, коли меня разозлить, на части порву, такой меня гнев охватывает!.. Но — гражданин поручик — сегодня-то у нас болото так болото, чтоб его черти взяли...

Маршировавший в этом болоте по направлению к грузовикам погранслужбы пор. Гах считал своим долгом терпеливо сносить озаренного недавним успехом сержанта Рыма, который не только догнал его, но и болтал, как равный с равным.

— Это вы правильно говорите, гражданин сержант, что перебежчиков надо на куски рвать, но что это вы, гражданин, сказали на палубе своему приятелю из Вейхерова? Польша — «ге», а Неаполь — фиалки?

Сержант Рым стряхнул с круглой фуражки дождь и принялся энергично защищаться:

— Ослышались и не расслышали, гражданин поручик, разрешите доложить! Я просто имею обыкновение каждому дезертиру, которого в угле или в трубе выловлю, излагать старопольский и великолепный, я считаю, стих, что лучше польское «ге» в поле, чем фиалки в Неаполе! Это не против партии! Я если что говорю, так знаю! Или я не отличник службы, или значком Образцового солдата Пограничных войск не награжден, или про меня в газете не печатали? Скажете, не так?

— Ага, ага! — охотно согласился маршировавший во главе пор. Гах, мысленно записывая только что услышанный старопольский стих.

Прогудела сирена «Готланда», прощаясь с Гданьском — а сержант Владислав Рым, забираясь в грузовик, обрадовался:

— Слышите, гражданин поручик? Швед со злости перднул!

III

Начальник майор Зенон Бийяс не пускал слова на ветер, когда пугал бедой, потому что беда, после случая с лестницей, начала принимать масштабы бедствия.

Прежде всего, бедствие коснулось пор. Гаха, которого вызвал полковник Серпуховский, по-польски изъяснявшийся правильно — и по-польски пропесочил грубыми словами. Пропесочил грубыми словами за отсутствие социалистической бдительности, а когда пор. Гах отрапортовал, что лестница найдена, тов. полк. Серпуховский сперва удивился, а потом снова пропесочил, мол, чушь несете. Из чего следовало, что полковник не в курсе дела, и тем не менее: я замечаю у вас — песочил он — отсутствие социалистической бдительности, на

что в последний раз прошу обратить внимание — песочил — и я относительно вас сделаю выводы — песочил, красный от злости, точно свекла.

Вот, до чего довела эта проклятая лестница пор. Цезария Гаха в процессе его бдительной службы!

А в деле открылись детали и в самом деле любопытные, о которых не мог знать полк. Серпуховский.

Люди нач. Бийяса, вслед за пограничниками, выявили суть заговора, а именно, что лестница взята из сада двух сестер.

Одна сестра — выявили они — была вдовой, значившейся под именем Анна Аниновская — и сестра эта — выявили — занималась выращиванием цветов и ловлей бабочек сперва в Орлове, а после милитаризации территории, в настоящее время, в Гданьске; другая сестра — выявили — не родная, а сводная, старая дева, была до войны учительницей, в настоящее время портниха, не состоящая в профсоюзе, интересующаяся заграничными модными журналами. Эту другую сестру звали Луция Душная и Управление имело с ней дело дважды, один раз по поводу американского моряка, у нее засидевшегося, другой — по поводу инжира, пять связок которого вместе с таинственным и незнамо от кого присланным украшением в виде золотой собачки доставил ей из Южной Америки моряк по фамилии Любанский.

Обе сестры — выявили — были беспартийные, тихие, в картотеке значившиеся как пассивная оппозиция, кроме того, в картотеке рядом с их фамилиями стояли призывающие к бдительности галочки.

Итак, этим двум сестрам, проживающим в Гданьске на улице Земовита, 13, в домике, слепленном из опаленных военным пожаром кирпичей, и окруженном на редкость буйным садом, в котором даже в октябре рдели диковинные цветы, скорее всего, не польские — следствие определило, что именно этим сестрам принадлежала лестница.

Когда это было установлено и запротоколировано, в суть дела (на беду человечества) проник гражданин начальник по морским делам Зенон Бийяс.

Перевод Ирины Адельгейм

---

1. Steamship (англ.) — пароход.

Беата Бялик

Магда Польковская: странствующая сказочница

Фото: Agencja Gazeta

Большинство сказочников устанавливает зрительный контакт со слушателями. Магда же закрывает глаза и забирает людей с собой.

На вечер «Сказок народов мира» я попадаю случайно. Здесь я знакомлюсь с Магдой Польковской, странствующей сказочницей. Предлагаю побеседовать, Магда приглашает меня в дом своих друзей в Мысленице под Краковом. На одеяле играет Нима, которой всего лишь несколько месяцев от роду.

— Мы все время передвигаемся, — начинает Магда. — На поезде, автостопом, на машине друзей. У Нимочки нет ни своей комнаты, ни кровати. Единственный постоянный элемент ее жизни — это я, — добавляет она, кормя дочурку.

Магда изучала антропологию экологии в США, потом преподавала там в университете.

— Очень долго я не знала, что делать в жизни, пока в один прекрасный день мой знакомый не спросил: «Почему бы тебе всерьез не заняться рассказыванием сказок?».

Чуть позже они вместе стали организовывать встречи в подвале дома Магды в Нью-Джерси. Вдохновение черпали в сказках народов Северной и Центральной Америки, Мексики и в посланиях ацтеков. Со временем к этим встречам присоединились музыканты. Так возник «Sacred Theater Collective», или «Священный театральный союз», но еще до того, как проект развернулся как следует, Магда вернулась на родину.

— В родной Гданьск я приехала из-за любви. Любовь прошла, а я осталась, — вспоминает она. Спустя полгода после возвращения в Польшу Магда начала выступать с рассказами. Первые встречи она собирала для друзей.

— Люди приходили, приводили знакомых, потом меня стали приглашать в другие города. Польша очень быстро приняла мои сказки, — говорит она. Теперь уже Магде не приходится ничего организовывать: маршрут прокладывается сам.

Сказки, сочиненные Магдой, связаны с местами, которые она посещала или в которых какое-то время пребывала. Она жила в заповедниках Северной Америки, в Мексике, а также в степях Сибири, куда попала благодаря музыкантам, посещавшим в США ее подвал.

— Еще вместе с отцом Нимы мы ездили с циклом рассказов о южной Сибири. Он играл на инструментах, я рассказывала, — вспоминает Магда.

Нима Умаи — имя тибетского происхождения. Нима означает «солнце», Умаи — «хранительница места, где человек родился». С тех пор как дочь появилась в жизни Магды, она присутствует и на ее выступлениях. Часто засыпает, прижавшись к матери, иногда пробует играть на каком-нибудь инструменте. Специально для нее был сочинен цикл «Авашкылар», то есть сказки матери и дочери. Магда признается, что сказок перед сном она Ниме не рассказывает.

— Многие женщины с рождением детей закрываются в своих домах, а ведь в других культурах ребенок живет в мире взрослых, является его частью. Дети должны видеть взрослых во всех сферах жизни, — объясняет она. — Если бы я оказалась с Нимой запертой в четырех стенах и вынуждена была ждать, пока она подрастет, чтобы вернуться к сказкам, то сошла бы с ума, и моя дочь сошла бы с ума вместе со мной, — говорит она. — Рассказчик — это не профессия, это судьба.

Большинство сказочников, которых знает Магда, устанавливает зрительный контакт со слушателями. Она же закрывает глаза: «Я забираю людей с собой». В Польше сказочники рассказывают для детей, обращаясь исключительно к старым сказкам — классическим или юмористическим.

— Я рассказываю по-польски и по-английски. В польском мне иногда не хватает слов, тогда я придумываю какие-нибудь несуществующие, чтобы передать в речи то, что я хочу выразить, — объясняет Магда. — Сначала появляются отдельные образы. Постепенно, иногда с долгими перерывами. Когда они начинают складываться воедино, рождается сказка.

— На фестивале исполнителей сказок в США я встретила старого сказочника из Африки. Я очень хотела попросить его, чтобы он благословил меня, но стеснялась. Я отважилась лишь подойти, постоять рядом с ним. Другие сказочники сидели вдоль длинных столов, у каждого были свои диски или книги, которые они продавали, у него не было ничего, — рассказывает Магда. — Я хотела уже отойти, когда он обратился ко мне. Положил ладонь мне на голову, он знал, о чем я прошу. «Если захочешь позвать сказку, то сядь под большим деревом и почувствуй, что ты хочешь сказать. Это придет само», — сказал он.

Многие после встреч приходят и благодарят — значит, что-то их задело.

— Сказки — это своего рода церемония, в которой мы участвуем, переживаем что-то вместе, «в стае», — добавляет Магда. В путешествиях ее сопровождает скрипка из Тувы, бубны, трещотки, тарелки или африканская арфа. Все эти инструменты — результат странствий.

— Без инструментов мои истории были бы словно фильмы без музыки.

Эндорфин, адреналин и кое-что еще

Несколько признаний на тему марафонов

Когда идешь, одна ступня все время касается земли; мало того, при каждом шаге на долю секунды на земле оказываются обе ступни. Когда бежишь, ступни никогда одновременно не касаются земли, мало того, при каждом шаге на долю секунды обе оказываются в воздухе. Если бежишь час, два, три, то вдруг появляется чувство, что ты не столько бежишь, сколько летишь.

Именно так я отвечаю, когда мне задают вопросы: зачем я бегаю, и что дает мне бег на длинные дистанции, то есть участие в марафонах? Я говорю это со всей серьезностью, независимо от того, вызывает ли фрагмент о летании смех слушателя или нет.

Не по силам нормальному человеку

Я никогда не мечтал о том, чтобы бегать марафоны, даже не думал об этом, хотя всегда принадлежал к людям, которым спорт не чужд. Чем я только не занимался в юности. Как и все, играл в футбол, но кроме того — в волейбол, баскетбол и гандбол; с ранней весны до поздней осени каждый день азартно крутил педали гоночного велосипеда и плавал в озере Гопло, а зимой с той же страстью катался на коньках по тому же озеру у подножья Мышиной башни^[1].

Несколько лет до окончания школы играл в настольный теннис в спортивном клубе в родном городе Крушвице. В университете даже занимался два года дзюдо в Академическом спортивном союзе Кракова. В каждой дисциплине я довольно быстро достигал уровня немного выше среднего, но ощутимых успехов, которыми сегодня можно было бы с чистой совестью похвастаться, ни в одном из этих благородных видов спорта не добился, что, надо сказать, удивляет меня до сих пор.

Случаев начать заниматься легкой атлетикой мне представлялась масса, но для прыжков в высоту я был слишком

низким, для метания ядра или диска — слишком тщедушным, а бег, даже на самые короткие дистанции, казался мне невероятно скучным, скучнее шахмат. Я обожал смотреть забеги легкоатлетов на стадионе и по телевизору, но самому идти на беговую дорожку — ни за какие сокровища. Может быть, мной руководило предубеждение, приобретенное в детстве. Дело в том, что когда мне было десять лет, я за несколько дней до олимпиады в Мексике посмотрел по телевизору документальный фильм об олимпийских играх четырехлетней давности в Токио. Фильм был построен вокруг марафонского бега. Сначала показали старт марафона, а затем главные события в других дисциплинах, но время от времени возвращались к марафону: 10-й километр, 20-й километр, 30-й километр, 40-й километр. Боксеры, борцы, гребцы, пловцы получали медали, а марафонцы все бежали и бежали по жаре, потая, задыхаясь, еле держась на ногах. Финал марафона совпадал с концом фильма. Помню, отец и дядя, которые его со мной смотрели, то и дело констатировали, что все виды спорта — человеческие, даже стрельба из лука и водное поло, но только не марафон; что марафон — это нечеловеческий вид спорта. Нормальный человек может пробежать сто метров, но не 42 километра и 195 метров, а именно столько пробежал древнегреческий воин из Марафона в Афины, чтобы поделиться с соотечественниками радостной вестью о победе и тут же умереть от нечеловеческого усилия.

Бежать, чтобы бежать

Причина, по которой я начал бегать, а со временем — также марафоны, была самая банальная: лишний вес. Пять лет тому назад я вернулся из Праги, где неделю жрал — тут нельзя сказать ел — свиные рульки с кнедликами и бухал — тут нельзя сказать пил — чешское пиво. Выйдя из ванной, я голышом встал на весы и не поверил своим глазам — столько я не весил еще никогда. Все еще отказываясь верить, я надел очки, проверил, не стоит ли на весах что-нибудь еще, — ничего не помогло, я весил столько же, то есть на десять с лишним килограммов больше, чем надо. А поскольку меня как раз уволили с работы, и на нехватку свободного времени жаловаться не приходилось, я решил заняться собой. А именно — начал ходить в спортзал.

Нельзя сказать, чтобы мне в спортзале не понравилось. Все упражнения, предлагаемые тренером, я делал торжественно и с энтузиазмом, тем более, что килограммы таяли. Я не боялся ни одного из тех устройств, которые можно увидеть в спортзале,

кроме одного — беговой дорожки, на которую тренер заталкивал меня при каждом удобном случае. Конечно, я мог по ней маршировать, причем довольно быстро, по полчаса, но я не мог заставить себя включить ускорение, чтобы перейти с шага на бег. Впервые я сделал это только спустя месяц после начала моих тренировок. Я бежал не больше минуты, в глазах потемнело, разболелся желудок, я почувствовал, что теряю сознание, и подумал, что сейчас умру, да меня еще и стошнит. Странное дело — ничего такого не случилось. Через месяц я уже мог продержаться на дорожке 15 минут, что привело меня в довольно неожиданный восторг от себя самого.

Поскольку новая работа пока только маячила на горизонте, я уехал из города в деревню, где, увы, как можно было ожидать, не было спортзала. Оставалось только бегать. И я бежал по лесам и полям, не без удивления отмечая, что могу продержаться уже полчаса. В каком темпе я бежал и какую дистанцию преодолел, я понятия не имел. Но не это было важно. Важно было то, что я бегу, и что этот факт доставляет мне неопишное удовольствие, даже радость. И, предупреждая то, что я напишу дальше — спустя пять лет я чувствую то самое неопишное удовольствие, даже радость, когда бегу. Тем более, что в какой-то момент я понял смысл бега, своего, но, наверное, не только своего, а бега как такового. Бегают, чтобы бегать. Для самого бега. Впрочем, по той же причине я всю жизнь занимаюсь литературой. Не ради скрытых в ней философских, религиозных, исторических, социологических или психологических смыслов и значений, а просто ради литературы. В поэзии для меня важна сама поэзия, в беге — бег. Как в стихотворении (no men o men) «Марафон» ушедшего несколько лет назад поэта Мариана Гжещака, моего старшего коллеги по редакции «Творчости», автора сборника редких стихотворений о спорте «Ника, несущая свет»:

Пастухи, пасущие коз,
из-под крыш опаленных ладоней
смотрят на солнце, пытаясь увидеть
от какого куда бежит этот бег,
в какое никуда.

Я смог

Через месяц джоггинга в деревне по полям и лесам, чему свидетелями были только косули и зайцы, я вернулся в Варшаву. На следующее утро я оделся и побежал в парк Агрикола. Когда я добежал до аллеи Томаша Хопфера, легендарного спортивного журналиста и пропагандиста массового бега, то увидел бегущего мне навстречу человека, который широко улыбнулся, помахал рукой и крикнул в мою сторону: «Слава олимпийцам»! Не знаю, кем был этот симпатичный мужчина, но знаю, что он — бессознательно и мимоходом — сделал из меня бегуна.

Когда я уже понял, что бег — это то, чего я искал всю жизнь и нашел только после пятидесяти, когда понял, что десять километров в день за неполный час не составляют мне никакого труда, ко мне пришла мысль принять участие в марафоне. Так и случилось. Ровно через год после того, как я пошел в спортзал, я стартовал в своем первом марафонском забеге. Перед стартом я боялся и трясся, как перед экзаменом на аттестат зрелости, но побежал; и финишировал отнюдь не последним. Когда я пересек финишную линию, то орал от радости, как ненормальный, зная, что моя жизнь никогда уже не будет прежней. Что интересно, я подготовился к тому марафону сам, как любитель, без тренера, хотя не знаю, прошло бы все так, как прошло, то есть, как по маслу, если бы не замечания и предостережения, которыми за несколько дней до старта меня снабдил мой друг Марек Заганчик, редактор журнала «Зешиты литерацке», тонкий эссеист и замечательный марафонец.

Нас не так уж мало

Марек в этом году готовится к своему 25-му марафону, я — к своему 10-му. Мы не единственные литераторы, бегающие на длинные дистанции. Бегают писательница Иоанна Батор, лауреат премии «Нике», которая даже писала о своем хобби в «Газете wyborчей» и с которой я имел возможность поговорить о беге. Бегают поэтесса Юстина Радчинская, основательница интернет-портала «Нешуфляда», известная под псевдонимом Иола Грош. Бегают поэты разных поколений: молодой Мартин Орлинский и годящийся ему в отцы Марек Чуку; профессор Аркадиуш Моравец, историк литературы, и Куба Фролов, специалист по книжному рынку, главный редактор журнала «Нотес выдавничий». В забегах на длинные дистанции по горам, что немного не уместается у меня в голове, принимает участие профессор Кшиштоф Келер, поэт, в свое время один из главных представителей поколения «Брулиона». Также в

забегах по горам, но в зимних условиях, что уж совсем не уместится у меня в голове, стартует поэтесса Малгожата Лебда. Я знаю, что бегал поэт Мариуш Гжебальский, редактор одной из лучших поэтических серий в Польше, но перестал, потому что, как он мне однажды признался, ему не хватило на это здоровья. Так что нас не так уж мало.

Да, конечно, спорт — это здоровье, но для того, чтобы им заниматься, тоже нужно здоровье. Бегать марафоны безнаказанно не получается. Марафон нельзя пробежать сходу, к нему надо серьезно готовиться. Теоретическая подготовка не доставляет хлопот. Выходит несколько журналов, посвященных бегу, любитель джоггинга найдет в них все, что ему необходимо знать об экипировке, тренировках, питании и т.п. Кроме того, много информации на эту тему можно получить из интернета и телевизионных программ. Во всех городах покрупнее есть магазины со специальной обувью, одеждой, учебниками, питанием, наконец, часами с GPS для бегунов. В Польше это сейчас очень модно. Марафоны и полумарафоны проходят почти во всех крупных городах: в Гданьске, Кракове, Познани, Лодзи, Катовице, Вроцлаве, а также в Дембно — рае польских марафонцев. В Варшаве проводятся целых два марафона в году, в том числе, прошедший впервые в 1979 году известный во всем мире Варшавский марафон, в котором участвуют спортсмены из пятидесяти стран.

Не на жизнь, а на смерть

Бег — это не только мода, но и бизнес, потому что экипировка для бегунов стоит не дешево. И, несмотря на это, бег остается самым дешевым видом спорта, самым доступным и демократичным. Доступным, потому что бежать можно начинать прямо от крыльца, поэтому по улицам и паркам всей страны носится столько людей. А демократичным — потому что бегать может действительно каждый, стар и млад, если только врач этого не запретит. Более того, стартуя в Варшавском марафоне или в Orlen Warsaw Marathon, я бегу вместе с лучшими польскими марафонцами, начиная с Генрика Шоста. Конечно, я могу себе представить такое стечение обстоятельств, при котором я играл бы в одном матче с лучшим польским футболистом, Робертом Левандовским, но он, несомненно, играл бы в нем в шутку, а не всерьез, — а как иначе он мог бы отнестись к матчу с моим участием. Зато, когда стреляет стартовый пистолет, все — начиная с лучшего бегуна Польши, кем бы он ни был, и заканчивая самым слабым,

которым может оказаться пишущий эти слова — все бегут, что есть силы в ногах.

Неважно, что Генрик Шост бежит почти в два раза быстрее меня и борется за первое место не со мной, а с профессионалами из Кении, Эфиопии или Уганды; важно, что никто из нас не относится к этому бегу как к развлечению. Марафон — это не забава, это не раз плюнуть. Преодолевая марафонскую дистанцию, каждый из нас, как тот афинский гоплит, ведет бой не на жизнь, а на смерть — с одной стороны, с расстоянием, с другой — с собственной слабостью, со своими ограничениями.

Я бежал и полумарафоны, и десятикилометровые забеги. Много раз видел, как во время забега на 10 км люди теряют сознание, падают от усталости, у них сводит мышцы, они сходят с трассы. Что ж, в таких забегах часто участвуют «доморощенные» бегуны, которым кажется, что у них получится. На марафонском старте нет таких, которым кажется, там стартуют только те, кто знает, что из себя представляет эта дистанция и каких усилий стоит ее преодолеть.

Легендарная стена

Одно из, а может, и самое важно понятие, которое используют марафонцы, это т.н. «марафонская стена». Рано или поздно перед ней встает, а точнее, до нее добегают каждый. Не хочу хвастаться, но со мной этого не было ни в первом, ни во втором марафоне, она настигла меня только на третьем, зато с тройной силой. Тогда я понял, что имел в виду поэт Яцек Напюрковский, участник марафона в Нью-Йорке, отвечая на мой вопрос о том, что же это за пресловутая стена: «вдруг из твоего мозга начинает литься черная жижа и обливает все тело».

Во время одного из марафонов переживавший тяжелый кризис бегун, которого я пытался подбодрить, сказал мне, что это его первый марафон, до этого он пробежал десять полумарафонов, но только сейчас понял, что марафон — это не то же самое, что два полумарафона. Это правда, марафон начинается два раза: сначала — на старте, когда ты еще в десятитысячной толпе бегунов, когда мы все еще вместе, рядом, когда толпа рождает азарт и упоение после отсчета и выстрела; и потом, на середине дистанции, когда вдруг начинает болеть все тело, от макушки до пят, когда кроссовки, которые казались удобными, начинают тереть, когда голова кружится и не просто тошнит, а

выворачивает, когда остается одна мысль — какого лешего я все еще бегу, зачем мне это надо, может, пора бросить это, вернуться домой, сходить в душ, лечь на диван, включить телевизор.

У каждого из нас — своя стена, у кого-то на 25-м, у кого-то на 30-м километре. У меня она случилась раз на 40-м километре, когда я понял, что не преодолею четырехчасового барьера. Я был уже на Свентокшиском мосту, до Национального стадиона было рукой подать, два километра с хвостиком, и тут меня охватило отчаяние, что я снова не справился, снова не пробежал его за 4 часа. Мне хотелось сойти с дистанции, и я добежал только из чувства лояльности по отношению к себе, к усилиям, которые я вложил в бег, чтобы добраться до той точки на середине Свентокшиского моста.

Аллея Януша Кусоцинского

Бегать марафоны — это, если воспользоваться названием популярного во времена моей молодости романа Ирвинга Стоуна, — муки и радости. Когда я бегу, я парю, впадаю в транс, чувствую радость от того, что переживаю что-то невероятное и неопишемое, единственное в своем роде; выделяется адреналин, высвобождается эндорфин. Несмотря на усиливающуюся усталость и скуку дистанции, которая никак не кончается, мне кажется, что я мог бы бежать вечно. Тогда я чувствую себя, как лирический герой стихотворения Казимира Вежинского, озаглавленного в честь великого финского легкоатлета «Нурми»: «Мой шаг — танцевальный ход, / мой шаг — это сердца стук, / Я словно часы дыхания, / как башня в небе плыву».

Однажды я прочел признание некоего бегуна, что марафон — лучше секса. Другой утверждал, что во время бега медитирует и достигает состояния нирваны. Я не мог бы с чистой совестью и без риска показаться смешным, даже не перед читателем этой исповеди, а перед самим собой, сказать, что это так: все-таки, наверное, нет. Но сколько раз во время утренней пробежки у меня в голове начинал писаться текст, который накануне вечером я не мог начать ни за какие сокровища. Более того, утренняя пробежка располагает меня к дружелюбию по отношению к миру и людям, дает хороший настрой на весь день. Разве может быть что-то прекраснее, чем встретить в парке Агрикола, рядом со стадионом Легии, на аллее Януша Кусоцинского или Юзефа Нойе наших старых чемпионов, Роберта Коженёвского или Богуслава Маминского? Пробежать

рядом с ними, в том же темпе, сто, двести метров. Это ни с чем не сравнимое чувство. Позволю себе похвастаться, что однажды я встретил здесь Збигнева Бонека, председателя Польского футбольного союза, поравнялся с ним, но он бежал слишком медленно, так что я обогнал его и побежал дальше.

Другой и другие

Марафонский бег открыл мне, что я до сих пор плохо себя знал. За год или два до того, как начал сбрасывать вес, я отдыхал в Риме как раз во время марафона. Старт и финиш — у Колизея, рядом с Триумфальной аркой Константина, трасса проходила через весь Вечный город, мимо Ватикана. Я стоял у фонтана ди Треви как раз в тот момент, когда мимо пробежала ведущая группа спортсменов: сначала группа чернокожих, красивых, как скульптуры, худых и длинноногих мужчин, а затем группа таких же чернокожих, красивых, как скульптуры, худых и длинноногих женщин. Они бежали так, словно это не составляло для них никакого труда, словно бег был чем-то столь же очевидным, как дыхание. Картина не только завораживающая, но и ужасающая своей красотой. Она была для меня тогда и остается до сих пор воплощением спорта, спортивного духа, который всегда меня увлекал; чистого и бескорыстного спорта, в который мы хотим верить и верим несмотря на то, что то и дело слышим о скандалах, связанных с допингом, неизлечимой болезнью современного спорта.

Когда я спустя полчаса подошел к Пьяцца дель Пополо, то увидел толпу людей, бегущую вслед за лучшими. Эти уже бежали не так, как дышат, было заметно, что бег доставляет им болезненные ощущения, что они борются за существование, за жизнь. Я знал, что это не такие чемпионы, не профессионалы, а любители, обычные люди: чиновники, рабочие, учителя, студенты, не исключено, что среди них бежал и поэт. И эти люди вызвали у меня еще большее восхищение. Мне казалось, что они такие же, как я, похожи на меня — и в то же время совершенно другие, потому что они стартовали в марафоне, бежали, несмотря на растущую усталость, под безжалостным римским солнцем. Я думал тогда, что они лучше меня, сделаны из другой, лучшей глины, раз они способны на такое огромное, героическое усилие.

Сегодня, когда я перешел на их сторону, а значит, на сторону участников, а не зрителей, я совсем не чувствую себя лучше других. Конечно, я другой, как и все, но не лучший; другой — всего-то, но это так много. Мне удалось перейти границу, о

существовании которой я знал, и которую считал непреодолимой. Может быть, мы для этого и живем, для этого уникального в своем роде, несравнимого ни с чем опыта, переживания?

Победа — за нами

На моем счету несколько марафонов, одни более, другие менее удачные, в том числе один, когда я преодолел заколдованный для меня барьер и пробежал дистанцию быстрее, чем за четыре часа, причем на целых пять минут. Но ведь важен не результат, во всяком случае, для меня. И не место, которое я занял. Старт в марафоне — это праздник, увенчание месяцев пробежек в любую погоду, в дождь, в мороз, в жару.

Когда участвуешь в марафоне, нельзя не заметить двух вещей: во-первых, в тот момент, когда ты кого-то обгоняешь на трассе, кто-то другой обгоняет тебя, а во-вторых — ни тот, кого я обгоняю, ни тот, кто обгоняет меня, не являются моими соперниками, противниками. Масштаб сложности, которую задает дистанция марафона, так велик, что на пути у тебя нет противников; один противник — это ты сам, и еще твое тело, в которое облечено твое сердце; и это тело тем более становится твоим, чем больше болит. Но этого не знает никто, кроме тебя, кроме того, кто сейчас бежит, кто добежал до 42-го километра и кому остаются только последние метры, ровным счетом 195. Это лучшие моменты в жизни марафонца, независимо от того, сколько времени ему потребовалось, чтобы добраться до этой отметки.

Передо мной — табличка с надписью «Финиш». Я бегу из последних сил, в глазах у меня слезы, немного — от усталости, потому что все это все-таки не по моим стареющим силам, немного — от счастья, потому что, как сказал бы маркиз де Сад, еще одно усилие — и все это, наконец, закончится, но я в последний раз беру себя «в ноги», чтобы случилось то, о чем написал Ярослав Ивашкевич в оде «На марафонский бег»: «не забудьте у финиша крикнуть, как афинский солдат: Радуйтесь, братья! Победа за нами!». Каждый, кто пробежал марафон, — победитель. Он победил себя, а ведь известно, что победить себя — самое сложное.

Перевод Анастасии Векшиной

Януш Джевуцкий (р. 1958) — поэт, литературный критик, редактор отдела поэзии журнала «Твучость». Недавно выпустил две книги критики — «Подчерк» и «Состояние сосредоточения», сборник стихов «Реки Португалии» и дневник «Жизнь на бегу. О людях, местах, литературе, футболе, марафонах и прочем». Живет и работает в Варшаве.

odra
miesięcznik

-
1. Сторожевая башня средневековой крепости в городе Крушвице — *Примеч. ред.*